Иван Константинов

ЯСТРЕБ В ОГНЕ

Annotation

Ее зовут Мириам, и ее история продолжается в городе на холмах, осажденном моторизованной ордой. Она потеряла свой дом, но обрела тех, кого нужно защищать — и новых друзей, странных, не похожих друг на друга. Вместе они готовы бросить вызов рейдерам: таинственная воительница-киборг, странствующий монах-убийца, гладиатор, скрывающийся от прошлой славы. Битва приближается, счет идет на часы — но чем сможет помочь друзьям Мириам, совсем недавно открывшая в себе необычный дар? Сможет ли он спасти хоть кого-нибудь от неизбежной гибели? Или, возможно, в городе найдется другая сила, способная на это?

Иван Константинов
Ястреб в огне

Глава I

Данная книга является частью цикла «Стальная бабочка», в который входят следующие книги:

1. «Стальная бабочка, острые крылья».
2. «Ястреб в огне».
3. «Дорога мертвых».
4. «Крепость лжецов».
5. «Разбитые звезды».

Интермедия I.

Квин дрожал.

Не от холода, хотя подходящая к середине ночь успела выпить все тепло из окружающих домов и той подворотни, в которой он сидел уже полчаса, прижавшись спиной к медленно леденеющей стене. И не от страха — улица была знакома ему, словно собственная ладонь. Тени, движущиеся по ней и пропадающие в переулках, он помнил наперечет.

Задумываться над причинами, заставляющими вздрагивать мышцы, было опасно. Стоило мыслям об этом занять его, и дрожь бы усилилась, проникая глубже, открывая путь холоду, противостоять которому гораздо труднее. Поэтому Квин старался думать о чем-то постороннем, не имеющем отношения к темной улице: теплой каморке, которую недавно покинул, сестре, кашляющей за перегородкой, и чайнике, остывающем на электрической плитке…

Медленно теряющем тепло…

Он резко выдохнул, стараясь согреться, и темнота в глубине подворотни пришла в движение, словно услышав его. Пара человек, показавшихся оттуда, до смерти напугали бы Квина еще неделю назад. Сейчас же их кожаная броня, нашивки и оружие казались ему естественными. Более того — он был рад их видеть.

— Вы долго. — Проворчал он для порядка, и удивился тому, каким высоким оказался его голос… просто какой-то писк. Старший из наемников, высокий, с черными волосами, поблескивающими в темноте — не обратил на его слова ни малейшего внимания. И швырнул ему сумку, тяжелую, с широкими пластиковыми ремнями.

— Что, задницу отморозил? — Спросил второй наемник, пониже ростом, хорошо знакомый Квину. — Ничего, тяжесть потаскаешь — согреешься.

— А где… все? — Спросил Квин.

— Перед тобой. — Сказал высокий наемник. — С нами прогуляешься, тут недалеко. Где башня с баком знаешь?

— С чем?

— Бак с водой на вышке. — Уточнил Финг, второй наемник, и хлопнул Квина по плечу. — Ты же вроде как храбрец? Сам вызвался, я тебя за язык не тянул.

— Водонапорная…. — Квин с трудом восстановил равновесие и забросил сумку за спину. — Да тут два квартала пройти наверх, и свернуть…

— Вот и двинули. — сказал Финг.

— Но я думал…

— И зря. — Отрезал второй наемник. — Не твое это дело, думать. Сумку тащи, и под ноги смотри.

— Вот-вот. — Поддержал его Финг. — Не так просто в Шипы попасть, как кажется, братишка. Сперва поработать придется.

Они вышли из подворотни, словно охотники в глубокой пустыне, ожидающие атаки — высокий наемник впереди, Финг позади, а Квин посередине. Сумка с чем-то тяжелым и твердым то и дело била по спине, заставляя спотыкаться. К тому же наемники словно специально выбирали участки улицы, освещенные хуже всего, даже не приближаясь к редким фонарям. Несколько раз они останавливались в темноте, по шипящей команде высокого наемника, пропуская мимо гвардейские патрули. И еще раз ждали дольше, минут пять, пока компания пьяных Молотов выясняла отношения посреди улицы.

Водонапорная башня проступила в звездном небе квадратной тенью, и только тогда Квин понял, как замерз.

— Здесь. — Сказал он. — Пришли.

— Вот и хорошо. — Обрадовался Финк. — Не такая она и большая, верно?

— Точно. — Ответил высокий наемник. — По одному на опоры будет достаточно, пару сохраним, пригодятся.

— А что делать? — Спросил Квин.

— Тебе — заткнуться. — Высокий отобрал у него сумку и бросил на землю.

— Дальше мы сами. — Сказал Финк, доставая оттуда что-то небольшое, прямоугольный сверток, слабо различимый в темноте. — А ты пока отдохни… типа.

— Я не понимаю, это же…

— Как и я. — Громкий шепот прозвучал словно в голове Квина, заставив вздрогнуть.

Финк выронил сверток и обернулся. Рядом с ним возник, заплясав, словно светлячок, зеленый индикатор зарядов — высокий достал игольник, и теперь водил стволом из стороны в сторону, ища цель.

— Че за…

— Вы взорвете вышку, возможно, убив людей в окружающих домах. Разрушите часть улицы. Зачем?

— Эй, покажись…

— Из-за денег? Но через два дня они не будут стоить здесь ничего. — Голос приблизился, и совсем рядом с Квином проступила серая тень. Человек в плаще, вроде тех, что носят жители пустыни, стоял между ним и наемниками, неизвестно как там оказавшись. — Вы не успеете их потратить.

— Да ну. — Индикатор пропал из поля зрения Квина. Теперь ствол смотрел в его сторону, на неизвестного, стоящего между наемниками. — Ты вообще кто будешь?

— Я вижу, что речь не об одной вышке. — Шепот стал громче, и Квину захотелось зажать уши. Слова, произнесенные со странным выговором, словно ввинчивались ему в мозг.

— Обо всех, что с этой стороны холма. — Неожиданно ответил Финк, который тоже успел достать игольник, и держал его на весу. — Их всего три, вроде.

— Вот как?

— Да. Эта водная, и еще две с орудиями. — Речь Финка стала ускоряться, слова полились потоком. — Те, что пониже, на восточную сторону смотрят. Нам не говорили, но я слышал, как мелкий сказал про них. Мы вроде как и знать об этом не должны…

— Заткнись! — Прошипел высокий наемник, видимо, совершенно переставая понимать,

что происходит. — Что ты несешь?!

— Но я краем уха слышал. Еще две группы должно быть, или даже три — те, что с базы в Яме пойдут. Там большая база, и они сами по себе…

Хлопнул игольник и Финк замолчал. Квин, зажав уши руками и опустившись на корточки, наблюдал, как тот покачивается, а затем мягко оседает на мостовую. Давление стало сильнее, словно шепот, на самой грани слышимости, сдавливал голову с двух сторон. Высокий наемник пытался прицелиться в незнакомца, стоящего совсем рядом, но что-то явно мешало ему. Игольник, отблескивая в свете звезд, плясал, словно рыба в канале, не дающаяся в руки незадачливому рыбаку.

— Значит, вас больше? — Снова прозвучал шепот. — Я исправлю это.

— А… иди к черту! — Ответил высокий наемник. Игольник в его руках неожиданно повернулся, и в темноте раздался еще один хлопок.

Квин не услышал, как тот упал. Незнакомец смотрел теперь прямо на него, каким-то невозможным образом он видел в темноте его лицо, обезображенное металлическими осколками, врастающими в кожу.

— Я… не знал. — Сказал Квин, отвечая на безмолвный вопрос. — Кредиты, работа… купить еды.

— Сестра. — Ответил шепот, озвучивая его мысли. — Сестра больна, нужны лекарства, больше никого. Комната, дом, тепло. Не хочу быть здесь, хочу домой.

— Да. — Согласился Квин и заплакал.

— Беги. — Сказала сломанная маска.

И Квин побежал.

I.

— Ты видел Бога?

— Где?

— На небе. Ты же был на небе, ты должен был увидеть Бога.

— Небо — это тонкая оболочка, за которой лежит холодная пустота. Там нет жизни, и воздуха. Люди строят там особые дома, из металла, и обогревают их изнутри. Много таких домов складываются в небесные города, парящие над особыми точками на Земле.

В коридоре на втором этаже не горел свет, но шепот разносился далеко. Мириам отлично слышала оба голоса, присев на верхней ступеньке лестницы. Не то, чтобы она собиралась подслушивать — скорее во всем были виноваты несколько стаканов молока, выпитых перед сном, заставивших ее проснуться в час ночи, и спуститься в альков, на первом этаже. А проигнорировать стук в дверь, которым Таня пыталась добудиться Джино, она просто не могла.

— То есть Бога там точно нет?

— В пустоте — нет. Но те из нас, кто верит в него, считают, что он находится во всем — в свете, воздухе, воде, в самом пространстве и каждом из нас. Например в тебе…

— Во мне?

— Ну конечно. Если его нет в детях, то значит он точно не существует… — Джино рассмеялся. — Так говорила учительница, в младшей школе.

— Твоя мама?

— Нет, учительница. Мы рождаемся не так, как вы, а в специальной машине. А потом детей воспитывают всех вместе, сначала в яслях, потом в школах…

— Машина делает детей?

— Ну да, можно и так сказать.

— И у тебя не было мамы?

— Получается, что нет.

— Это плохо. Слушай, но если Бог есть во всем, то он есть и в тебе?

— Ну… наверное.

— Почему же ты тогда так болеешь?

— Потому что… — Голос Джино, приглушенный дверью, зазвучал еще тише, словно он, как и Таня, сел, опираясь спиной о дверь. — Потому что я сам в этом виноват.

— Но что ты такого сделал?

— Я спустился на Землю, и этого достаточно. Я мог выстрелить себе в голову, и это тоже было бы моим выбором. Никто, кроме меня, не был бы за это в ответе…

— Но это не правильно!

— Почему? Все справедливо. Я получил награду, сообразно своему поступку.

Таня замолчала ненадолго, обдумывая его слова.

— Но если бы ты мог решать снова, ты бы остался дома… наверху?

— Не знаю, об этом не хочется думать. Почему ты задаешь все эти вопросы?

— Я думала, небесные люди знают ответы на все.

— Это не так. Я обычный человек…

— Неправда, ты очень умный…

— И очень усталый. — Не выдержала Мириам, и встала со ступеньки. — Ему же нужно спать, Таня!

Голос она не повышала. Наверное только поэтому Таня не вскочила с криком, а только сжалась, по прежнему прижимаясь к двери.

— Я боялась, что завтра он… что не успею спросить обо всем.

— Это Мириам? — Спросил Джино.

— Да.

— Спасибо за рисунок.

— Не за что. Это просто бумага, и немного мела…

— Это еще и мое лицо. — Голос Джино прозвучал глухо, снизу. Мириам присела у двери, рядом с Таней, чтобы лучше его слышать. — О котором ты мне напомнила…

— Би сказала, что ты будешь спать…

— Я спал достаточно. Девочка права, насчет завтра. Сколько тебе лет, Мириам?

— Шестнадцать. Осенью будет семнадцать, а что?

— Осень… это когда зеленеют деревья, да? Вся долина становится зеленой, а на холмах вырастают цветы?

— Ну да, а поздней осенью созревает второй урожай яблок, и кукурузы. А цветы… они просто красивые. Их собирают… ну просто, чтобы собрать.

— И дарят девушкам, да?

Мириам улыбнулась в ответ, и сразу же поняла, что ее улыбку не увидит в темноте даже Таня, тихонько сидящая рядом.

— Да. Цветы, и цветные ленты, и кольца с браслетами. На осенней ярмарке можно купить все это, она даже больше весенней.

— Но у тебя, кажется, нет колец?

Таня тихонько хихикнула, а Мириам почувствовала, что краснеет.

— Что-то не так? — Спросил Джино.

— Обычно так знакомятся с девушками. — Ответила наконец Мириам. — С теми, с которыми хотят… ну… в общем спрашивают, где ее колечко, лента в волосы или сережка…

— Извини…

— За что? Это же не обидно. Девушка всегда может сказать, что и без сережек хороша, или что колечко у парня, а парень в гвардии. Или еще как-то отшутиться…

— Я не знал.

— У вас не знакомятся с девушками?

— У нас все… иначе.

— А что дарят небесным девушкам? — Встряла в разговор Таня.

— Я, если честно, затрудняюсь…

— А тебя ждет на небе девушка? — Мириам толкнула Таню плечом, и та замолчала, обиженно засопев.

— Не обижайся. — Прошептала Мириам. — Она маленькая, и не хотела…

— Не ждет. — Тихо ответил Джино. — Да и… я не хотел бы, чтобы ждала.

Мириам прижалась щекой к двери, слушая хриплое дыхание, с другой стороны. Цвет Джино пробивался сквозь щели между досками вместе с биением его сердца, которое Мириам не слышала, но угадывала по пульсации цвета.

— Ты… печальный. — Сказала она, положив палец на губы Тане. — Плохо, когда тебя не ждут, и знать, что… плохо и страшно. Ты смелый, Джино. Наверное, у вас на небе очень глупые девушки, раз ни одна не взяла твое кольцо, или твою сережку. Я… я бы взяла.

Она встала, и подняла Таню, которая тут же попыталась по своему обыкновению что-то спросить. Мириам снова дотронулась до ее губ.

— Мы пойдем. — Сказала она. — Выспись, пожалуйста, чтобы мы смогли завтра поговорить.

— Да. — Прошептал Джино. — Спокойной ночи.

И, когда они уже отошли от двери, до них долетело, совсем тихо:

— Спасибо… Мириам.

II.

Мириам зевнула и споткнулась.

Город не спешил просыпаться, заря едва-едва окрасила небо над крышами, начинающими блестеть от утренней росы, и улицы оставались непривычно пустыми. Только раз навстречу попался бородатый старик, подметавший мостовую, и даже не глянувший в их сторону.

Би на секунду остановилась, поджидая Мириам. Она тоже выглядела усталой — или, возможно, просто казалась такой в предрассветных сумерках.

— Почему так рано? — Спросила Мириам, и снова зевнула.

— Это гвардейское стрельбище. — Ответила Би. — Позже его могут занять.

Мириам пожала плечами. Ей никогда не составляло труда вставать с рассветом, как принято на фермах — большинство ее постояльцев просыпались очень рано, с первыми лучами солнца. Но сегодня Би пришлось расталкивать ее довольно долго. Видимо, дело было во вчерашнем дне, перенасыщенном событиями настолько, что даже во сне Мириам продолжала переживать их.

Стараясь успеть следом за Би, Мириам пыталась вспомнить свой сон, но не могла. Ни слов, ни картин — остались только ощущения паники и холода, засевшие глубоко в памяти, и сейчас отступающие все дальше, с каждым шагом по мостовой Хокса.

Поначалу ей казалось, что стрельбище должно быть в Верхнем городе, но Би шла явно не к воротам. Они пересекли Праздничную площадь, пустую и замусоренную, и свернули в уже знакомый переулок под решетчатой башней. На этот раз в нем никто не ждал, хотя Мириам все равно непроизвольно оглянулась, проверяя, не следят ли за ними. Но город все еще просыпался, и только утренний ветерок гонял по площади пластиковые обертки от сладостей.

Они свернули еще раз, в другой знакомый переулок, и подошли к высокому забору, переходящему прямо в бетонную стену Верхнего города. В прошлый раз Мириам не обратила на это место ни малейшего внимания. Но сейчас, стоило им приблизиться, из-за стены раздался голос, показавшийся ей знакомым.

— Вольно!

Аккомпанементом команде прозвучал женский смех. Знакомый голос сказал что-то еще, уже тише, и смех раздался снова.

Би хмыкнула, подошла к малозаметной двери в стене, и толкнула.

Мириам никогда раньше не видела стрельбищ, и не очень представляла, на что оно может быть похоже. Ее взгляду открылся широкий двор, с рядом грязно-белых плакатов, развешанных в дальнем конце, несколькими длинными скамьями у стен и грубым деревянным барьером, вроде длинного стола. Ничего любопытного во дворе не было, за исключением, пожалуй, его обитателей: четверки гвардейцев, сидящих на скамье у входа, и группы девиц с игольниками, в разноцветных плащах самых невероятных оттенков, окруживших обладателя знакомого голоса.

— Еще раз повторяю. — Сказал монах, и смех стих. — При команде «Вольно» убираете палец с курка, и кладете ствол на плечо. Сначала убираете палец, потом поднимаете руку, вот так, и направляете ствол вверх.

— Ты не так объясняешь, монах. — Сказал другой знакомый голос, со скамьи. — Им про ствол не понятно. Ты им что другое в руки дай, так они сразу куда надо попадут!

Гвардейцы засмеялись.

— Конечно, сержант. — От группы, окружившей монаха, отделилась высокая рыжая девушка, в ярко-зеленом плаще. — Твое достоинство, небось, и в иголочное ушко пропихнуть можно! Если его сперва найти… Хотя моим девчонкам не привыкать — если что, у твоей жены спросим, она же когда-то нашла?

Сержант Торренс тяжело поднялся, смерил взглядом рыжую, и ее хихикающих подруг, затем своих гвардейцев, давящихся смехом — и обернулся на звук захлопывающейся металлической двери.

— Вы что, сговорились?! — С явным облегчением в голосе проворчал он. — Только я со взводом потренироваться собрался…

Смех затих.

— Мы не помешаем, сержант. — Сказала Би. — Нам понадобится только одна мишень.

— Да я бы рад, только…

— … вам уже заплатили за это утро?

— Да вроде как…

— Крайняя мишень свободна. — Сказал монах. — Мы постараемся сильно не мешать.

— Что значит свободна?! — Возмутилась рыжая. — Мы же кучу кредитов отвалили…

Кейн улыбнулся ей вместо ответа. Девушка смерила его подозрительным взглядом, а затем с таким же подозрением осмотрела воительницу и Мириам, приближающихся к их

маленькой группе. Мириам не понравился этот взгляд — жесткий, оценивающий, совсем не женский и заставляющий забыть о ее красоте.

— Так вот кого кошка на хвосте принесла. — Тихонько протянула рыжая, и взяла Кейна под руку, очень интимным жестом, однако монах этого словно и не заметил. — А ты и не говорил, что она придет?

— Это Анита. — Сказал Кейн невозмутимо. — Мы с ней давно знакомы.

— Давным-давно…

— Это и есть твое дело? — Спросила Би. — Или тоже вышло случайно?

— Дело.

— Хорошо. Лишние стрелки нам не помешают.

— Ты… смеешься над нами, да? — Спросила рыжая, в ее голосе низкой нотой прозвучала обида. — Глупые девки додумались учиться стрелять? А ты знаешь, что когда все мужики похватают ружья, да по стенам разбегутся, то о нас просто забудут? Потому что мы никому не нужны, когда нет караванов и купцов с кредитами. И когда всех мужиков поубивают, то нам придется куда хуже, чем им…

Вглядываясь в Аниту, Мириам внезапно поняла, на кого же она похожа — на тетю Клер. Не внешне — своей простой и понятной решимостью стоять на своем, свойственной женам фермеров… и видимо, не только им. Да и девчонки за спиной Аниты, как видела теперь Мириам, ничем не отличались от обычных девушек с ферм, обливавшихся водой и визжавших по утрам у нее во дворе. Ну разве что одеждой и украшениями, о которых в пустыне можно было только мечтать.

— Я не смеюсь. — Сказала Би. — Через два дня у нас будет на счету каждый человек, а вы — ничем не хуже других.

— Лучше, да только не в том, что надо, баронесса. — Хмыкнула рыжая. — Но все равно спасибо…

— Баронесса?

Девицы за спиной Аниты дружно захихикали.

— А разве плохо? — Как ни в чем не бывало спросила Анита. — Барон у нас молодой, да и красивый…

— Глупо. — Сказала Би.

— А кто бы спорил. — Неожиданно согласилась рыжая. — Мечтать вообще глупо…

Би кивнула, показывая, что разговор окончен, и пошла к противоположному концу барьера. Мириам поспешила за ней. Девушки, собравшись вокруг монаха, зашептались, но Кейн прервал их:

— Хватит. — В наступившей тишине что-то металлически щелкнуло, видимо, часть игольника. — У нас мало времени. Вытащили картриджи…

— Становись сюда. — Сказала Би, указывая Мириам на место перед барьером, у самой стены. — Времени действительно нет. Научить тебя серьезно я не смогу, но основы показать успею…

— Отодвинули фиксатор и картридж выпал. — Говорил монах где-то в стороне. — Вставляете новый картридж до щелчка, пока фиксатор не станет на место.

— Праймы стреляют иначе, чем обычные люди — у нас есть прямой контакт с электроникой оружия, цифровой спуск, и особая схема прицеливания. Тебе это не нужно, и я покажу, как учили меня, еще до Корпуса. Все начинается со стойки, она должна быть максимально удобной и устойчивой, чтобы ты могла удержать оружие неподвижно. Если

нельзя нормально встать — лучше лечь, или положить ствол на неподвижную опору…

— Можно стрелять стоя. — Голос Кейна доносился до Мириам вместе с инструкциями Би, накладываясь на них. — Можно стрелять с колена, это более надежная позиция. Но проще всего стрелять лежа. Вам не нужно будет бегать с оружием, и я не успею обучить вас стрельбе с колена. Ложитесь…

— Правильно, монах. — Перебил его сержант. — Вот такой язык они понимают.

— Но если нужно просто достать оружие и выстрелить — лучше уметь стрелять из стойки. — Би дотронулась до пальцев Мириам, лежащих на рукояти игольника. — Обхвати рукоять снизу, вот так. Чуть согни локти, и подними его на уровень глаз. Встань удобнее, как если бы ты упиралась во что-то руками. Хорошо. Ты уже раньше делала это?

— Да. — Ответила Мириам. — Меня же учил отец… стрелять из револьвера.

— Ноги шире, упритесь в землю носками. — Говорил тем временем монах. — Хихикайте сколько угодно, но вам должно быть удобно. Локти шире, вторую руку перед рукоятью. Вот так. Ты, не задирай плечи!

— Револьвер работает иначе. Пороховые патроны, гораздо сильнее отдача, поэтому такая стойка…

— Да, я знаю.

— У игольника отдачи почти нет, поэтому можно сильно не напрягаться. Но лучше стой, как тебе привычнее.

— Хорошо.

— Подводите прицельную рамку под центр мишени, точка должна оказаться точно посередине. Вам не нужно целиться в голову — на таком расстоянии человек войдет в рамку целиком. Стреляйте точно посередине, или чуть выше, попадете в живот или грудь, больше ничего не нужно.

— Есть еще одно отличие от револьвера — у игольника небольшая останавливающая сила, у стандартного боеприпаса, по крайней мере. Это значит, что если ты можешь выстрелить несколько раз, для верности, то лучше так и сделать. Самый оптимальный вариант — короткими очередями, два-три выстрела…

— У вас разные модели оружия, у одних в прицеле точка, у других — металлическая мушка. Так вот, что там — не важно, эта штука должна быть точно посередине рамки. Если она наклонилась, или сползла набок — значит вы криво держите ствол.

Мириам выдохнула, глядя на мишень сквозь прицел своего игольника. Красная точка плясала посередине, а чуть ниже светился маленький индикатор зарядов: «двадцать шесть».

— Два-три выстрела, запомнила? Для этого легонько придержать курок…

— Поняла. — Игольник хлопнул два раза, и мишень в рамке затрепетала.

— Хорошо, но бери немного ниже, ствол слегка подбрасывает при выстреле. Если очередь длинная, то приходится корректировать прицел, снижать его еще…

— Огонь! — Выкрикнул монах, заставив Мириам вздрогнуть. Игольники девушек, лежащих вдоль барьера цветной россыпью, словно сладости на прилавке, беспорядочно захлопали.

— И что, попала хоть одна? — Спросил сержант.

— Да. — Ответил Кейн, рассматривая ряд мишеней в свой прицел, уже знакомый Мириам. — И даже больше. Дайте мне пару дней, и этот взвод будет стрелять получше многих.

— Мечтай, монах.

— Да я бы поспорила. — Сказала Анита, усаживаясь скрестив ноги на своем дорогом плаще, уже изрядно вывалянном в пыли. — Что мои девочки сделают твоих мальчиков в стрельбе. Да только не знаю, что вы можете такого интересного поставить?

— Еще раз. — Сказала Би, и Мириам не услышала ответа сержанта. — Бери чуть ниже очередь из двух выстрелов. Давай!

Игольник хлопнул еще два раза.

— Хорошо. Ты действительно стреляла раньше, у тебя очень неплохо получается. Картелю ты сказала, что застрелила кого-то из револьвера?

— Да. — Игольник в руках Мириам дрогнул. — Человека, который убил моего отца.

— Прости. — Би дотронулась до плеча Мириам, заставив опустить ствол чуть ниже. — Это был не лучший вопрос…

— Ничего. Я никому это не рассказываю… про то, как осталась одна.

— На вас напали?

— Нет. Это был фермер, из тех, что работают по найму, весной, а потом у них совсем нет работы. У него не было денег, и отец налил ему выпить. Потом он попросил еще, а отец отказал ему, и велел убираться с нашего двора. Тогда он пошел к выходу, но на полпути вернулся, и застрелил моего отца.

Точка в рамке расплылась и поплыла, Мириам заморгала, но оружие не опустила.

— Он стоял там, и не знал, что делать, а потом снова пошел к выходу. И тогда я достала револьвер — тот, большой, из-под стойки, и выстрелила в него. Один раз.

— Прости. — Снова сказала Би. Мириам шмыгнула носом.

— Это ты извини. Хочешь сделать для меня что-то хорошее, а я все время реву. Это было давно, с этим ничего уже не сделаешь.

Она снова прицелилась.

— Еще отец учил меня удерживать дыхание, когда целишься. Выдыхаешь, и в тот момент, когда все замерло, стреляешь. Так можно делать?

— Да. Если цель очень далеко, то это имеет смысл, но здесь всего двадцать пять метров.

— Я все равно попробую.

Мириам выдохнула и нажала на спуск.

— Огонь! — Скомандовал Кейн, и земля вздрогнула. Где-то вдалеке, за стеной, ударил далекий гром, в котором утонули звуки выстрелов.

— Что это? — Спросила Мириам у Би.

— Мощный взрыв. — Би обернулась к сержанту, вскочившему со скамьи, и говорящему в маленький переговорник. — Довольно далеко, к востоку. Похоже, наш урок закончен…

Мириам опустила игольник, и смотрела на сержанта, который закончил говорить, и теперь шел к Би. Его цветом был страх. Даже не оглядываясь, она знала, что на Би сейчас смотрят все — девушки, гвардейцы, Кейн. Сержант подошел ближе и протянул Би переговорник.

— Шериф. — Сказал он сварливо. — Велел тебя найти. Вот, нашел.

III.

Город уже не спал.

Разбудил ли его взрыв, или ему так и полагалось просыпаться, с первыми лучами солнца, падающими на крыши, Мириам не знала. Но сейчас улицы больше не казались пустыми — хлопали ставни, из подворотен доносились голоса, куда-то спешили горожане и бежали гвардейцы. Хокс переполняло движение, испуганное и лихорадочное, как если бы

сам он был живым человеком, внезапно осознавшим, что все это время спал на краю скалы, а внизу — обрыв и острые бетонные обломки. Люди оглядывались на Би и спешили дальше, тяжело пробегали мимо гвардейские патрули, занимающие позиции на перекрестках, а напряжение, повисшее в воздухе, усиливалось с каждой секундой.

— В магистрат не нужно? — Спросила Би, прижав переговорник к уху, и остановилась. — В госпиталь? А где он у вас?

Мириам встала рядом, оглядываясь и переводя дыхание. Судя по всему, сейчас они находились недалеко от Обзорной площади. Вышка оставалась позади и правее, а совсем рядом, тоже справа, проходила стена верхнего города.

— Восточные ворота? — Уточнила Би, и выпустила переговорник, оставив его болтаться на тонком проводе, пристегнутом к воротнику костюма. — Пойдем, они взяли двоих, и доставят их в госпиталь.

— Двоих… кого?

— Еще не знаю. Кто-то взорвал орудийную башню у восточных ворот, а эти двое хотели взорвать еще что-то.

— Рейдеры?

— Похоже. Пойдем быстрее.

Они миновали еще два гвардейских поста. Навстречу попадалось все больше горожан, спешащих куда-то целыми группами. Кто-то кричал, призывая доставать оружие, а в переулке распинался проповедник — Мириам без труда узнала знакомые интонации.

— Плохо. — Сказала Би. — Горожане не готовы к осаде.

— Они же не боялись до сих пор…

— Отвыкли. Если сейчас начнется паника, даже барону будет трудно ее прекратить.

— А где госпиталь?

— На восточном склоне. Мы уже проходили там, хотя самого госпиталя я не помню.

Стена Верхнего Города ушла направо и вверх, в глаза Мириам ударило солнце, встающее над пустыней. Далеко внизу, за беспорядочно расставленными ступенями домов, изгибалась восточная стена Хокса — недостроенная, с белеющими бетонными заплатами и прорехами. Отсюда виднелись орудийные башни. Мириам помнила, как они проходили мимо одной из них, металлической конструкции, сваренной из толстых труб, с площадкой наверху, закрытой щитами. Сейчас она видела две таких же, справа, и посередине, а слева, там, где должна была стоять третья, поднимался прозрачный дымный столб, уже начинающий рассеиваться.

— Госпиталь. — Би указала вниз, на крышу странной треугольной формы, возвышающуюся над окружающими зданиями почти на три этажа.

— Откуда ты знаешь?

— Он сказал, что это старое здание, одно из немногих.

Треугольный двор перед госпиталем был полон людей — кричащих, стонущих, неподвижно сидящих у стен. Мириам захотелось зажмуриться, чтобы не видеть цвета вокруг — боль, страх, отчаяние, кровь на самодельных повязках, размозженные пальцы, и разбитые головы. Люди ходили, сидели и лежали вокруг, новые раненые все прибывали. Усиленный громкоговорителем голос уговаривал не паниковать, но от его криков никому легче не становилось.

Мириам остановилась рядом с баком для воды, установленным посреди двора, отчаянно борясь с тошнотой. Би взяла ее за локоть и буквально потащила ко входу в здание,

охраняемому гвардейцами. Те расступились, Мириам не успела затормозить и налетела на невысокого человека в залитом кровью белом балахоне, шедшего навстречу. Тот подхватил ее — удивительно ловко и уверенно, отодвинул от себя, рассматривая через толстые очки в черной пластиковой оправе.

— Это не она. — Сказал он, и перевел взгляд на Би. — Ага, вот вы. Приветствую в госпитале, миз…

— Каковы потери? — Резко спросила Би. От ее тона окружающие гвардейцы как-то сразу подобрались.

— Четверо убитых, более тридцати раненных, из них еще трое умрут к вечеру. — Ответил доктор, также быстро и резко. — Среди гвардии потерь нет, двое контуженных не в счет. Только мирные жители, прайм.

— Из Атланты? — Спросила Би, внимательно глядя на него.

— Медицинский Корпус, полковник Габриэль Брисс.

— Что здесь делает армейский полковник?

— Работает. — Зло ответил доктор. — Штопает раненых гвардейцев и беженцев, промывает раны, вытаскивает пули. А еще обучает местных знахарей, и раздает медикаменты, на случай осады.

— Ребекка Ли. — Би протянула доктору руку. — Я слышала, что всех военных отозвали.

— Так и есть, но это касается действующих частей. А я уже девять лет как мертв, убит в стычке на границе с Эргом.

— Не вы один.

— Вот как? Значит я не единственный ненормальный, который хочет спасти этих людей?

— Я знаю уже троих.

— Мне всегда казалось, что праймы до крайности уравновешены. — Доктор аккуратно пожал протянутую руку. — Но до сих пор я был близко знаком только с одним.

— Вам повезло. Где шериф?

— Пойдемте. Вашего человека доставили во второе крыло.

— Только одного?

— Технически, да. — Доктор снова посмотрел на Мириам, с некоторым недоумением, словно не понимая, что она тут делает. Затем развернулся и нырнул обратно, в полумрак госпиталя. Би последовала за ним, а Мириам на секунду обернулась во двор. Раненые все продолжали прибывать, и на ее взгляд, их было уже гораздо больше тридцати.

Полумрак в коридоре оказался обманчивым. С промежутками в несколько десятков шагов в стенах располагались двери, из которых узкими полосами падал свет, разделяя коридор на правильные прямоугольники. Он был разным — утренним, розоватым, и ярким, не похожим на электрический. Шагая следом за доктором и Би, Мириам рассматривала палаты за дверями, людей на кроватях и матрасах, разложенных вдоль стен. Пахло не кровью, как во дворе, а чем-то незнакомым, химическим, вроде очень сильного дезинфектанта.

— Технически? — Переспросила Би.

— Да. Их двое, у второго, похоже, не только травма головы, но еще и прострелено легкое. А еще он совершенно невменяем, мне пришлось усыпить его.

— А другой?

— Разбита голова. Было подозрение на травму черепа, но он, по крайней мере, не такой

буйный. Мигель мог бы брать пленных осторожнее. Хотя о чем я, его люди всего лишь задержали их, и доставили сюда.

— Что это значит?

— Док разболтал самое интересное. — У лестницы в конце коридора, охраняемой двумя гвардейцами, на широкой скамье сидел шериф, прижимая к уху гарнитуру переговорника. — Нет, четырех человек на барьер, второй взвод к магистрату! Собирай ополченцев, забирай восьмой взвод с работ, пусть идут к верхнему, на стену. Как собирать? По морде бей! Сам не можешь, пошли кого поздоровее, хоть Клайва…

Шериф выпустил гарнитуру и встал.

— Что, началось? — Спросил он у Би. — Пошли, глянешь сама. Он наверху, мы его к кровати привязали. Хотя он не сбежит, не соображает ни черта.

— Пленный пьян? — Би взбежала вверх по лестнице, и обернулась, поджидая шерифа. — Ранен? Под наркотиком?

— Нет. — Ответил доктор, идущий следом. — Нет запаха алкоголя, зрачки реагируют нормально, реакции нормальные…

— Только бормочет бессмыслицу. — Перебил его шериф.

— …поврежден кожный покров на затылке, возможно, в результате падения, но череп цел, сотрясения нет. Пара синяков, и все…

— Татуировки?

— Нет. — Ответил шериф. — Обычный босяк, загорелый, может и наемник, но без нашивки. С ними обоими вообще все мутно — их взяли прямо под башней, они даже зарядов заложить не успели. У второго — дырка в груди, причем похоже, что его друг и стрелял. А самое интересное что? Под водонапоркой в четырех кварталах еще два трупа, на мешке со взрывчаткой, причем один сам себе башку прострелил. Представь, пошел ночью на дело и решил с собой покончить. С такими преступниками тут скоро и шериф нужен не будет.

Они поднялись на второй этаж госпиталя. Еще один коридор уходил от лестницы, длинный, и гораздо лучше освещенный. Палаты здесь располагались реже, часть дверей была заколочена.

— Очень старое здание. — Сказал доктор, заметив взгляд Мириам. — Из тех, вокруг которых строился Хокс. Довоенный фундамент, много трещин в стенах, но зато хороший водопровод.

— Да вообще оно крепкое. — Поддержал его шериф. — Сколько помню в молодости меня тут штопали…

— И не вспоминай. Как-то его притащили с пулей в горле… не иглой, а свинцовой пулей. Перебила сонную артерию, застряла в мышце, в дюйме от позвоночника. Вот уж не думал, что после этого можно выжить… Половину этажа залили кровью, пока тащили его в операционную.

За дверью, куда они свернули, оказался длинный и узкий зал, разделенный на части тонкими перегородками из белого кирпича. Свет проникал через высокие узкие окна, за которыми Мириам увидела еще один дворик — совсем маленький, больше похожий на узкий коридор между самим госпиталем и двумя зданиями, подступающими к нему вплотную.

— Перевели их наверх, вместе с охраной, чтобы не мешались под ногами. — Сказал шериф. — Внизу у дока и своих забот по горло.

— Я не уверен, что эти двое по моей части. — Пожал плечами доктор. — Вполне очевидно, что стрелявшего — психическое расстройство. Вы ничего от него не добьетесь, он

явно галлюцинирует — эта его болтовня, какие-то фиксации, сломанная маска…

— Что? — Мириам остановилась, и шериф, уже взявшись за ручку двери, ведущей в следующий зал, обернулся. — Какая маска?

— Сломанная. — Отчетливо выговорил доктор. — Эти два слова он повторяет с самого начала. Похоже, на название какого-то места, но в городе нет ни одного похожего заведения.

— Потому что это имя. — Мириам обернулась к Би. — Того человека, который рассказал нам про Паука, которого ты чуть не застрелила.

— Откуда ты знаешь? — Спросила Би, и наклонила голову, словно к чему-то прислушиваясь. — Он нам его не говорил… или я этого не помню?

— Не говорил. — Смутилась Мириам. — Но я откуда-то его знаю…

Она запнулась. Что-то изменилось вокруг — шериф снова прижимал к уху переговорник, доктор уже приоткрыл дверь в соседний зал, а Би… Воительница смотрела в окно, и в ней медленно разгорался знакомый цвет, ярче, чем заря над городом. Воздух внезапно наполнился низким воем, и на улице, ведущей от больницы, полыхнуло белым.

— На пол! — Крикнула Би, и маска обхватила ее лицо, словно цветок с черными линзами, проступающими на лепестках.

Невидимый великан тяжело вздохнул и ударил в стену госпиталя, выбив пол из-под ног. Дверь соседнего зала вылетела, отшвырнув доктора на шерифа, Мириам присела, стараясь не упасть. Медленно, словно во сне, вдоль стены с выбитой дверью побежала трещина, и так же неторопливо начал крениться пол.

— Назад! — Механический голос прозвучал непривычно тихо. Через растущую трещину в стене проникал свет, все больше и ярче. Что-то шуршало и сыпалось сверху. Скользила вниз дверь, ударившая доктора, и на ней, пятная ее неправдоподобно алым цветом, лежала человеческая рука, оторванная по локоть. Мириам упала на четвереньки и рванулась вверх, следом за Би, вытаскивающей доктора и шерифа.

Все так же медленно, словно пробираясь через вязкую прозрачную патоку, Би перебросила шерифа через следующую трещину, взвалила доктора на плечи и прыгнула, одновременно с Мириам. Внизу мелькнула палата госпиталя, которую они уже видели, мельком — белый пол, выложенный светлой плиткой, и окровавленный человек на матрасе, испуганно глядящий вверх.

Еще один удар сотряс госпиталь, и Мириам ощутила его, словно тяжелый подзатыльник. Ее толкнуло в спину, заставив перекувыркнуться, чудом разминувшись с кирпичной перегородкой, оказавшейся на пути. Она перекатилась и на удивление легко вскочила.

— Что это? — Прохрипел шериф, которого Би уронила рядом.

— Реактивные снаряды. — Ответил механический голос. — Тяжелые.

Этаж за ними рушился. Весь угол дома, отделенный от них медленно растущими трещинами, скользил вниз, с нарастающей скоростью, складываясь сам в себя, в облаках пыли, открывая вид на город, как гигантское панорамное окно. Грохот заглушал все, но Мириам все же показалось, что она расслышала внизу человеческие крики.

— Откуда? — Снова прохрипел шериф, пытаясь сесть.

— Улица. — Би сбросила со спины игольник.

От зала, в который они недавно вошли, оставался только выступ с парой перегородок, нависающий над обнажившимися внутренностями госпиталя. Ствол указал на улочку, уходящую прямо от госпиталя вверх по холму. Там, у низкого парапета, выступающего из-за угла одного из домов, двигались человеческие фигурки. Игольник хлопнул, и одновременно

за парапетом словно расцвел маленький белый цветок с оранжевой сердцевиной, проступившей на долю секунды — и вытянулся тонким дымным стеблем, указывая прямо на Мириам.

— Вниз. — Крикнула Би, но Мириам замерла, не в силах пошевелиться. Дымный след стремительно удлинился, и что-то с ревом пронеслось мимо и вверх, обдав их жаром и горячей химической вонью.

— Промахнулись. — Би выстрелила еще два раза, сбросила игольник с плеча и сунула его в руки Мириам. — Они перезаряжают ракетомет. Я подойду ближе, а ты прикрой меня.

— Как?

— Стреляй в них, как только покажутся. Не дай поднять головы. — Она взглянула вниз, на шерифа, лежащего рядом с доктором у самого края, обрывающегося вниз, на улицу и гору обломков. — А вы лучше уходите.

— А то как же. — Прохрипел шериф, приподнимаясь на локте, и прижимая к уху переговорник. — Девочку одну бросить? Док, ты живой вообще?

— Не дай им высунуться. — Повторила Би. — Ты помнишь, короткими очередями, по два или три.

— Да.

Воительница стремительно подошла к краю разлома. Выглянула налево, наверх, затем подпрыгнула, ухватившись за край разрушенной стены, подтянулась, уперлась ногами, и выбралась на крышу, в трех метрах над головой Мириам — быстрее, чем та успела подойти к краю разлома. Ее шаги прошуршали наверху и стихли. Мириам опустилась на одно колено, опираясь локтем на обломок стены слева — так ей показалось удобнее всего. Ложе игольника, покрытое рубчатым пластиком, удобно легло в руку, теплый металлический бок прижался к щеке. Далеко внизу, в прицельной рамке, четко проступил парапет — красный кирпич на фоне белой мостовой в лучах восходящего солнца. Красная точка легла на движущиеся за ним тени. Мириам задержала дыхание и нажала на спуск.

Брызнули осколки — одна игла ударила в парапет, вторая, видимо, прошла чуть выше. В углу рамки мелькнула цифра — сорок шесть зарядов. Много. Мириам слегка приподняла прицел.

— Сволочи. — Отчетливо сказал доктор у нее за спиной. — Боже, какие же сволочи…

— А то, док. Дави их, девочка!

Слева мелькнула Би — она бежала по крыше госпиталя. Мириам не удержалась и взглянула туда, как раз успев увидеть ее невероятный прыжок — через улицу, на покатую металлическую крышу соседнего дома. Там было больше двадцати метров на глаз. Би перелетела через острое блестящее ребро, и упала на другую сторону, пропав из виду. За парапетом снова кто-то шевельнулся. Мириам повела стволом, выстрелила, рефлекторно, не целясь — и почувствовала, что попала.

И вдруг поняла, что ей не страшно. Совсем. Как тогда, когда она увидела рейдеров на дороге к своему дому. Только теперь она могла двигаться — и знала, что делать.

Она погладила игольник — ласково, словно ручного песчаного котенка. Внизу, среди обломков, кричали люди — теперь она слышала это отчетливо.

Би показалась на крыше дальше по улице, почти напротив парапета, но гораздо выше. Она бежала, а за ней летели щепки, и лопались доски — по ней стреляли. Мириам повела прицелом вниз, ожидая, пока невидимый стрелок покажется. Он так и сделал, видимо, забыв обо всем, высматривая быструю черную фигурку на крыше. Наклонился вперед, так что из-за

парапета показались его голова и руки, держащие тяжелый игольник, а красная точка прицела легла на плечо.

Мириам задержала дыхание и нажала на спуск.

Би спрыгнула вниз, с одного балкончика на другой, затем на балку, увитую виноградом, и оттуда на парапет, за которым уже никто не двигался. Мириам опустила игольник и смотрела, как та приседает на парапете, а затем оборачивается, и машет рукой.

— Что там? — Спросил шериф.

— Все. — Ответила Мириам, и уселась прямо на битый кирпич, свесив ноги в разлом. Перед ней, освещенный утренним солнцем, лежал город. Дома, словно огромные ступени, поднимались к подножию белой стены, кольцом охватывающей вершину Хокса. Зеленел виноград на крышах, медленно вращались лопасти ветряных генераторов, и трепетал красный флаг на самой высокой башне. Город был красивым, наверняка таким же, как в то первое утро, два дня назад — но сейчас, глядя на него, Мириам чувствовала себя совсем иначе.

Теперь эта красота вызывала жалость. Ведь чтобы разрушить ее, достаточно было одного прикосновения.

IV.

Би задумчиво перебросила из руки в руку нечто металлическое, округлое, похожее на огромное вытянутое яйцо.

Один раз. Другой.

— Осторожнее. — Сказал шериф, опираясь на одного из своих гвардейцев, низкорослого, в тяжелой броне с красными полосами. — На сегодня взрывов хватит.

— Это тяжелый фугас. — Задумчиво проговорила Би. — Двести грамм взрывчатки, и оболочка из прессованной керамической крошки. Против бронированных машин он не слишком эффективен, а вот против живой силы, или зданий… При осаде, например.

— Да. — Ответил шериф. — Госпиталь они нам разворотили. Честно, даже жаль, что твоя девочка так быстро их прикончила.

Мириам присела на парапет, стараясь не показать, как у нее трясутся колени. И не смотреть лишний раз назад, на трупы людей, которых она убила.

Легко, будто играя.

— Меткая она у тебя. И крепкая к тому же. У меня парни, бывало, после перестрелки блюют в уголке, или штаны меняют, а ей хоть бы хны. — Шериф присел рядом с Мириам. — Эй, может к нам в гвардию пойдешь, а?

Мириам покачала головой и ее замутило.

Она даже не помнила, как попала в первого из стрелявших по госпиталю — это получилось почти случайно. Иглы вошли ему в грудь, и вышли через спину и лопатку. Второму она пробила плечо и висок, большей части головы у него теперь просто не было.

— Откуда у них ракетометы? — Спросила Би. — Эта ракета сделана не в Атланте, и не в Чикаго. Ракетометы иногда бывают у работорговцев, но они предпочитают небольшие кумулятивные заряды, чтобы калечить машины, а не людей.

— Да не больше тебя знаю. — Ответил шериф, прислушиваясь к скрежету в своем переговорнике. — Только вот после гранаты, что они в тебя бросили, меня это не удивляет.

— Стреляли не по нам.

— Сам понял, не тупой. Уж очень точно первая ракета в окно попала. Да и вторая… они знали, кого достать хотят.

— Откуда? Кто еще слышал, что этих двоих доставили в больницу?

— Правильно думаешь, мало кто мог сболтнуть. По радио я об этом не говорил, так что, считай, только те, кто их брал. Двое их было, оба там и стояли, в той же палате.

Шериф указал на госпиталь. Угол треугольного здания полностью обрушился, обнажив белые внутренности — палаты, словно крупные соты, с двигающимися внутри людьми. Завал разбирали не меньше двух десятков человек, с лопатами и переносными лебедками, работая под охраной гвардейцев. Выступ, с которого стреляла Мириам, был почти не виден снизу — так, маленький зубчик на фоне красного излома стены.

— Тупик.

— Да. Кто бы это ни сделал, он четко всех заткнул. Только вот одного не пойму, что же это у него не так пошло? Почему он только одну башню взорвал, хотя хотел три?

— Им помешали. — Ответила Мириам. — Тот человек, Сломанная маска…

Би пожала плечами.

— Это только догадка. Здесь он нам ничем не помог, верно?

— Да.

— Все плохо. — Мрачно констатировал шериф, закрепляя переговорник на шее. — По городу стрельба, уже в четырех местах. В Верхнем городе несколько налетов, наемники шалят, видать Шипы, только без нашивок. С десяток трупов оставили. В Нижнем городе заварушка пожестче, два патруля потеряно. И вдобавок, по городу какие-то проповедники подбивают народ идти к Магистрату, требовать барона, чтобы он беспорядки прекратил. Будто знают, что его нет.

— Это организовано. — Сказала Би. — Все одновременно, вас растаскивают по разным фронтам.

— Да понятно. — Ответил шериф. — Найти бы ту суку, что этим руководит. Пока поднимем заслон у магистрата, закроем верхний город, и объявим комендантский час…

— Они могут попытаться взять магистрат штурмом. Или вообще взорвать.

— Думаешь?

— Я бы так сделала. — Би обошла парапет, вглядываясь в завал, и работающих на нем людей. Затем передала фугас гвардейцу, стоящему рядом с шерифом. — Мириам, мне кажется или это…?

— Ага. — Мириам в свою очередь вгляделась в закутанную фигуру, на которую указывала Би. — Это Джино, а за ним… кажется, с ним Таня.

— Только их тут не хватало. Зачем он пришел?

— Я узнаю у него, и если что — провожу домой.

— Черта с два! В прошлый раз, когда вы пошли погулять, все закончилось перестрелкой. Скажи им, чтобы держались рядом со мной, мы идем в Магистрат.

— Хорошо. — Мириам оттолкнулась от парапета. Тошнота почти прошла, но ей все равно хотелось оказаться как можно дальше от входа в улочку.

И вообще, от любого места, где нужно стрелять в людей.

Джино смотрел куда-то вверх, на змеящийся красный излом стены госпиталя. Проследив за его взглядом, Мириам поняла, что уже видела эту картину, или смутно похожую — старый дом, вскрытый снизу доверху, словно мертвое животное. В древнем городе, где почти все дома выглядели вот так, бесстыдно выставляя свои внутренности на всеобщее обозрение. Битый кирпич, перемешанный с бетонными блоками устилал половину маленького двора. Чуть дальше, за неподвижными фигурами гвардейцев, лежали трупы,

извлеченные из-под завала — ровным рядом, пыльные, раздавленные, совсем уже не похожие на людей.

— Что ты здесь делаешь? — Спросила Мириам у Джино, чувствуя, как возвращается тошнота. Таня, державшая его за руку с другой стороны, обернулась на голос, и кинулась к ней, всхлипывая.

— Мы искали больницу. — Ответил Джино тихо, почти шепотом, словно боясь потревожить людей, работающих на завале. Левее, возле выхода во внешний дворик, суетились фигуры в белых балахонах. Одна из них была знакома: доктор осматривал раненых, его рука, сломанная при взрыве, была плотно примотана к туловищу, что делало походку немного неказистой.

Таня мелко дрожала, обняв Мириам.

— Зачем? — Спросила Мириам.

— Обезболивающие перестали действовать. — Ответил Джино еще тише, словно смутившись, заставив Мириам вглядеться в него внимательнее. Присмотреться к цвету, который он скрывал из последних сил.

— Ему же больно! — Всхлипнула Таня, словно отвечая на ее мысли. — И очень плохо, а тут есть врачи. Можно же что-то сделать?!

— Пойдем. — Сказала Мириам, и обернулась.

Би говорила о чем-то с шерифом, глядя в другую сторону.

— Безнадежно… сломаны ребра, в операционную… пробит череп, в операционную… безнадежно… безнадежно… — Доктор шел вдоль ряда тел, тяжело роняя слова, иногда приседая, чтобы дотронуться до раненого. — Мертв… безнадежно… этого в палату, проверить на сотрясение… открытый перелом, в операционную… что?

Мириам не сразу поняла, что доктор обращается к ней, он даже не обернулся.

— Нужно помочь. — Сказала она.

— Вам?

— Нет.

— Здесь нужно помочь всем. — Доктор наконец-то обернулся. — У вас что-то особенное?

— Нет. — Ответил Джино. — Извините…

Доктор несколько раз моргнул, рассматривая его. Толстые линзы очков делали его глаза необычно выпуклыми и большими.

— Что у вас с кожей?

— Радиация…

— Что? Вы умираете?

— Нет.

— Тогда подождете. В левом крыле, в одной из палат в конце… я подойду.

Доктор отвернулся. От завала тащили все новых раненых, выкладывая перед ним, кто-то стонал, несколько голосов, сливающихся в тонкий вибрирующий гул.

— Безнадежно… на осмотр, смойте кровь… в операционную… проверить на внутреннее кровотечение…

— Как вы нас нашли? — Спросила Мириам.

— Мы искали больницу. Пиона помогла. — Ответила Таня, все еще пряча лицо у нее на груди.

— Кто?

Таня указала назад, в крытый переулок, ведущий со двора — там, прислонившись к стене, стояла девушка в черном плаще.

— Пойдем. — Сказала Мириам. — Я заплачу ей, и провожу вас в госпиталь.

Девушка шагнула навстречу, и Мириам наконец узнала ее — с трудом, словно она показывала им дорогу к гостинице целую вечность назад. Кольца и серьги еще ярче блестели на загорелом лице, а край яркого зеленого платья, словно принадлежащего другому времени, виднелся из-под плаща.

— Страшно тут у вас, сестрички. — Сказала Пиона, ее губы заметно дрожали. — Говорят, рейдеры больницу взорвали?

— Да. — Ответила Мириам. — Сейчас, я дам тебе денежку…

— Ладно тебе, я не все подряд за деньги делаю. А сейчас плохо на улице, мало ли — может и ты мне как-нибудь поможешь.

— Как, например?

— Ну не знаю пока — в жизни всякое бывает. — Пиона улыбнулась, но улыбка вышла похожей на гримасу. — Тебя вон столько народу искало, хорошо, что нашли.

— Меня? Может, Би?

— Нет, тебя. Повезло, девчонки слышали, что вы в госпиталь собираетесь — на улице везде уши, знаешь. Только мальчик твой сам пошел, а эти двое проводить попросили.

— Мальчик? Какой?

— Мальчик-красавчик. Да вот же он, тут как тут…

Мириам обернулась. Безумная надежда обожгла, и словно в ответ полыхнуло слева — удар по лицу опрокинул ее на землю, заставив на мгновение потерять ориентацию. Закричала Пиона, зашуршали мелкие камешки. Мириам перекатилась и встала, поднимая руки к голове, так что удар ногой в тяжелом ботинке, сопроводивший ее движение, пришелся ей на локоть.

— Привет. — Прошипел Дэвид Картель. — Зашел попрощаться…

Мириам отскочила, и его рука рассекла воздух впустую. Сверкнул перстень-печатка, след от которого она все сильнее ощущала на своей скуле.

— Не удержался. — Дэвид расстегнул кобуру. Его спутник, со смутно знакомым лицом, видимо, телохранитель Картеля, сдавил горло Пионе, и ударил спиной о стену.

— Отец решил отправить меня из города, представляешь? В то время, когда из-за тебя надо мной смеется каждая девка! — Дэвид шагнул ближе, и Мириам отступила. За спиной Дэвида и его человека слышались голоса — люди работали на завале, кто-то кричал, и расслышать еще один крик в шуме на площади было невозможно. Справа шевельнулся Джино. Он прятал Таню за спиной, отступая назад, в крытый коридор, ведущий со двора.

Пиона что-то прохрипела, и спутник Дэвида ударил ее об стену еще раз, уже сильнее.

— Упрямая шлюха. — Сказал Дэвид, и поднял небольшой серебристый игольник, целясь в грудь Мириам. — Вы все такие, правда? Давай, беги… я выстрелю тебе в спину.

— Трус. — Сказал Джино. Мириам глянула в его сторону — небесный отодвинул Таню еще дальше за спину, и выпрямился, сразу став как-то выше ростом.

— Что? — Удивился Дэвид.

— Эта девушка считает, что ты трус. Не знаю, что о тебе говорили раньше, но они наверняка были правы.

— Да ну? Только вот теперь трепаться об этом будет некому. — Игольник качнулся в сторону Джино, но тот неожиданно согнулся, и его вырвало чем-то черно-красным.

— Вот мерзость. — Сказал Дэвид с отвращением, снова целясь в Мириам.

— Беги. — Хрипло выдохнул Джино, и бросился ему в ноги.

Мириам дернула Таню за плечо и побежала мимо Дэвида, опрокинувшегося на спину, и его телохранителя, которому Пиона впилась ногтями в лицо. Им потребовалось не больше секунды, чтобы миновать их. Мириам толкнула Таню за угол, и упала, разворачиваясь на коленях, пытаясь достать игольник из кобуры подмышкой. Ремни, такие удобные утром, теперь запутались. Чтобы найти ремешок, удерживающий застежку, потребовалась вечность… целое мгновение.

Хлопнул игольник Дэвида.

— Дрянь! — Прохрипела Пиона. Телохранитель отпустил ее, почему-то отошел, и она тут же ударила его в пах, заставив согнуться. Дэвид встал на колени, оставив Джино лежать. Мириам поймала его в прицельную рамку, но выстрелить не успела. Он нажал на курок первым, два раза выстрелив в грудь своему телохранителю. Того опрокинуло на землю, и нога Пионы, решившей повторить свой удар, рассекла только воздух.

— Кажется, я опоздал. — Произнес знакомый голос со странным выговором за спиной Мириам.

— Да. — Она кинулась к Джино, который лежал на спине, рядом с Дэвидом, глядя вверх, на ржавый металл перекрытия.

И улыбался.

— Скажи, это было… смело? — Спросил он, когда Мириам упала рядом с ним, окончательно разорвав джинсы на коленях.

— Да. — Ответила она. — Куда он тебя…

Она замолчала, глядя на алое пятно, расплывающееся по его лохмотьям, прямо под грудью.

— Держись, тут совсем рядом врачи…

— Не хочу. — Ответил Джино.

— Что?

— Не нужно врачей.

— Как это… не нужно? — Она повернула голову к беловолосому незнакомцу, Сломанной Маске, чье присутствие чувствовала не глядя, как огромное жаркое пламя, видимое краем глаза.

— Он хочет умереть. — Ответил тот после короткой паузы.

Джино тихо рассмеялся.

— Подумать только, боли нет…

— Но твоя рана…

— Ты не понимаешь. У меня кровь не сворачивается. Совсем. Еще несколько минут…

У Мириам перед глазами поплыло.

— Что это? — Спросил Джино. — Ты… плачешь?

— А ты можешь что-нибудь сделать? — Она взглянула вверх, на Сломанную Маску.

— Только это… — Дэвид, стоящий перед ними на коленях механической куклой, поднял игольник, приставив себе к подбородку.

— Нет… не надо так. — Попросила она, и слезы потекли еще сильнее.

— Нет? — Переспросил Сломанная Маска. — Но почему?

Джино снова засмеялся.

— Эспер? А я не верил. Она права, не надо… будьте людьми.

— Людьми?

— Я хотел жить, как вы, но не получилось. Хорошо, если получится умереть, как вы — не от мерзкой болезни, а как мужчина, защищая девушку, которая согласилась взять у меня кольцо. Я столько всего узнал, но еще больше почувствовал, так что не нужно плакать… Теперь мне не страшно.

— Беги. — Сказал Сломанная Маска, и Дэвид встал. — Беги не оглядываясь, пока не упадешь без памяти.

Шаги Дэвида стихли. Мириам охватило ощущение нереальности происходящего, словно она уже видела все это во сне, который не могла вспомнить: Сломанная Маска, Джино, лежащий на земле, Пиона, обнимающая Таню.

— Спасибо, что ты плачешь. — Сказал Джино. — Мой компьютер… Я сохранил там столько всего… важного. Может, ты возьмешь его, чтобы передать при случае кому-нибудь, кто поймет… кто сумеет…

Мириам взяла его за руку, и снова посмотрела на Сломанную Маску, но тот покачал головой.

— Я могу убрать боль, но ему уже не больно. Или страх, но ему уже не страшно. Я ничего не сделаю, Мириам Росс, чего ты не смогла бы сама.

— Так мне будет спокойнее…. — Сказал Джино. — Загляни в него при случае — ведь в нем можно… рисовать.

Он замолчал и больше не двигался.

Его цвет пульсировал все медленнее, как пламя свечи, которую кто-то невидимый уносит все дальше в темноту, пока не стал совсем маленьким, размером со звезду на рассветном небе.

— Он… и не дышит вовсе. — Хрипло сказала Пиона, присев рядом, и обнимая Таню. — Может, позвать кого?

Мириам оглянулась, но Сломанной Маски больше не было рядом — как тогда в переулке, несколько мгновений выпали из памяти. Исчез странный человек в пыльном плаще, но у входа в переулок стояли трое гвардейцев, и доктор, с тяжелым игольником в здоровой руке.

— Что здесь случилось? — Спросил доктор, глядя на нее поверх очков. — Это опять вы? Вы… можете хоть несколько минут никого не убивать?

V.

Площадь перед магистратом бурлила.

От легкомысленных двухцветных зонтиков не осталось и следа. Их смыло движением людей, заполнивших площадь и прибывающих из переулков, как россыпи цветов, оказавшихся на пути весеннего паводка. Серые плащи беженцев, белая одежда горожан бурлили в одном водовороте с яркими платьями женщин, издавая ровный звук, похожий на гудение и плач одновременно, усиливающийся и ослабевающий одновременно с движениями толпы. В этом звуке гасли отдельные голоса, и Мириам начало казаться, что о двойной гвардейский заслон бьется вода, холодным потоком разбиваясь о бетон.

Пока люди не осмеливались подойти к заслону близко, их словно удерживала невидимая преграда, начинаясь в двух метрах от черных гвардейских щитов и тяжелых игольников. Но ее могло не хватить надолго — из толпы уже вылетели несколько камней, ударившись в щиты. Как тяжелые дождевые капли о горячую землю, перед тем, как небо разродится ливнем.

Даже за третьим рядом заграждения, закрывающим бреши между бетонными блоками у входа в магистрат, Мириам чувствовала жаркую пульсацию цвета толпы. Не отдельных цветов тысяч людей, собирающихся на площади, а один, общий — безумный, бьющийся в ритме огромного, нечеловеческого сердца…

— Плохи дела. — Заговорил шериф, стоя рядом, под щитом с автоматическим орудием, направленным в толпу. — Барона требуют. Громче всех проповедники орут — вон там, глянь, и дальше. Сдается мне, что они и не проповедуют вовсе.

— Да. — Ответила Би, и маска обхватила ее лицо. На этот раз медленнее, позволив Мириам рассмотреть, как поднимаются мягкие створки, удерживаемые черными бронированными трубками, и сдвигаются сегменты шлема, обнажая скрытые в них продолговатые линзы: три с одной стороны, одну с другой, ничем не напоминающие человеческие глаза.

— Ты что? — Удивился шериф. Би не ответила, молча отодвинула плечом стоящего впереди гвардейца со щитом и вышла в пустой ряд между заслонами. Она вообще произнесла едва ли несколько слов с того момента, как они ушли от госпиталя. Мириам все страшнее было думать о моменте, когда Би спросит у нее… обо всем.

— Сомкнуть щиты! — Команда, произнесенная усиленным механическим голосом, разнеслась над площадью, заставив толпу умерить свое гудение до едва различимого шепота. Би, оставшись стоять перед заграждением, расстегнула ремешки плаща и позволила ему упасть на землю. От этого простого движения стоящие перед ней люди поддались назад. Словно невидимая преграда перед барьером внезапно стала толще — три метра, пять метров… шесть, когда щелкнула наваха Би.

Толпа замерла в ожидании. Би положила наваху на плечо, игольник в ее левой руке смотрел вниз.

— Среди вас есть предатели! — Проговорил механический голос, усиленный до полной неузнаваемости, нечеловеческий. — Сегодня утром они начали убивать. Кто хочет им помочь?!

Гудение в толпе усилилось. Видимо, задние ряды давили на передние, потому что люди перед Би едва удерживались от того, чтобы не упасть, или шагнуть к ней.

— Не слышу ответа!

— Ты не барон! — Выкрикнул голос в задних рядах, показавшийся Мириам очень слабым по сравнению с голосом Би. — Пусть барон с нас спрашивает, а не ты!

— Хотите, чтобы барон вас защитил? — Спросила Би. — Не слышу, хотите или нет?!

Толпа вскипела.

— Хотим! Пусть он сам выйдет! Где он был, когда мой дом взрывали! — Надорвался в толпе другой голос, и гудение усилилось, перерастая в рев.

— Тогда помогите ему, а не стойте здесь!

— Да кто ты такая! — Вылетевший из толпы камень брызнул искрами — Би отбила его навахой и шагнула вперед, заставив людей отшатнуться.

— Следующего, кто бросит камень, я пристрелю! — Толпа замерла, как одно огромное существо, с десятками лиц и сотнями глаз, перед другим жутким созданием, маленьким, но смертоносным.

— Среди вас предатели, и они кричат громче всего. Давайте — я запоминаю лица… тебя, тебя, и тебя. — Наваха указывала в толпу, заставляя людей расступаться и оглядываться. — Те, кто взорвал башню — среди вас, и я найду их. Вы привели сюда

невиновных — но вы не спрячетесь за их спинами

Би шагнула вперед, дважды, так быстро, что в переднем ряду возникла давка.

— Расходитесь и готовьтесь к обороне! — Проревел механический голос. — Это приказ барона. Каждый, кто останется на площади — предатель! Расходитесь!

Толпа вздрогнула в нерешительности.

— Ты не барон! — Закричал знакомый уже голос в задних рядах, но его слова утонули в другом звуке, больше всего похожем на тяжелый вздох. Он прозвучал совсем рядом, слева от Мириам, у второго заграждения — и мостовая в метре перед Би взорвалась узкой направленной полосой, обдав ближайших горожан облаком белой пыли.

— Кто не понял приказ?! — Из-за гвардейского заграждения вышел человек в механической броне. Черной, словно побывавшей в огне, и больше всего походившей на набор частей от боевого кара — массивные щитки на груди и бедрах, наголенники, связанные механическим приводом с двигателем на спине. Мириам помнила, как отец помогал чинить такую же, тяжесть стальных пластин… А человек в броне тем временем тяжело прошел перед барьером из щитов и встал рядом с Би. Огромное орудие, которое он держал на бедре, теперь смотрело прямо в толпу.

— Кто не понял приказ барона!? — Из перегороженных переулков у магистрата начали выходить люди, в такой же черной механической броне и с оружием. Они выходили, и выстраивались перед барьером слева и справа от Би — десяток, затем второй.

Толпа качнулась и подалась назад. Еще один тяжелый вздох разнесся над площадью. Взлетели обломки мостовой, и толпа вскипела, откатываясь от магистрата.

— Ну что, барон? — Человек, стоящий рядом с Би, обвел рукой площадь и людей, поспешно разбегающихся в переулки. — Как мы тебе сходу помогли?

— Я не барон. — Ответила Би, складывая наваху.

— О, и точно. — Оплавленный щиток шлема сдвинулся в сторону и вверх, открывая короткую светлую бороду и извилистый шрам на щеке. — У него и приблизительно нет таких… форм. Я Нильс Ланье, тяжелая моторизованная группа.

— Я знаю кто ты, Ланье.

— Польщен. И откуда?

— В последний раз, когда мы виделись, ты сбежал. — Би развернулась, и пошла обратно к Мириам. Человек в тяжелой броне смотрел ей вслед с нарастающим изумлением. Площадь за ними стремительно пустела. От страшного существа со множеством глаз, которое стояло там секунды назад, не осталось и следа — по городу разбегались обычные люди, их цветом был страх. Монолитная стена щитов тоже дрогнула — следуя приказу шерифа, группы гвардейцев отделялись от строя, расходясь по переулкам следом за горожанами.

— Погоди-ка… будь я проклят, это ты?

— Зря ты так! — Крикнул шериф, на секунду оторвавшись от переговорника — Людей напугала. Теперь и не ясно, кого они больше бояться будут!

— Пусть лучше боятся меня. — Воительница кивнула на второй ряд гвардейцев, стоящих между бетонными укреплениями. — Ваши люди хорошо держались, не ожидала. Молодцы.

— У нас были случаи потренироваться, но так быстро еще никто не разбегался. Я думал, до шумовых гранат дело дойдет. Хорошо, наемники вовремя подоспели, как раз к комендантскому часу.

— Да, эти всегда вовремя…

Человек в тяжелой броне, назвавшийся Нильсом, снял шлем. Его длинные светлые волосы рассыпались по черным наплечникам.

— Я не сбежал! — Крикнул он вслед Би, и уложил на плечо свое оружие, выглядевшее как пушка, снятая с кара. — У меня кончились боеприпасы…

— Наплевать. — Ответила Би, не оборачиваясь. — Ты мог драться…

— Не мог!

— Неважно! Это было… давно. Все закончилось.

— Две недели назад. — Нильс прошел через строй, и встал перед шерифом, глядя на Би сверху вниз. — Но ты жива. Получается, я тебе должен.

— Выбирайте, где разместиться. — Прервал его шериф. — И загоните кары за стену, они нам здесь нужнее будут.

— Я отправлю ребят. — Ответил Нильс, и снова посмотрел на Би. — Насчет долга… я серьезно.

— Завтра увидим, насколько. — Ответила Би.

— Можно и сегодня. А что, барона еще нет?

— Ты его видел?

— Да ясное дело. Он нам здорово помог…

— Чем?

— Мы шли с караваном, большим, сотни на полторы машин. В тридцати километрах к северу нарвались на засаду.

— Рейдеры?

— Нет, кто-то посерьезнее. Только и они нас увидеть не ждали. Мы кары замаскировали, и когда они по передним ударили, мы их из минометов накрыли. А потом джет подоспел, они и отошли. Барон за ними рванул… я думал, он уже тут.

— Ты уверен, что нападали не рейдеры? — Би провела рукоятью навахи по зарубке на нагрудной пластине доспеха Ланье, и тот отстранился. — Вы видели трупы?

— Нет, не до того было. Сожгли им с десяток машин, и все. Кары были не военные, но из тяжелых, на таких по пескам не полетаешь. Так что, шериф, где нам встать?

— Сейчас решим. Казармы забиты, а с гостиницами и того похуже…

— Человек пять могут остановиться у нас. — Сказала Би, и Мириам от неожиданности закашлялась.

— Охранять тебя? — Уточнил Ланье.

— В городе агенты Руки, у них есть тяжелое вооружение…

— Я возьму с собой пару человек. Слушай, еще тогда хотел у тебя спросить — ты шлем хоть иногда снимаешь?

Маска Би распалась пополам. Наемник молча смотрел ей в лицо — секунду, две, десять…

— Еще вопросы? — Уточнила Би.

— Нет.

— Тогда… — Би опять повернулась к Мириам, и та молча протянула ей планшет, который, почти этого не осознавая, прижимала к себе все это время. Би дотронулась до него, осторожно, словно боясь обжечься. Потом вопросительно посмотрела на Мириам, которая зажмурилась, и, наверное, только поэтому услышала, как долговязый Нильс пробормотал — тихо, себе под нос:

— Следовало догадаться…

VI.

Мириам еще раз дотронулась до планшета пальцем.

Надпись «Блокировка» снова всплыла по центру экрана и растворилась, оставив после себя отражение самой Мириам — грустное, растерянное, испуганное, с подсыхающей ссадиной под глазом. Затем вместо него всплыло лицо Би — скорее удивленное, чем злое.

— «Как он умер?» — Все, что она спросила. Ни упреков, ни криков, ничего такого — но Мириам предпочла бы выдержать десяток ударов Дэвида, чем отвечать на этот вопрос.

— Ему не было больно… — Прошептала она, и планшет мигнул в ответ. Глупо, но что еще она могла сказать?

— Играешься? — Спросил Нильс Ланье, устраиваясь на стуле рядом. Мириам подвинулась. Хотя тяжелая броня наемника осталась возле входа, у барной стойки «Индюка» становилось тесновато. Там уже обедали четверо наемников, рядом с которыми, рассматривая их во все глаза, сидел Рок, и пил молоко. Тони видно не было, но Мириам знала, что он тоже с той стороны, у края стойки, а Таня…

Теперь отражение Мириам смотрело на нее с укоризной. Таня с Пионой так и не добрались до магистрата, потерявшись в толпе по дороге. Би оставила приметы девочки шерифу, но Мириам и сама понимала — в городе объявлен комендантский час, и мало кто осмелится сейчас появляться на улице без веской причины. В какой-то момент Мириам показалось, что Би расплачется прямо там, на площади, но этого не случилось.

— Ты вообще обедала? — Ланье снова вклинился в ее размышления, заставив отодвинуть планшет. Думать о разговоре с Би не хотелось, Мириам чувствовала, что вот-вот сама разревется, жалея себя, Джино, и Таню.

— Нет.

— Что?

— Не хочу.

— А где…

— Она наверху.

— Что она там делает?

— Принимает душ.

— Отличная идея, кстати. — Ланье сделал большой глоток пива из кружки, и со стуком поставил ее на стойку. — А ты как, хорошо ее знаешь?

— А ты?

— Понятно. — Наемник улыбнулся, от чего его левая щека, с длинным шрамом, начинающимся от самой челюсти, пошла некрасивыми складками. — Может, поменяемся?

— Чем?

— Моя история про нее взамен на твою?

Громко хлопнула входная дверь. Арго, возникший на пороге, медленно оглядел зал, затем сбросил с плеча огромную сумку и швырнул рядом со входом.

— Это что за бродяги?!

— А это что за бык?! — В тон ему ответил Ланье. Наемники, сидевшие ближе к двери, прекратили есть. Арго осмотрел тяжелые доспехи, стоящие у входа, и разложенное на столах оружие.

— Ты за главного?

— Я.

Даже не оглядываясь, Мириам почувствовала угрозу, излучаемую Арго. По залу словно двинулся грозовой вал, все увеличиваясь, и наконец застыл за ее спиной, прямо перед Ланье.

Тот поднял кружку, и отпил еще глоток пива.

— А ты и в жизни страшный. — Сказал он.

— Ты либо глупый, либо очень смелый. — Ответил Арго. — Твои железки у входа? Думаешь, помогут?

— Я наемник. — Ответил Ланье. — Это работа для смелых, и глупых. Но я не дурак чтобы драться с тобой, гладиатор.

— А что ты будешь делать?

— А ты попробуй, выясни…

Мириам спрыгнула со стула и встала перед Арго.

— Ты всегда так делаешь? — Спросила она.

Он перевел взгляд на нее — тяжелый, страшный.

— Как?

— Как… как ребенок! Ты вчера повел детей погулять — их чуть не убили в перестрелке! Ты ушел утром — а в нас стреляли, взорвали больницу, в которой мы были. Убили Джино, а тебя не было рядом, и Таня пропала…

Мириам задохнулась, и сделала паузу, чтобы перевести дух.

— А сейчас ты хочешь устроить еще одну драку? Би знает этих людей, она позвала их, потому что они могут нас защитить, а ты опять хочешь драться. А ты подумал о том, что здесь Рок, Тони, и Марта?! И что здесь… я!? Ты совсем не думаешь о других, точно… большой ребенок!

Мириам снова задохнулась и поняла, что сорвалась на крик. Арго смотрел на нее, злость медленно уходила из его глаз, превращаясь в хорошо знакомую грусть.

Гладиатор оскалился и неожиданно громко расхохотался.

— Они? Вас охраняют? Вы бы им еще склад виски охранять доверили! Ладно, так и быть — захочешь их вытурить, я у себя буду. Живи пока, бородатый…

Арго прошел в глубину зала, к своей комнате, и громко хлопнул дверью, так и оставив огромную сумку валяться возле входа. Один из наемников запоздало рассмеялся.

— Мелкая, ты хоть знаешь, на кого орала? — Спросил Ланье у Мириам, когда та снова устроилась на стуле.

— Я не мелкая. — Ответила Мириам неуверенно, и смахнула слезы.

— Я не фанат гладиаторских боев, но смотрел его выступления. Он — живая легенда Колоссеума.

— Это не важно. — Сказала Мириам. — Он сильный, я знаю, но ведет себя просто глупо.

— Да у него наверняка есть повод. — Ланье поднес к губам свою кружку, и обнаружил, что она пуста. — Эй, матушка, а еще пиво у тебя есть?

— Какой повод?

— Да он же не просто так здесь. Может, решил карьеру бросить. Сама подумай, занимался всю жизнь одним и тем же, кости крушил, а сейчас не знает, что дальше делать. К тому идет — я давно слышал, что Арго с арены пропал. О, спасибо, матушка! Ты знаешь, что в крепостях свежего пива не найдешь? Туда какую-то гадость добавляют, чтобы его довезти можно было, а тут оно лучше, чем с пивоварни, в долине.

Мириам пожала плечами.

— Да, вот хотел спросить — откуда у тебя синяк под глазом? Обидел кто-то? Помочь разобраться?

— Уже разобрались. — Ссадина на скуле снова ожила, пульсируя болью. — Друг помог. Или не друг, не знаю. И он, кажется, тоже не знает. Давай меняться?

— Что?

— Расскажи мне свою историю… про Би.

Глава II

Интермедия II.

Лезвие прикоснулось к горлу Картеля — осторожно, почти нежно, но сразу рассекло кожу. Телохранитель, стоящий справа, заворчал, словно пес.

— Они наделают в тебе дыр. — Сказал Картель маленькому человеку, стоящему перед ним. — Думаешь успеть перерезать мне горло?

Черные глаза смотрели на него не моргая. В них не отражалось ничего — ни страха, ни ненависти.

— Проверим? — Тихо спросил маленький человек, и короткий меч в его руке дрогнул, углубив разрез. По прямому лезвию сбежала капля крови.

— Нет, Шото. — Ответил Картель. — Я пришел поговорить с тобой, а не драться.

— Время разговоров закончилось.

— У меня появилось новое предложение. Почему ты не подождал меня в Яме?

— Тебя бы прикончили там. — Меч мелькнул перед глазами Картеля и исчез под серым плащом. — Здесь безопаснее.

— Здесь? — Картель обвел рукой окружающий их дворик — неказистые двухэтажные хибарки, сложенные, казалось, из обломков других домов. — Эта дыра еще хуже Ямы, даже не верится, что ворота рядом.

— Твой город. — Прошелестел Шото.

— Он не мой…

— Твоя проблема. Мог стать твоим, пока ты все не испортил.

— Я? Разве не тебя узнала девчонка? — Картель оглянулся. В неказистом дворике негде было спрятаться, но его не покидало ощущение, что за заколоченными ставнями домов кто-то есть. — Если бы ты не сорвался, не попытался прикончить этих девиц…

— Я не срываюсь. — Прервал его Шото. — Ведьма… да, она враг, но я не стал бы пытаться. Она прижала одного из твоих людей, купец. Он наложил в штаны, был готов расколоться.

— Моих?

— Твоих… проповедников. Крикуна. Я знал, что это не сработает. Они слабаки, и она поняла это сразу. Нужно было стрелять, но его закрывали — гранатой было надежнее.

— Из-за этого тебя узнали. Если бы не ты, Молоты бы никогда…

— Этого никто не мог знать заранее! Так случилось, твой план не сработал…

— Твой тоже! Где паника, которую ты обещал? Где взрывы? Твои люди мертвы, и те, кто должен был заставить замолчать выживших, тоже мертвы!

— Мелочь. — Ответил Шото. — У меня еще три десятка глупцов, готовых убивать за деньги. Сейчас они в Верхнем городе, жгут дома таких, как ты, купец. К вечеру жители снова выйдут на улицы, и гвардия их не остановит. И уже никого не удивит, что завтра кто-то откроет ворота в город!

— Вы… кретины! Все, что умеете — это жечь!

— Не кричи, купец. — Очень тихо сказал Шото. — На громкие слова часто откликается смерть.

— Это все — деньги! Каждое здание в Верхнем городе, каждый склад… каждый человек, обученный работать на станке или в поле. Как вы не понимаете — если разрушить город, он не будет ничего стоить!

— Это ты не понимаешь. Разрушение и есть цена.

Несколько секунд Картель молча смотрел в непроницаемые глаза маленького человека.

— Мое предложение значительно лучше. — Наконец сказал он.

— Говори.

— Не с тобой. Мне нужен Хайд.

— Да? — Казалось, маленький человек задумался. — А ты нужен ему? Зачем? Что ты можешь ему предложить такого, что он не сможет взять сам?

— Город, который дает прибыль. Не мертвое пепелище, а живая долина — тысячи галлонов воды, тонны мяса, ремонтные станции для каров, хлеб, вино, женщины, укрепления, перед которыми спасуют даже машины из Атланты. И все это не на один раз, а постоянно, на годы, десятилетия…

— Ты хочешь жить еще десятки лет? — Уточнил Шото, заставив Картеля прерваться.

— Рано или поздно вам придется подумать о будущем. И я хочу говорить об этом с Хайдом, не с тобой.

— Ты же не ждешь, что Хайд придет к тебе сам? Твой предыдущий посланец только-только добрался до него…

— Мой… посланец? — Картель покосился на своего телохранителя, словно проверяя его боеготовность. — О чем ты?

— Ты думал, я не узнаю? Ты хотел моей помощи, хотел беспорядков. Но отправил своего человека говорить с Хайдом, и с Иханом, не сказав мне ни слова. Он еще жив, если тебе это интересно. И донесет твои слова туда, куда нужно.

— Жив?

— Да, не смотря на то, что ты отправил его за моей спиной. Но теперь ты не доверяешь посланцам — и это хорошо. Совсем скоро ты увидишь Хайда своими глазами.

— Как скоро?

— Счет идет на часы. Он уже близко, и он тебя выслушает… если захочет.

— Мы договорились?

— Да. Я забуду о твоем предательстве, пока вы не поговорите.

— А что мне делать с проповедниками? Они все еще продолжают…

— Они не нужны. Убей их, разрежь на части, или скорми собакам — мне все равно. Они могут привести к тебе, или ко мне, и я не хочу, чтобы ведьма снова поймала хоть одного. Убери их с улиц.

— Не нужно убивать — Я отправлю их подальше, на север, и все…

— Рано или поздно кто-то из них расскажет о купце из Хокса, предавшем своего барона. Хотя тебе к тому времени будет все равно…

— Верно. — Картель внимательно посмотрел на Шото, но тот даже не улыбнулся. — Чем бы все ни закончилось, слова пары сумасшедших уже не будут иметь значения.

— Ты все сказал? Патрули близко.

— Ты дал слово…

— Да. — Ответил Шото. — Я сказал. Ты увидишь Хайда.

Картель кивнул ему и отвернулся. Шото стоял неподвижно и смотрел вслед ему и его телохранителям. Когда полы их кожаных плащей исчезли за углом, он отошел к стене

ближайшего дома, и присел, опираясь спиной о теплый кирпич.

— Выходи. — Сказал он тихо. — Я чувствую, как ты смотришь.

— Уверен? — Спросил механический голос откуда-то сверху. — А если это ветер гуляет в окнах?

— Болтливый ветер… — Проворчал Шото.

На крыше прошелестело. В нескольких метрах от него на мостовой взлетела пыль, очертив стремительно двигающийся силуэт, мелькнувший и исчезнувший чуть в стороне, вне поля зрения маленького человека.

— Интересный разговор. — Сказал механический голос.

— Чем? — Спросил Шото.

— Картель из Хокса ищет встречи с Пауком Хайдом. — Ответил невидимка. — Дорогая новость.

— Тебе назначать ее цену, наемник…

— Ты что, собирался мечом убить всех троих?

— Сначала я прирезал бы того, который слева. Потом Седого, закрывшись им. — Сказал Шото после короткого раздумья. — И, наверное, успел бы заколоть и третьего…

— Любишь планировать…

— А ты торгуешь чужими словами. Хочешь продать наш разговор с купцом — давай, эти слова не проживут достаточно, чтобы стать опасными.

— Но есть что-то, что тебя беспокоит, верно? — Механический голос донесся с другой стороны, как если бы его обладатель присел рядом с Шото. Тот медленно повернул голову.

— Ты про ведьму? Да, она не такая, как ты — она настоящая. Не торгуется, не прячется, не щадит. Хороший враг. Убила моих Шипов, сорвала план…

— Это была не она.

— Знаешь кто?

— Да.

— И что ты за это хочешь? Денег?

— Нет. Ответ на вопрос.

— Цена может получиться большой. — Шото, казалось, задумался. — Спрашивай, и я подумаю.

— Куда вы увозите детей?

Короткий меч со свистом вылетел из-под плаща. Маленький человек распрямился, как пружина и закружился на месте, поднимая пыль — но там, откуда секунду назад раздавался голос, клинок встретил только пустоту.

— Дорогой вопрос. — Прошипел Шото. Игольник в его левой руке, и меч в правой искали цель, но не находили. — Слишком дорогой для тебя…

Ответом ему стал механический смех, эхом отразившийся от крыш окружающих домов. Маленький человек поднял игольник, но стрелять не стал. Он был слишком рассудителен, чтобы впустую тратить заряды.

— Беги к своим хозяевам, за стены. — Сказал он тихо. — Быстрее, пока вам еще есть, где прятаться!

I.

— Я встретил ее на краю Эрга, возле развалин старой железной крепости — такой, знаешь, страшной штуки, в которой добывали металл лет сто назад. Или может отливали, кто их поймет, этих древних. Это случилось через десять дней после того, как Акулы ворвались в

Чикаго. До этого они были самой большой бандой Руки после Тигров и Пауков, а после… ну об этом речь и пойдет. Главным у них был Роб Акула, и за башку его король Чикаго давал десять тысяч кредитов — больше, чем за яйца Ихана и сиськи Феникс, вместе взятые. У Акул было самое тяжелое вооружение в Руке — минометы, броневики, автоброня, купленная у каких-то военных на побережье. И только удача короля Чикаго, Лиса Квейда, помешала Робу договориться с теми же Тиграми или Змеями. Или, скорее, жадность самого Роба, который не захотел делить такую жирную добычу ни с бешеной Феникс, ни с хитрым Хайдом, ни со старым извращенцем Иханом.

В общем, когда какая-то неизвестная сволочь открыла ворота Чикаго, в них вошел только Роб… ну, и тысячи три его парней. Вышли они оттуда дней пять спустя, когда военные, включая семерых вконец озверевших праймов, перебили почти всех из них. И чуть меньше сотни Акул кинулись обратно в Эрг, на машинах, перегруженных топливными элементами, дорогой техникой и прочим награбленным барахлом.

Я этого всего не видел — был на севере, с парой парней, охотился за должником, толстой крысой, кинувшей серьезных людей в Атланте. Когда мы наконец выковыряли его из броневика, пришли известия из Чикаго — так что подоспели мы только к уличным боям. За руку с татуировкой Акул там давали тридцать кредитов, но сильно поживиться не вышло — в городе было настоящее пекло. Даже не верится, что пара тысяч вооруженных отморозков могут сделать из красивой и благополучной крепости всего за пару дней. Город горел, треть зданий была взорвана, разрушены коммуникации, паника на улицах. Я в общем-то люблю Чикаго — крепости они вообще, кажутся такими мирными после пустыни, есть куда возвращаться и все такое. Но туда мне больше не хочется. Они отстроят его, конечно, Король-Лис заключит новые контракты с Небесными… ну да я не о том.

Мы дрались на улицах трое суток, выжигая Акул из домов, каждого по очереди. Я собрал свою обычную группу, она чуть больше, чем ты видела. Мы действовали совместно с военными, и праймами Чикаго. До этого толком не видел праймов в деле, но в этот раз король спустил на Акул все, что мог. Хуже всего досталось мирным жителям — это было как все деревни, сожженные рейдерами, что я видел в жизни, только хуже… во много раз. Говорят, кто-то из праймов сошел с ума после этого — наверное, он просто не пил, или у него была семья в одном из этих больших домов, откуда мы так долго выбивали рейдеров, кто знает.

На четвертый день Роб понял, что ему конец. Пленных мы не брали, его Акулы были развешаны по всему главному проспекту, прибитые к стенам уцелевших домов железными скобами — и он начал собираться домой. Они погрузили все барахло, какое смогли, на оставшиеся кары, и сорвались в пустыню, взорвав кусок стены с парой домов, когда отходили. Мы, ясное дело, рванули за ними.

А Король-Лис не отпустил военных, представляешь? Его можно понять — половина города в руинах, Рука собирается в Эрге, недалеко, и все такое. Так что он запретил преследование, и его страшные праймы повернули обратно. Но награду за голову Роба он объявить не забыл. Акулы пожадничали и перегрузили машины, так что мы по дороге сожгли парочку. Гнать за ними по холмам было глупо, и я решил сократить путь.

В холмах, что лежат между Чикаго, и Эргом, не так много путей. Если набраться наглости, и проехать через развалины Старого Чикаго, заселенного то ли призраками, то ли еще какой-то дрянью, то можно сэкономить чуть ли не день пути. К тому моменту нас было всего человек сорок — полтора десятка моих ребят, и еще разношерстный народ, из Далласа,

и даже из Атланты, кто на чем попало… награда за Роба делала свое дело.

Про призраков я вспомнил позже, когда в первый раз поймал ее волну. Мы выехали к железной крепости, и искали места для засады, когда я это услышал. Сначала я решил, что это передача из Крепости, но это был военный диапазон, и кто-то пел на нем древнюю колыбельную:

«Засыпай, малыш, засыпай,

Спит ягненок у входа в Рай…»

… как там дальше — не помню, но и не важно. Представь, эта песенка, в руинах Старого Чикаго, на общем канале. Мы выехали к железной крепости, и она чуть не сожгла меня.

Ее кар ждал там, замаскированный так хорошо, что если бы не нестандартный лазер с этой, декоративной, утечкой, я бы стал отлично прожаренным Нильсом Ланье. А так она только меня ослепила. Говорила странно — отрывисто, очень коротко, и даже не захотела выйти из машины. Но уже через пару часов я понял, кто она такая, когда остатки банды Роба вылетели на нас, и мы начали их убивать.

Она… не совсем человек. То, что я видел в Чикаго раньше, показалось мне детскими игрушками — она сожгла почти два десятка машин за неполных пять минут, а потом ввязалась в рукопашную посреди крепости, среди развалин тамошнего завода. Я всего не видел, бой был жестокий — я потерял двоих парней, и еще десятка полтора стрелков из других городов остались там же. Было чертовски жарко, все эти кары горели, а она носилась в дыму, и рубила рейдеров на части длинным, изогнутым ножом. А потом забралась обратно в кабину, и опять запела колыбельную.

И мы рванули в погоню. С десяток человек решили не рисковать, дальше начиналась настоящая пустыня, так что со мной остались всего двадцать бойцов. Ну, и она, на своем военном каре странной конструкции. Мы ехали часов десять, не останавливаясь, за пылевым следом Акул, слушая их переговоры, и даже переругиваясь с ними. Начиная с какого-то момента, она бросила петь, и замолчала. А потом Акулы подстерегли нас в дюнах.

Это то, что она вспомнила мне на площади — ты и сама уже наверное поняла. Я… не смог продолжать. Они кружились по этим холмам, а я смотрел на заряд батарей, и на то, сколько оставалось снарядов… всего ничего. Из моих парней выжили пятеро, а Роб уходил оттуда с пятнадцатью машинами. Холмы горели. Я знал, что она еще жива, едет за ним, до самого конца — и приказал поворачивать обратно. Зачем нужны десять тысяч, если некому их получить?

Она не сказала мне ничего, даже когда я отдавал приказ по общей связи. Ее машина еще кружилась там, среди обломков. Думаю, она собрала батареи, пополнила боезапас с разбитых машин, и продолжила погоню.

Уже позже, в Чикаго, я узнал, что о Робе больше не слышно — на Руке осталось четыре пальца. Думаю, она достала его, там, в Эрге, у него дома. Я не ожидал увидеть ее снова — даже праймы сделаны из плоти и крови, а чтобы пережить то, что она, нужно большее Не знаю, что с ней случилось, и зачем она все это делала. Но после того, что я видел в Чикаго, уверен — у нее были причины…

II.

— Тогда мы выходим. — Бросил Ланье в переговорник, торчащий из воротника бронежилета, и парой быстрых глотков прикончил кружку пива — пятую или шестую, как показалось Мириам. Пьян он не был — она уже не раз встречала таких людей, которые либо

медленно пьянели, либо очень хорошо умели пить.

В случае Ланье дело было, видимо, в последнем.

— Мы отлучимся на пару часов, отогнать машины к Магистрату. Я оставлю трех человек, чтобы вы не волновались. Эй, ты меня слышишь? Я тебя не совсем заболтал? Не до смерти?

— Да. — Ответила Мириам, слезая со стула. — Все хорошо. Я поднимусь наверх, проверю, все ли с ней в порядке…

— Ага, а то она что-то долго в ванной сидит. Да ты не переживай так. — Ланье дотронулся до ее плеча, осторожно, словно боясь сломать. — Это же ты не из-за моей байки, нет? Может, я слегка приукрасил…

— Нет. — Мириам покосилась на его руку, и наемник убрал ее. — Я могла бы и у нее спросить. Но до сих пор не решилась, а она сама не говорила.

— Может, так оно и лучше. — Ланье щелкнул магнитной застежкой на воротнике бронежилета, и поднял со стойки свое оружие — огромное, со стволом толщиной в руку Мириам, и двумя толстыми рукоятями. — Ну что, мы пойдем?

— Да. — Ответила Мириам. — Спасибо за историю.

— Ага. В следующий раз ты рассказываешь…

Мириам кивнула. Рок, помогающий Марте собирать посуду, с деловым видом ухватил пустую кружку Ланье и скрылся за стойкой.

— Никого не впускать. — Слова Ланье, инструктирующего своих людей, донеслись до нее уже на лестнице. — Проверять на наличие оружия. Отчет по основному каналу каждые десять минут.

На втором этаже царила напряженная тишина. Город молчал — ни музыки, ни голосов, ни шороха. Никто не смеялся внизу, в зале, и не шумела вода в ванной — это было непривычно, и странно. Мириам подошла к двери в конце коридора, и прислушалась, затем постучала.

— Это я. — Сказала она. — Можно зайти?

Ответа не последовало, и она толкнула дверь.

Игольник Би смотрел прямо на нее, лежа на краю ванной. Окошко, наполовину закрытое полотенцем, едва пропускало свет. На секунду Мириам показалось, что в воде никого нет, но затем она разглядела белые пальцы на черном пластике рукояти.

Би лежала в ванной, подтянув колени к груди, как-то неудобно, на боку, с закрытыми глазами. Мириам осторожно подошла, и дотронулась до воды, наполнявшей ванну только наполовину.

— Почти холодная. — Сказала она растерянно.

Би не ответила. Ее ресницы подрагивали, и едва различимо поднималась маленькая грудь. Розовый сосок касался поверхности воды, ритмично пробивая ее — вверх, вниз, вверх, вниз…

— Нильс ушел за машинами. Таня не появлялась. Тебе… плохо?

— Это пройдет. — Прошептала Би.

— У тебя что-то болит? Живот? Голова?

Би приоткрыла глаза. Мириам увидела ее цвет — и почти пожалела об этом. Как и все остальные цвета, этот был знаком ей, до боли, до горлового спазма — она не раз видела его раньше.

В зеркале.

Когда еще не знала, что цвета можно видеть так.

— Кто-то умер? — Спросила она, осторожно дотрагиваясь до холодных пальцев на рукояти игольника. — Это Джино, да? Или это потому, что Ланье приехал, и ты вспомнила что-то…

— Я не могу никого защитить. — Прошептала Би. — Даже когда хочу…

— Неправда…

— Джино погиб потому, что я посчитала двор безопасным. Я виновата. А Ланье…. — Черные глаза открылись шире. — Он что-то рассказал тебе?

— Немного…

— Неважно. Он пришел вовремя. Еще немного — и я бы начала стрелять…

— В горожан?

— В людей, которых я хочу защитить. И я бы сделала это… все, что нужно.

— Но ты не…

— Я прайм… я убиваю. И боюсь…

— Ты? Боишься?

— Той части себя, которую я не помню — а это довольно много. Я не собиралась… просто задумалась о том, откуда знаю Ланье. И вдруг поняла, что забыла. Целые дни, и ночи в моей жизни, о которых я ничего не знаю.

— Забыла вашу встречу?

— Помню… кусочки. Отрывки, запахи… что чувствовала тогда. Но знаю, что это не все. Сегодня на площади, когда толпа была так близко, я вдруг почувствовала это снова. Что через мгновение могу забыться, исчезнуть, и тогда случится страшное, что-то, что я никогда не смогу ни исправить, ни простить себе. Даже если бы умела прощать. Как тогда, во дворе у твоей тети.

— Понимаю. — Сказала Мириам. — Но я давно хотела тебе сказать, еще после того случая. Я не боюсь тебя.

Би закрыла глаза, и перевернулась на спину, вытягиваясь в ванной.

— Ты не понимаешь…

— Неправда. Я видела, как это с тобой случилось, два раза. Ты делала все правильно, даже когда это была… не совсем ты. И я думаю, что если ты даже убьешь меня — то так будет лучше…

— Мириам…

— …лучше, чем если бы это сделал кто-то другой — рейдеры, бандиты, наемники. Я верю тебе. Давай я включу душ, и помогу тебе встать.

— Как глупо…

— Знаю. — Мириам встала, и сняла разбрызгиватель с держателя на стене. — Но мне больше не в кого верить. Столько лежать в воде вредно, ты можешь простудиться.

— Ты очень… заботливая, знаешь? Заботишься о детях, обо мне, и даже об Арго…

— Знаю. Наверное, я просто больше ничего не умею… — Вода из разбрызгивателя ударила в ванну, заставив Би зажмуриться. Мириам прислушалась, внизу, за шумом воды, ей почудились крики, женский голос, со смутно знакомыми интонациями. Би, видимо, тоже расслышав что-то, резко села в ванной, и подняла игольник, не обращая никакого внимания на воду, льющуюся теперь ей на голову.

— Пустите… убери руки, морда… да нет у меня оружия! Хочешь, совсем разденусь, только деньги вперед… Ладно, щупай, урод, я тебе это потом вспомню! А ты плащ держи, не

потеряй. Что, довольны? Пустите меня к ней… где она… там?!

Дверь в ванну распахнулась, впуская электрический свет из коридора. Мелькнули удивленные лица наемников Ланье, а затем их заслонил яркий силуэт — зеленое с красным. Рыжеволосая Анита ворвалась в ванную комнату, как ураган.

— Что смотрите?! Голая она, голая! — Она стремительно обернулась, и захлопнула дверь. — Эй, ну и настырная у тебя охрана…

Би растеряно опустила игольник. Только сейчас Мириам поняла, что все еще держит над ней разбрызгиватель, и сама уже промокла насквозь. Дорогая горячая вода под напором дробилась на плечах Би, разлеталась вокруг облаком мелких капель и собиралась в лужи на полу.

— Странновато вы моетесь. — Прокомментировала зрелище Анита. — Может, и мне к вам?

Она хихикнула, но ее смех показался Мириам натянутым. Это была совсем не та, наглая и веселая девушка, которую они встретили утром — слишком сильно отличался цвет.

Она опустила разбрызгиватель в ванну и резким движением отключила воду.

— Тебе что-то нужно? — Спросила Би.

— Ага. — Кивнула Анита. — Мне, Кею, и тебе… он так сказал. Ты прости конечно, но из ванны наверное вылезти придется…

— В чем дело?

— У меня… пока на стрельбище были, у меня четверых девчонок забрали. Прямо в верхнем городе. Там перестрелка была, большая, два дома подожгли. — Анита прошла по лужам и присела рядом с ванной. — Бандиты какие-то вроде как рейд сделали, на верхний город. В общем, охранника убили, двух ранили. Рядом гвардейцы были, а потом мы с Кеем подошли, и он парочку из этих пристрелил. Только они не сами ушли, забрали девушек, кого успели зацепить, я не всех на стрельбище повела. Гвардейцы надо мной посмеялись только — дескать, ничего с ними не случится такого, к чему они не привычные… скоты. А те в Яму ушли… оттуда они, хоть и поднялись до самого верхнего города. Они в Яме живут, я даже пару мест знаю. Кей за ними пошел — но только что ему там одному с ними делать? Гвардия сейчас и так по уши занята, верхний город после этих налетов горит, что платье на невесте… Вот и выходит, что мне больше идти не к кому.

Анита снова хихикнула, или скорее всхлипнула.

— Так что простите, баронесса, что прерываю ваше омовение…

— Замолчи! — Резко сказала Би, и девушка подчинилась — сразу, как если бы ждала этой команды. — Кейн пошел за ними один?

— Да. Ты не думай, я его отговаривала, только он меня вроде и не услышал. На трупы только посмотрел, у одного из этих татуировки рейдерские были. Так он глянул, узнал, где они в Яме обычно бывают, и ушел.

— Татуировки? Ты их видела?

— Да. Кей сказал, что это вроде как Пауки.

— Собирайся! — Би вскочила, обрызгав сидящую рядом с ванной Аниту с головы до ног. Мириам, предусмотрительно отойдя подальше, протянула ей полотенце.

— Резкая ты. — Анита встала, вытирая воду с лица, стараясь не смыть макияж. — Тогда пошли. Только гвардейцев с собой захвати, побольше…

— Некогда. — Ответила Би. — Пока они войдут в Яму, наемники разбегутся, а твоих девушек…

— А что делать?

— Искать Кейна… — Би лихорадочно вытирала голову полотенцем, и слова прозвучали глухо. — Не думаю, что их там много. Он тоже так решил, иначе не пошел бы за ними, он не сумасшедший.

— Ясное дело не очень… Десятка полтора, с ножами да ружьями. А если закроются где-то, так их гвардия неделю выкуривать будет…

— Проводишь меня. — Би вылезла из ванной, продолжая вытираться, и Анита отступила, рассматривая ее, оценивающе, как показалось Мириам. От Би этот взгляд тоже не укрылся:

— Что?

— Интересно мне. — Без тени смущения ответила Анита. — Белокожие миз из Верхнего города все больше мягонькие да пухленькие, как пирожки с начинкой. А у баронессы, значит, фигурка что у акробатки цирковой — сразу видно, что не привыкла в кроватке валяться и пирожные жрать. Девочкам моим урок будет…

Би отшвырнула мокрое полотенце в сторону, так, что Анита вздрогнула. И пошла в угол, к экзоскелету, разложенному на скамье.

— Молчу. — Сказала Анита, глядя, как Би собирает мокрые волосы в узел на затылке.

— Помочь? — Спросила Мириам. Ее собственная мокрая куртка осталась лежать рядом с ванной, промокшие ремни кобуры сильнее давили на плечи.

— Нет времени. — Ответила Би.

— Они все равно не высохнут. — Мириам подняла большой игольник с края ванной. — Но сейчас на улице полдень, и пока мы дойдем до Ямы…

— Мы?

— Да. — Так твердо проговорила Мириам, что даже Анита посмотрела на нее с удивлением. — Мы.

III.

Город пах дымом и страхом.

Полдень едва прошел, воздух дрожал, поднимаясь от раскаленной мостовой. Над домами, вместе с привычными ориентирами, башней и церковью, вздымались черные дымные столбы — больше, чем утром.

И намного. Мириам попыталась было сосчитать их, но сразу бросила это занятие. Анита вела их по слишком запутанным переулкам и подворотням, часто меняя направление, так что дым оказывался то справа, то позади.

— Бои в Верхнем городе закончились больше часа назад. — Сказала Би, и Анита обернулась. — Шериф говорит, что нападавшие из Шипов. Похоже на диверсию — кто-то накаляет обстановку в городе, отвлекая внимание гвардии.

— И дураку ясно, что это никакие не Шипы. — Ответила Анита. — Ни один наемник на виселицу не захочет, а за моих девочек им ничего лучше не светит.

Она с подозрением покосилась на проходящий мимо патруль — четырех гвардейцев с игольниками и щитами, вроде тех, что стояли в заграждении перед магистратом. Старший патруля кивнул Би, словно старой знакомой, и ответил Аните столь же подозрительным взглядом.

— А вот не люблю я их. — Будто извиняясь, сказала Анита, когда патруль остался позади. — Хоть есть среди них нормальные парни, но как-то не складывается с ними, и все. Когда я про девочек своих рассказала, ни один даже не почесался…

Они вышли на смутно знакомую улицу — видимо, где-то за Праздничной площадью, потому что церковный шпиль маячил теперь далеко впереди и справа. Но вместо того, чтобы идти вниз, Анита свернула в переулок, к деревянной лестнице, ведущей на крышу ближайшего дома.

— Так быстрее. — Ответила она на безмолвный вопрос Би. — Самый короткий путь тут по верху, в обход заграждений, что перед Ямой поставили.

— У них есть дозорные на улицах? — Спросила Би, когда они поднялись на крышу, и пошли по цепочке узких мостиков между домами, увитых сухим виноградом.

— А то, наверняка. Тот гвардеец, что надо мной посмеялся, так и сказал — мол, они туда со своими наплечниками и подойти не успеют. А еще сказал, что не верит мне — вдруг я их в ловушку заведу. Хотя в такое время чему удивляться — странно, что вы поверили. Доверчивые, может?

— Если ты обманула нас, то ты даже не успеешь… — Начала было Би, но Мириам прервала ее:

— Ты не врешь. — Она споткнулась о край очередного мостика, и тот возмущенно загудел от удара. Би поймала ее за локоть.

— Откуда тебе знать? — Хмыкнула Анита.

— Я вижу.

— Это как? — Анита свернула и спрыгнула с крыши на совершенно неприметный балкон, обшитый свежими досками, пахнущими смолой. Тот тянулся над узкой улочкой, повторяя каждый ее изгиб, до самого поворота.

— Ну, по тебе вижу. Что волнуешься, и из-за этого много говоришь. Ты наверное всегда болтаешь, когда волнуешься, я уже такое видела. Но не врешь — тогда бы ты иначе волновалась. И девушек твоих тебе жалко, очень, особенно одну, которая тебе вроде как подруга. Но только гораздо больше ты боишься за Кейна — что он там один, и мы можем не успеть… — Мириам замолчала, наткнувшись на изумленный взгляд Аниты.

— Ты что, гадалка? — Не дожидаясь ответа, Анита подпрыгнула на краю балкона, и вниз по стене со звоном скользнула лестница, сваренная из тонких труб.

— Странная дорога. — Тихо сказала Би.

— Давно тут живу. — Анита полезла по лестнице первой. Ее зеленый плащ мелькнул среди желтых виноградных побегов на крыше и исчез.

— Теперь тихо. — Раздался сверху ее шепот. — Это уже Яма, мы за баррикадой.

Дальше шли молча. Анита, искоса поглядывая на Мириам, несколько раз порывалась что-то спросить, но так и не решилась. Под ногами скрипели доски и подозрительно скрежетали ржавые листы жести. На крышах остались следы и вмятины от множества ног, вроде тропинки у водопоя в пустыне, и Мириам старалась ступать след в след за Би, боясь провалиться вниз, в темноту и неизвестность. Неряшливо крытые крыши не соприкасались друг с другом — их соединяли доски и тонкие металлические трапы, прогибающиеся под каждым шагом, тонко вибрирующие над щелями, заменяющими в Яме переулки. Оттуда, снизу доносились голоса, звуки и запахи человеческого жилья — еды, отхожих мест и еще чего-то, разлагающегося на жаре уже очень давно.

— Осторожно. — Прошептала Анита, словно прочитав мысли Мириам. — Не свалися туда, искать тебя потом…

— Тихо. — Сказала Би, и они замерли на краю крыши, сложенной из узких сухих досок. Что-то потрескивало под ногами, словно металл на жаре, белела песчинками мостовая в

десяти метрах внизу.

— Никого не вижу. — Тихо сказала Мириам.

— Слева. — Указала Би. Видимо, заметив ее жест, на соседней крыше из-за кирпичной трубы приподнялась знакомая фигура в конической шляпе, и коротко взмахнула рукой.

— Кейн! — Выдохнула Анита, и одним прыжком перемахнула через проем между крышами. Мириам последовала за ней, как можно быстрее — чтобы не успеть посмотреть вниз.

— Это то место? — Спросила Би у Аниты, присевшей рядом с монахом, и нервно перебирающей браслеты на левой руке.

— Да. — Ответил Кейн вместо нее. — Я выследил три группы, человек по пять, которые зашли туда.

— Куда именно?

Кейн указал на здание через улицу — прямоугольную двухэтажную коробку со стенами, сложенными из древних бетонных плит и металлических листов.

— Похоже на склад.

— Так и есть. — Ответила Анита. — Еще со времен первых мануфактур тут склады поставались. Они пустуют, а для наемников это место ничем не хуже других. Мне про похожий дом рассказывали… слухи, они разные ходили.

— Его охраняют?

— Уже нет. Один лежит там, на крыше, другой здесь, в переулке. Не знаю, как часто они сменяются, но времени у нас мало.

— Ты перестрелял их, даже не зная, что мы придем? А что ты собирался делать дальше?

— Не дать им выйти, и держать там, сколько возможно.

— Они бы обошли тебя по переулкам минут за пять. Собирался тут умереть?

— Место не хуже любого другого. Почему ты пришла одна?

— Твоя подруга очень меня торопила, и большая команда так быстро бы не подошла.

— Там два десятка наемников, если не больше, и среди них Пауки — не знаю, сколько…

— Тогда давай на них посмотрим.

— Похоже, не я один тут хочу умереть… — Винтовка в руках монаха сухо щелкнула. Он отсоединил длинный ствол, и забросил его за спину, закрепив на спине, под плащом. — Но без тяжелого оружия… два десятка вооруженных мужчин…

— Меня больше волнуют заложники. — Сказала Би. — Сюда бы Ланье, он спец по подобным ситуациям, а я… предлагаю просто туда зайти.

— Да ну тебя! — Фыркнула Анита, но монах кивнул:

— У нас нет никакой поддержки, но они об этом не знают.

— Вы серьезно? — Спросила Мириам.

— Тебе лучше остаться здесь. — Ответила Би.

— Почему это? Тут я ничем не смогу вам помочь, а там… у меня есть оружие.

— Если они начнут разбегаться…

— Те, кто будет убегать, уже ничего вам не сделает. Они все там, внутри, верно? Глупо оставлять меня здесь, если я могу стрелять…

— И я могу… — Прервала ее Анита.

— Нет! — Би и Кейн ответили одновременно, и Анита хихикнула:

— Какие вы милые, аж тошно…

Би расстегнула плащ, сбросив его прямо на крышу, сняла с плеча ремень игольника, и посмотрела на индикатор зарядов. Потом протянула игольник Мириам.

— У тебя хорошо с ним получается…

На мгновение прикоснувшись к ее перчатке, Мириам увидела цвета, страх, и сомнение, медленно вытесняемые другим, страшным огнем, всплывающим откуда-то из глубины.

— Мириам с нами. — Резко сказала Би, и направилась к краю крыши. — Держись справа от меня и… постарайся остаться в живых. Кейн слева. Ты…

Она посмотрела в сторону Аниты, словно пытаясь вспомнить ее имя.

— Ты сидишь тут на крыше. Если мы не выйдем через десять минут, бежишь к шерифу, и рассказываешь ему все. Понятно?

Анита фыркнула, и Би кивнула в ответ.

— Вот и хорошо.

Вблизи склад выглядел еще уродливее, чем с крыши. Стены, обшитые тонкими ржавыми металлическими листами, казались неровными, будто человеческая кожа, пораженная заразной болезнью. Ворота в два человеческих роста, выходящие на улицу, оказались не только намертво закрыты, но и заварены. Посреди них чужеродным белым пятном смотрелась дверь — стальная пластина, обшитая свежими досками.

— Недавно починили. — Би осмотрела дверь, отступила на шаг, и ударила по ней ногой — низко, рядом с косяком, погнув металл. Дверная коробка из толстых досок лопнула, Би ухватилась за вогнутый металлический край в месте удара, и вырвала дверь наружу.

— Можно было постучать. — Сказал Кейн, отступая в сторону и давая двери упасть.

— В следующий раз. — Ответила Би.

Из дверного проема пахнуло затхлым жаром, ощутимым даже на улице — вонью немытых человеческих тел, еды и химической гарью. Мириам подняла игольник, старясь не целиться в спину Би, и сняла ремень с плеча, чтобы не мешал.

Би стремительно прошла внутрь. Кейн отшвырнул человека, сидевшего на низкой походной кушетке у самой двери, дальше, в зал — длинный, освещенный только узкими лучами света, пробивающимися сквозь щели в стенах и крыше, поддерживаемой неровными бетонными колоннами. В жарком полумраке грохот отлетевшей двери и треск опрокинутой кушетки прозвучали как взрывы, заглушив другие звуки — шепот, смех, хрип, женский плач где-то вдалеке.

Би остановилась, оглядывая склад, а Мириам шагнула направо, под прикрытие ближайшей ко входу бетонной колонны.

Не меньше двух десятков полуодетых мужчин лежали и сидели вокруг колонн, на тюках, ящиках и спальниках, свернутых из бесформенных тряпок. Спали, играли в кости или карты, готовили еду на химических горелках или чинили оружие. Глаза Мириам не в силах были ухватить все детали одновременно, и потому цеплялись за них по одной: блеск пота на лице молодого наемника, почти мальчика, синее пламя горелки под ржавым котлом, связка ремней с длинными ножами, висящая на колонне, синяя татуировка в виде птицы на чьем-то плече, обрывок яркого платья среди тряпок, освещенный солнечным лучом, тени на перегородках из ткани, натянутых в дальней части склада, и висящая там же, прямо над спальниками, освежеванная свиная туша…

Мириам моргнула, и все это пришло в движение. Наемники кинулись к оружию, расталкивая друг друга, а Би шагнула вперед.

— Спокойно! — Прогремел механический голос, и страшная маска повернулась, словно

оглядывая помещение. — Мне нужны только те, кто с пауком!

Движение замедлилось. Мужчины, вооруженные копьями и ружьями, разбегались, прячась за колоннами и тюками. Мириам заметила у них всего несколько игольников, больших, вроде тех, что она видела у фермеров. Наемник, отброшенный Кейном от двери, тоже кинулся в глубину склада, проскочил мимо Би — и как от стены отлетел от человека, идущего ему навстречу, невысокого, с очень широкими плечами и седыми волосами, одетого только в джинсы и ботинки.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Только пауки? — Грубо спросил седовласый наемник, и поднял на плечо игольник с длинным магазином, вроде того, что был у Мириам. — А как насчет больших змей? Только за ними к нам в штаны лезть придется.

— Мне ваши трупы обыскивать ни к чему. — Ответила Би.

— Кто сдохнет, а кто и укусит. — Ответил наемник. — Может, тебе какое барахло нужно? У нас тут тряпок полно, и побрякушек всяких… а еще девки есть. Они правда поистрепались слегка, пара и померла, кажись, но тебе в самый раз будут…

Словно в подтверждение его слов в глубине склада снова зазвучал женский плач — и почти сразу стих, словно приглушенный чем-то мягким.

— Все сказал? — Спросила Би. Мириам почувствовала в ее голосе тяжесть принятого решения. Внезапно вспотели ладони, рукоять игольника стала влажной.

— А что болтать? Нас тут двадцать пять, вас двое с хвостиком, а Пауков нет — вывелись все. Ты же из-за девок на рожон не попрешь…

Мириам не успела заметить, как раскрылась наваха. Би сдернула ее с бедра, и бросила назад, за спину, странным движением, вывернув руку. Стремительный блестящий росчерк родился за ее плечами и сразу перескочил вперед, словно солнечный зайчик, отброшенный крылом ветряного генератора. Седой наемник не договорил, издав странный сипящий звук, когда лезвие прошло через его горло.

— Кейн? — Спросила Би.

— Двадцать четыре человека. — Ответил монах, поднимая винтовку.

— Убить всех.

IV.

Когда-то, много дней или лет назад, Мириам уже видела, как Би дерется навахой — в ее собственном доме. Тогда она не поняла почти ничего — ей запомнилось только мерцание лезвия в дыму.

Теперь все было иначе.

С первых мгновений боя Мириам узнала его — танец на бесплодной земле, у края долины Хокса. Тогда монах танцевал с флейтой, а Би… сейчас она двигалась так же, только быстрее, и движения перетекали одно в другое иначе, беспорядочнее и совершенно непредсказуемо.

Совсем не так, как положено в танце.

Первый выстрел монаха угодил в глаз наемнику, кинувшемуся на Би из-за колонны, расположенной шагах в пяти перед ней. Она полоснула седого еще раз, поперек груди. Он начал оседать на пол, а она уже двигалась — налево, к стене и груде тюков, за которыми прятались несколько человек. Мириам присела, поднимая игольник, в прицельной рамке мелькнули руки, держащие длинное ружье, и она нажала на спуск. Одновременно хлопнул игольник Кейна, опрокинув кого-то в центре зала, а Би оказалась слева, перед заграждением.

Перемахнув через него одним прыжком, она достала пригнувшегося за ним наемника еще в воздухе, упала, перекатилась, уворачиваясь от взмаха копья с широким зазубренным наконечником, оттолкнулась от стены, и прыгнула дальше, обходя наемников, засевших в центре.

Одновременно грянули ружья. Мириам поймала в рамку фигуру, отмеченную дымным завитком, и выстрелила. Игольник дернулся, дважды, и тут же в колонну, прямо над ее головой ударило что-то, с резким неприятным звуком, осыпав ее бетонной крошкой. Она упала на колено, и почти не целясь выстрелила в скопление людей за тюками.

Из-за колоны в дальнем конце склада вылетело человеческое тело. Пролетев шагов шесть, оно ударилось о цилиндр химической горелки, опрокинув его вместе с висящим над ним котлом на группу наемников, прячущихся за двумя опрокинутыми койками. Следом за ним из-за нагромождения тюков вынырнула Би, и завертелась, точно волчок со страшным изогнутым лезвием, разбрызгивая кровь.

Ударил еще один залп, несколько пуль вонзились в бетон рядом с Мириам, заставив ее нырнуть за колонну. Рядом хлопнул игольник Кейна. Вращение Би резко оборвалось, она кинулась в центр зала, странно, зигзагом, прыгнула в сторону, сбив кого-то с ног, и тут же побежала в другом направлении…

— Окружай! — Закричал человек в дыму, и Мириам поймала его в прицел, большую голову на тонкой шее, с жилами, напрягшимися от крика.

Голова крикуна дернулась, забрызгав алым колонну за ним. Би перепрыгнула еще одно заграждение, справа, перекатилась, полоснув по ногам наемника с топором на длинной ручке, и внезапно снова прыгнула, от самой земли. Взлетели клочья тряпок — пули прошивали одежду, развешанную для просушки. Воительница оттолкнулась от колонны на высоте человеческого роста, резко сменив направление, и упала вниз, на стрелявших.

Наваха мелькнула высоко, пройдя по чьему-то лицу, и сразу низко. Би развернулась, каким-то невероятным образом маневрируя на пятачке между людьми. В одну сторону, за спину человека с ружьем, полоснув его по затылку, и в другую, уклоняясь от копья с широким наконечником. Кровь брызнула на ближайшую колонну, вверх взлетела рука с синей татуировкой, отрубленная по локоть, Би обошла группу наемников изящным, почти танцевальным пируэтом, словно случайно зацепив одного из них по виску…

Снова хлопнул игольник Кейна — наемник рухнул в паре шагов от Мириам, пальцы все еще сжимались на рукояти длинного ржавого ножа. Она взглянула на индикатор зарядов, и снова прицелилась в центр зала. Би рубанула очередного противника по шее, и прыгнула, на этот раз низко, сбив с ног сразу двоих с ружьями. Игольники Кейна и Мириам выстрелили одновременно, отшвырнув от нее еще одного наемника. Ее наваха мелькнула над полом, среди обрывков окровавленных тряпок, разрубив голень кинувшемуся на нее человеку, взлетела вверх, вонзившись в пах следующему. Воительница обошла падающее тело, полоснув по шее, и перерубила направленное на нее копье вместе с рукой, а затем сложилась в низком выпаде, достав по бедру человека, бегущего уже не к ней, а от нее, в глубину зала.

Краем глаза Мириам заметила, как вышел из-за колонны Кейн — уже не скрываясь, он прицельно расстреливал оставшихся наемников. Би, развернувшись на окровавленном пятачке среди колонн и тюков, сорвала с бедра маленький игольник, и тоже стреляла — куда, Мириам не видела, лихорадочно выглядывая в прицельной рамке хоть какое-то враждебное движение. Кто-то копошился за укрытиями, но вяло. Кричал раненый с перерубленной ногой, отползая подальше от Би — пока она не подскочила к нему, полоснув

навахой.

Стоны стихли после нескольких прицельных выстрелов Кейна, и больше никто не двигался. Мириам опустила игольник, и снова посмотрела на индикатор зарядов.

— Это… все? — Спросила она каким-то совершенно чужим голосом.

Никто не ответил. Кейн прошел в центр зала, и Мириам показалось, что он что-то шепчет, словно разговаривая сам с собой. Би, присев у тюков, сосредоточенно вытирала наваху обрывком чьей-то куртки.

Только сейчас Мириам почувствовала, что у нее замерзли руки — ладони были холодными и мокрыми от пота. Она набросила на шею ремень игольника, внезапно ставшего очень тяжелым, и огляделась.

Возможно, ей не следовало этого делать. Запахи крови и порохового дыма мгновенно вызвали воспоминания о дворе госпиталя, и собственном доме, дополнив их видом изрубленных трупов на бетонном полу, среди одежды и ворохов неузнаваемых тряпок. Она оглядывала зал, с секунды на секунду ожидая спазма в животе, приступа тошноты, но его все не было. И она смотрела дальше: наемник с татуировкой в виде птицы, с пробитым виском, а рядом другой, молодой, который был жив всего минуту назад — с глубокой раной, пересекающей грудь, словно каньон в пустыне…

Тошнота не приходила, и Мириам обреченно поняла, что ее не будет. Зрелище, открывающееся вокруг, больше не казалось ей страшным, ничто не дрожало и не обрывалось внутри. Она обернулась, посмотрев на колонну, которая укрывала ее во время боя. Щербины и дыры остались от пуль, каждая из которых предназначалась ей — и не значили ровным счетом ничего.

Внезапно она почувствовала отвращение — к собственной бесчувственности, равнодушию, пугающим больше, чем все остальное, случившееся за день.

— А почему ты… рубила их? — Спросила она у Би. — У тебя же был пистолет?

— Это тактика. — Ответил Кейн вместо Би. — Она отвлекала внимание от нас, при этом позволив нам стрелять. Иначе нас могли задавить числом.

Мириам кивнула. Голова казалась пустой, заполненной чем-то легким и прозрачным.

— Но мы же могли попасть в тебя?

— Как и они. — Ответила Би. — И что?

— Сколько зарядов у тебя осталось? — Неожиданно спросил Кейн, и Мириам не сразу поняла, что он обращается к ней. — Я видел, ты проверяла.

— Двадцать два. — Ответила она.

— А было?

— Тридцать шесть.

— Хорошо, ты сохранила ясность. Знаешь, скольких ты убила?

— Трех… кажется.

— Четырех. Есть правило, о котором знают в Крепостях — человек, убивший трижды, не усомнится, убивая в четвертый раз…

— Зачем ты ей это говоришь? — Спросила Би.

— Чтобы сказать. — Монах забросил винтовку за спину. — Моих здесь девять, надеюсь, их души найдут лучшее пристанище.

— Думаешь, у них есть души? — Би встала, отшвырнув тряпку.

— Души есть у всех — даже у тебя, прайм.

Маска повернулась в его сторону. Щелкнула наваха, складываясь.

— Позови свою девушку. — Наконец сказала Би. — Тут еще есть живые, за теми ширмами. Их нужно забрать.

Тина споткнулась, и Мириам подхватила ее, уже в который раз не дав упасть. Висящий на левом плече игольник отчасти уравновешивал их, но иногда девушка опиралась на нее слишком сильно, и шершавый плащ Би, наброшенный на ее плечи, больно задевал ссадину на скуле. Тина легонько сжала ее руку — то ли удерживая равновесие, то ли из благодарности. Говорить у нее не очень получалось, губы были разбиты, и, похоже, что-то случилось с языком. Второй девушке, которую тащил Кейн, пришлось хуже — ей порезали лицо. Анита остановила кровь лоскутом, оторванным от своего дорогого зеленого платья, и теперь шла рядом с Кейном, гладя ее по голове, и что-то шепча на ухо. Была ли она той подругой, о которой Анита волновалась больше всего, или просто знакомой, Мириам так и не поняла — Анита словно окаменела, зайдя на склад. Она едва сказала пару слов, за все товремя, пока они ходили среди изрубленных трупов, разыскивая источник плача. Би переворачивала тела в поисках татуировок, Кейн шептал что-то мертвецам, а Анита молчала. Не потому, что боялась — судя по всему, за свою жизнь рыжая видела вещи и пострашнее. Но сейчас ей было явно не по себе, и, заметив взгляд, украдкой брошенный ей в спину Би, Мириам поняла, почему.

В ее голове тоже никак не укладывалось — девушка с фигурой акробатки, к которой она ворвалась в ванную, никак не могла иметь отношения к тому, что она видела сейчас вокруг.

А потом они начали находить подруг Аниты, и все вопросы отпали сами собой…

Тина, опирась на ее плечо, шла прихрамывая, и ее босые ноги оставляли кровавые следы на мостовой — не слишком яркие, но заметные. Мириам знала, что все ее тело под плащом представляет собой сплошной кровоподтек, и помнила, что некоторые из этих ушибов могут быть смертельны — она не раз слышала о людях, умирающих из-за разорванных внутренних органов. У Тины были красивые глаза, зеленые, яркие, но Мириам, поймав ее взгляд, не обнаружила в нем страдания — та словно спала наяву, глядя куда-то вдаль, в ей одной известное пространство.

Идущая впереди Би остановилась, приветствуя движущийся навстречу патруль. Тина посмотрела куда-то вниз, и сказала невнятно:

— Эй, у тебя порваны джинсы.

— Что?

— Джинсы на коленках. Нужно будет новые купить. Тут заводик есть, на холме, где их шьют. Там дешево выходит.

— Да. — Ответила Мириам. — Я куплю… обязательно.

Полдень прошел, они стояли посреди улицы, в тени холмов Хокса, и ждали, когда подойдут гвардейцы. Мириам вспомнила другой полдень, два дня назад — долгие блуждания по незнакомому городу, и какая-то девушка, идущая следом за Би. Совсем другая, даже внешне, смешная и наивная, словно только что с фермы…

— Анита. — Сказала Мириам, и рыжая обернулась. — Можешь поспрашивать у своих про девушку? Загорелая такая, с колечками тут и тут, Пионой зовут?

V.

«Индюк» встретил их прохладой и раскатами хорошо знакомого басовитого хохота. Смеялся Арго, да так, что слышно было на площади. Позади остались раскаленные пустые улицы, пахнущие дымом, Мириам сбежала по ступенькам, в тень, думая о холодной воде и холодном молоке. И у самой двери замерла, вспомнив, откуда они пришли, и что там

случилось.

За столом посреди зала играли в карты Арго, Рок, и пара наемников. Би остановилась рядом, и просто смотрела — явно не следя за игрой, а думая о чем-то своем.

Арго снова расхохотался, наемники последовали его примеру.

— Да нет, ты что — это у тебя не рука совсем, видишь, второй король. Это две пары, они меньше значат.

Рок покраснел и хлопнул картами об стол.

— Да не бойся, я тоже не сразу научился. Давай еще одну раздачу, и можно будет по мелкой сыграть…

Мириам подошла к столу и встала возле Арго. Тот тасовал карты, и даже не поднял головы.

— Извини. — Сказала она. — Я совсем не хотела на тебя кричать. Просто, из-за Джинс и…

— Ты пахнешь кровью. — Арго уронил карты на стол. — Теперь уже вы обе…

— Я не слышу. — Сказал Рок и принюхался.

— Сходи к Марте, спроси у нее пару стаканов. И вы, парни, возьмите по паре пива, за мой счет.

Наемники встали. Рок хотел было возразить, но сразу передумал, и тоже вскочил. Мириам села на освободившееся место, и только тогда поняла, что игольник, о котором она забыла, все еще болтается у нее на спине. Би опустилась напротив, тяжело уронив на стол руки в перчатках.

— Сколько? — Спросил Арго, и Мириам не сразу поняла, что он обращается именно к ней.

— Утром двоих, и потом еще четверых.

— Из этого? — Гладиатор кивнул на игольник, который она положила на стол рядом с собой.

— Да.

— Выпей. — Арго пододвинул ей единственный стакан, стоящий на столе. — Поможет… по первому разу.

— Что это?

— Виски.

Би подняла руку к лицу.

— Действительно. — Сказала она. — Пахнет кровью.

— Ничего такого, что не смыть водой…

— Нет, не хочу больше в ванну… хватит.

Мириам подняла стакан, и залпом выпила — там было немного, на самом донышке. Виски не обжег — ни вкуса, ни запаха, словно она пила воду.

— Я в норме. — Сказала она. — Меня даже не стошнило.

— Да. — Ответила Би. — К этому можно привыкнуть.

Рок зазвенел стаканами, расставляя их на столе.

— А где Таня? — Неожиданно спросил он. — А то она давно ушла уже…

— Она с подругой. — Ответила Мириам. — Скоро должны вернуться.

— С какой подругой? — Удивился Рок.

— Ты ее не знаешь. — Ответил Арго. — Спасибо за стаканы, пойди Марте помоги, обед скоро.

К удивлению Мириам, Рок опять подчинился без единого слова. Арго плеснул виски в стаканы — Мириам, себе…

— Ты? — Спросил он у Би.

— Не знаю.

— Значит, будешь. — Арго наполнил ее стакан на четверть, и поставил бутылку. — Ну что, тогда давайте — за то, чтобы ты, а не тебя…

Мириам снова выпила залпом, на этот раз почувствовав тепло, растекшееся по горлу. Би к своему стакану не притронулась.

— Это тост гладиаторов. — Сказал Арго. — В профессиональной лиге убивают редко, случайно разве, но до этого я дрался среди рабов. В твоем возрасте я уже убил столько, что не мог сосчитать… не умел. Как и читать, потом научился…

— У тебя не было выбора. — Сказала Би. — А у нее… она была со мной. Я отвечаю за все, что сделала она. Что ей пришлось сделать. Я здесь чудовище, только я…

— Это так грустят праймы? — спросил Арго. — Сюда бы с пяток таких чудовищ, как ты, тогда те сотни других чудовищ, что идут сюда, точно хвосты бы поджали…

— Тысячи, Арго. — Би выпила виски, и закашлялась. — Прости, Мириам…

— За что?

— Тысячи? — Арго снова наполнил стаканы. — Да так даже интереснее…

— Ты собираешься остаться?

— Думала, я такое пропущу?

— Я не верю, что мы сможем удержать город.

— А я не боюсь. Никогда не дрался в настоящей войне. — Арго опрокинул свой стакан, словно наперсток. — Мириам сказала правду — никогда никого не защитил. Обидная правда. Победа, свобода, деньги — да кому это все на самом деле надо…

— А так грустят гладиаторы? — Спросила Би, и тоже выпила. — Никогда не видела…

— Как я пьяных праймов.

— Я не пьяная. — Би посмотрела на стакан, который снова наполнил Арго. — В отличии от тебя…

— Я трезвею быстрее, чем пью, я уже говорил. В Атланте делают такие операции, вшивают что-то в требуху, чтобы не чувствовать боли. Говорят, что я из-за этих усилителей с пол оборота завожусь… а может так всегда было. Но попутно эти штуки протрезвляют…

— Я знаю, что такое генераторы адреналина, Арго. Ни один нормальный человек не позволил бы сделать с собой такое.

— Нормальные чемпионами не становятся!

— Да, и праймами, если уж на то пошло…

— За ненормальных?

— За ненормальных!

Мириам откинулась на спинку стула. По телу разливалось приятное тепло, немного хотелось спать, и, почему-то, плакать.

— Давайте помянем Джино. — Сказала она, и почувствовала, как слезы наворачиваются на глаза. — Он меня спас, перед тем как…

— Давай. — Сказал Арго, и поднял свой стакан. — За мертвых друзей!

— За мертвых друзей!

— За мертвых… — Би выпила залпом. — Которые защитили живых.

Мириам спрятала лицо в ладонях — слезы продолжали литься, непонятно почему, все

сильнее и сильнее…

— Эй, ты чего? — Тихо спросил Арго.

— Это хорошо. — сказала Би. — Пусть выплачется, ей незачем носить это в себе, женщины должны уметь плакать.

— Что-то я не видел, как ты плачешь…

— Что-то от твоего виски меня клонит в сон.

— Да мы же еще даже и не начали…

— Мы же спасли этих девушек, правда, Би? — Спросила Мириам, все еще плача. — Тину, и эту, вторую — мы же помогли им?

— Да. — Би прижала руку ко лбу, и прикрыла глаза.

— Значит, то, что я сделала, тоже было не зря. Мы их защитили, пусть даже… даже…

— Эй, с тобой все нормально? — Прервал ее Арго, обращаясь к Би, которая сидела очень прямо, с закрытыми глазами. — Я ничего в виски не подмешивал…

Би уронила руку на стол, дотронувшись до пальцев Мириам.

— Почему ты опять плачешь? — спросила она, и то, как прозвучали эти слова, заставило мгновенно высохнуть слезы Мириам. Тот же голос, но совершенно чужие интонации.

— Уже не плачу. — Ответила Мириам, с ужасом наблюдая за лицом Би — оно разглаживалось, лицевые мышцы напрягались иначе, как если бы другой человек примерял его, словно маску.

— Хорошо. — Сказала незнакомка с лицом, принадлежащим Би, и улыбнулась. Увидев ее улыбку, Мириам едва подавила в себе желание вскочить из-за стола.

— Би? — Спросила она. — Ты… с тобой…

— Ребекки здесь нет. — Ответила незнакомка, и подняла перед собой стакан с виски, взглянув на нее сквозь мутную жидкость и зеленоватое стекло. — Есть только Вероника.

Глава III

Интермедия III.

Доктор остановился на лестничной площадке, чтобы перевести дыхание.

Пыль и мелкий мусор покрывали остатки аккуратного кафеля, которым неизвестные строители когда-то выложили пол. Наверняка не рассчитывая, что дом, который они строят, переживет город и их самих.

Стены толщиной в три кирпича, бетонные столбы в основании, светлая облицовка, которую легко содержать в чистоте — доктор помнил, как выбирал это здание под госпиталь, спорил и убеждал.

Но реактивным снарядам все равно.

Доктор оперся здоровой рукой о стену, но тут же оттолкнулся, и выругался — грубо, по-армейски. Ему еще не было и пятидесяти лет, контузия и трещина в плечевой кости не повод, чтобы терять время. Особенно если внизу ждет десяток операций для тех, кому сегодня не так повезло.

Он продолжил путь наверх, по лестнице, усыпанной обломками покрупнее. Проход не расчищали. Дверь на третьем этаже, криво повисшая на остатках петель, поскрипывала.

Зал за дверью почти не использовался последние два года — хватало и пары этажей. Последний мор, унесший жизни почти десяти тысяч человек, не спешил повторяться. Здесь оставались только ненужные койки, и отдельные палаты, для особых случаев.

Мусора стало больше, часть потолка обвалилась, доктор с некоторым трудом перебрался через очередную груду битого кирпича и осколков плитки. Несмотря на контузию, он помнил, как шериф тащил его по этим обломкам, не особо церемонясь, грязно ругаясь от страха, и поминутно спрашивая, жив ли… А следом прыгала по камням девочка, пришедшая с праймом — огромные глаза, и тонкие загорелые пальцы, вцепившиеся в игольник.

Доктор перебрался через последний завал. Стена у края разлома рухнула, став в два раза короче, неровной ступенью лестницы, ведущей на крышу. За ней, на краю, обрывающемся во двор, сидел человек — беспечно, наклонившись вперед, и рассматривая город, ярко освещенный солнцем. Глядя на него, доктор снова вспомнил эту девочку, имя которой уже успел забыть. Она сидела точно так же — снайпер, сделавший удачный выстрел, или только готовящийся…

— Привет, Саймон. — Сказал доктор.

— Здравствуй, Габриэль. — Ответил барон, не поворачивая головы. — Спасибо, что пришел.

— У меня мало времени, Саймон. Столько раненых…

— Собираешься оперировать одной рукой?

— Вести операции я еще могу, не сомневайся.

— Я никогда в тебе не сомневался.

— Зачем ты позвал меня сюда? — Доктор оглянулся и неловко присел на излом стены, в паре шагов за спиной барона.

— Я прилетел час назад. Поговорил с Мигелем, выслушал своих информаторов, и решил

сам посмотреть… на это.

— Тридцать человек убитых, раненых вдвое больше… на что тут смотреть? Если бы не прайм, они бы разнесли все здание. Мы не готовы к такому, Саймон, это… настоящая война. А у нас всего лишь горстка полицейских, едва умеющих стрелять, десяток пушек и твой джет.

— А разве когда-то было иначе? — Барон повернул голову, и тень от остатков крыши упала на его профиль, темный отпечаток на полуденном теле города, достойный древних монет. — Вспомни, Габриэль, когда ты согласился остаться… чем были мы? Беглый прайм на украденной машине и мертвый полковник, потерявший всех своих людей. Мы вырвали этот город у пустыни и рейдеров, не отдали его торговцам, пришедшим следом, а теперь… Что изменилось, Габриэль?

— Я. — Коротко ответил доктор. — Наверное, просто привык к миру… Я не хочу больше стреляных и колотых ран, не хочу видеть, как одни люди убивают других.

— Думаешь, твое желание что-то изменит?

— Ты видел девушку, которая сопровождает прайма? Она же просто ребенок, одногодок моей дочери, наверное. На моих глазах она убила двоих, чтобы спасти меня и Мигеля, а потом еще одного — уж не знаю, почему. Не хочу, чтобы моя дочь росла такой же…

— Но она вырастет такой, Габриэль, если мы не сделаем что-нибудь с этим местом… С этим чертовым миром. Поэтому я и пришел сюда.

— Поэтому?

— Мне нужен твой совет. Ты всегда был… совестью этого города, что ли. Помнил, что хорошо, а что плохо, даже когда я забывал… И никогда не боялся сказать мне об этом. Мне нужен твой совет, как друга.

— Хорошо, что не как доктора — ты еще не настолько стар…

Барон неопределенно повел плечами, и жгуты экзоскелета задвигались, подстраиваясь — тонкие черные змеи, обвивающие гибкий металлический каркас позвоночника.

— Представь, что у тебя есть выбор… трудный. Представь, что ты мог бы спасти этот госпиталь сегодня, если бы позволил убить свою дочь. Тридцать человек, ты сказал? И еще больше раненых? Если бы этого можно было избежать, отдав всего одну жизнь, как бы ты поступил?

— Мою дочь?

— Да.

— Я не знаю, Саймон.

— Это не ответ. Подумай, тридцать жизней против одной.

— Нет, Саймон, этот выбор невозможно совершить, просто взвесив их количество…

— Но если другого нет? Твоя Миа или те, кто умер сегодня там, внизу?

— Я… отказываюсь выбирать, Саймон. Я не могу.

— Потому что она твоя дочь? Упростим выбор — пусть умрет другая… ну хотя бы эта девочка, что была с праймом. Пусть умрет она — ты же ее совсем не знаешь.

— Ты не понял, Саймон. Я… не могу дать тебе этот совет, и совсем не важно, кто эта девочка. Я просто не могу позволить ей умереть.

— И тридцать жизней на твоей совести…

— Нет, Саймон, эта сделка… она не для меня. Это и есть мой ответ.

— И ты откажешься принимать решение?

— Да, Саймон. — Доктор провел рукой по лбу, вытирая пот. — И я бы не хотел, чтобы

ты принимал его.

— Вот как? А если их гораздо больше тридцати? Если среди них женщины, дети, старики… мне отказаться? Как я после этого смогу смотреть… да хоть бы и тебе в глаза, Габриэль? Как?!

Барон вскочил, оттолкнувшись руками от края разлома, одним быстрым и плавным движением.

— Ты хотел услышать голос совести. — Сказал доктор, глядя ему в спину. — Ты услышал. Прости, но если я сейчас не пойду вниз, там точно кто-то умрет…

— Я… понимаю. Ты… это ты, док Габриэль. Ты спасаешь людей, а я… Я прайм.

Доктор встал, неловко покачнувшись, взмахнув здоровой рукой, и пошел к лестнице. На половине пути он обернулся. Барон стоял там же, на краю, глядя на город — черная фигура, лишенная кожи, с бесстыдно выставленными на показ переплетениями нечеловеческих мышц.

— Саймон. — Сказал доктор.

— Да?

— Ты — мой друг, и ты всегда сможешь смотреть мне в глаза, что бы ты не решил.

— Спасибо, док.

— Но, взглянув в зеркало, Саймон… подумай, сможешь ли ты взглянуть в глаза самому себе?

I.

За столом установилась тишина.

— Демона песков мне в хребет! — Удивленно прогудел Арго. Незнакомая Би покосилась на него и поставила стакан на стол.

— Боец, опытный, много имплантов. — Сказала она. — Друг?

— Да. — Ответила Мириам. — А где Ребекка?

— Спит. Она устала, и ей больно, поэтому она заснула. А кто ты?

— Я Мириам.

— Так тебя зовут, но кто ты такая? — Вероника щелкнула по стоящему перед ней стакану. — Как вы пьете эту гадость?

— Я… человек.

— И я, наверное.

— Женщина…

— И я тоже.

— Мне шестнадцать лет.

— Я… — Вероника выглядела озадаченной. — Не знаю, сколько мне может быть…

— Как это?

— Я помню многие вещи, которые принадлежат Ребекке, ее чувства, слова — но это все не мое. Мне не двадцать пять, как ей, это не мои годы.

— Но как такое может быть?

— Не знаю. Ее воспоминания во мне — как чужая история, рассказанная кем-то… имена, картинки, даты. Я умею драться, как она, наверное даже лучше — но не всегда понимаю, зачем это делаю. У меня своя память.

— О чем?

— Я помню огонь… дома, большие, рушащиеся вокруг, и бегущих людей. А потом я иду по одному из них, разыскиваю кого-то, и понимаю, что опоздала. Наверное, это первое, что я

помню. Кажется, она хотела, чтобы кто-то защитил ее, боялась оставаться одна. И позвала меня…

Вероника улыбнулась, грустно, став при этом очень похожа на Ребекку с рисунка Мириам.

— Я поняла… я защищаю ее, когда ей очень плохо, она теряет силы, или засыпает, как сейчас. Я знаю не обо всем, что с нами происходит… и поэтому я сильнее, чем она.

— А что с ней случилось?

— Ей больно об этом вспоминать, но я знаю. Это словно история, рассказанная мне кем-то далеким, не ей. Хочешь услышать эту… сказку?

— Да.

— Жила на свете девушка. Не знаю, какой она была — наверняка умной, и очень упрямой. И еще я не знаю, почему она решила стать воином — наверное потому, что не хотела всю жизнь провести под защитой стен, зная, что мир снаружи полон врагов. Она не хотела бояться, и когда ее вызвали — она согласилась не раздумывая. Никто не знал, как становятся праймом — но она была упряма, училась лучше всех, и у нее все получалось. Потом ей разрезали голову, и переделали, сделав еще лучше — быстрее, сильнее. Она стала мечом Короля-Лиса, самого хитрого короля по ту сторону Эрга. А меч не рассуждает, он просто делает то, что умеет — рубит и колет. Она водила боевые машины, убивала врагов короля, сопровождала караваны и говорила с купцами — и это было то, ради чего она жила. А потом все изменилось.

Он был купцом. Не просто молодым человеком, из тех, что ведут караваны из Чикаго в Детройт, надеясь разбогатеть — нет, он был сыном самого богатого человека Чикаго, Ди Андерсона, хозяина земель и машин. Они встретились в бою — король послал ее защитить рудный поселок, и заодно привести назад сына своего лучшего друга. Он не знал, что отдавая этот приказ, лишает себя одного из верных мечей.

Они провели вместе не больше недели. Я не знаю, о чем они могли говорить — девушка-воин, и юноша-купец. Но прибыв в Чикаго, он пошел к отцу, а Ребекку Ли в тот же день вызвали во дворец Андерсонов.

Спустя две недели они поженились.

Такое случается только в сказках — никогда раньше король не позволял прайму уйти на покой, и никогда раньше невесте не дарили на свадьбу боевой кар. Наверное, они были счастливы — даже зная, что ей отпущено не так уж и много времени. Но ведь никто не знает даты своей смерти наверняка. Она оказалась отличной помощницей в его делах — ее слушались цифры, и слухи о прайме в семье Андерсонов только укрепили их положение. У них родился сын, Тим, названный в честь ее отца — сейчас ему было бы полтора года.

И на этом заканчивается сказка.

Их дом был слишком близко к воротам. Они были надежны, но никто не ждал, что их могут открыть изнутри.

Когда рейдеры ворвались в Чикаго, она была в другом конце города. Я не знаю, что она чувствовала, когда пришла к развалинам, разыскивая тех, кого любила — но думаю, что в какой-то момент ее разум просто не выдержал.

И тогда появилась я.

Мы вместе прошли через горящие руины поместья Андерсонов, и я вывела боевой кар, «Кошачий коготь», из подземного ангара. Жизнь, оставшаяся наверху — сгорела. Остались лишь вещи, принадлежавшие прайму — машина, экзоскелет, клинок…

Несущие смерть.

Что в это время творилось с Ребеккой? Не хочу, и не могу представлять это. Мы шли по городу, но, мне кажется, она не осознавала моего присутствия — говорила с кем-то, но не со мной, и пела… да, она пела. Потом засыпала, и я оставалась одна, как сейчас. Я не разделяю ее память и боль, и поэтому выжила там, где не смогла бы она.

Я дралась до конца, потому что была рождена для этого. На улицах, в домах, на крышах, среди развалин — я убивала ради нее. День сменялся ночью, а мы сменяли друг друга без отдыха — стимуляторы, кофе, боевые наркотики поддерживали в нас иллюзию жизни. На четвертый день рейдеры отступили из города, и мы поехали следом.

Мы сожгли или расстреляли их всех, одного за другим. Я помню, как догнала Акулу Роба — его смерть была быстрой, как всегда, в бою машин.

Мы стояли посреди пустыни, и не знали, зачем теперь жить… нам обоим. Только мне очень хотелось это узнать.

II.

Би — или Вероника. — тихо рассмеялась.

— Я не понимаю ее иногда. Она не подозревает, что я существую, но я знаю о ней. Мне нравится жить. Ей больно там, где я смеюсь, и я не всегда понимаю, почему ей плохо. Мы разные, и одинаковые в одно и то же время — она все потеряла, а у меня никогда ничего не было…

Она спрятала лицо в ладонях, и сидела так долго, пока Мириам не дотронулась до ее локтя:

— Би?

— Да? — Воительница несколько раз моргнула, глаза были полны слез. — Что? Ты что-то спрашивала?

— Я? Нет…

— Странное ощущение от виски. Там ничего больше не было?

— Тебе, наверное, пить не стоит. — Сказал Арго очень спокойно. — Ты что-то неважно выглядишь.

— Больше не собираюсь. — Би обернулась к стойке. — Я проголодалась. Может, пообедаем?

— Да. — Ответила Мириам. — Сейчас попросим Марту…

— У тебя такое лицо, будто ты увидела приведение. И уже не плачешь. — Би внимательно посмотрела на Мириам. — А только секунду назад…

Дверь зала с грохотом распахнулась. Наемники, игравшие в карты у дальнего края стойки, вскочили, хватая оружие, и тут же отступили. В двери ворвались четверо мужчин, вооруженных длинными игольниками, которые мгновенно заняли позиции у входа. Следом за ними в зал не торопясь спустился человек в простом сером плаще.

— Барон. — Би встала. — Я не слышала, что ты вернулся…

— Об этом знает только шериф. Он уже отчитался за все, что произошло в мое отсутствие. — Барон оглядел зал, его взгляд остановился на наемниках. — Люди Ланье?

— Да.

— Ваш шеф разворачивает технику у восточных ворот, можете идти к нему.

— Нам только он приказывает. — Ответил старший из наемников.

— Это место мне нужно для проведения переговоров. Скажете Ланье, что я лично отвечаю за его безопасность. Или мне связаться с ним и сказать, что у меня проблемы?

— Нет, никаких проблем — Ответил наемник.

— Переговоры? — Спросила Би, глядя, как наемники облачаются в тяжелые доспехи, оставленные ими возле стойки.

— Да. — Барон подошел ближе. Мириам показалось, что в прошлый раз он выглядел немного иначе. Лицо осунулось, под глазами проступили тени, и двигался он не совсем уверенно, как человек, проведший много часов в неподвижности или в кресле пилота. При его приближении Арго тоже встал, но барон только кивнул ему, словно старому знакомому.

— Выпьешь? — Спросил Арго.

— Конечно. — Ответил барон.

— С кем переговоры? — Снова спросила Би.

— Твой старый знакомый. — Барон поднял стакан с виски. Под его плащом больше не мерцала красная броня — там изгибались черные жгуты и металлические полосы экзоскелета, почти такого же, как у Би.

— У меня много знакомых.

— Этого ты точно не забыла. — Барон залпом выпил, и стукнул стаканом о стол. — У тебя кровь на броне, вот тут, и там…

— Знаю.

Наемники Ланье пошли к выходу. Их старший обернулся, чуть не столкнувшись в дверях еще одним человеком, спускающимся по лестнице. Тот выругался, и замер, глядя в дула игольников телохранителей барона.

— Пропустить! — Скомандовал барон, и на свет вышел Картель — немного не такой, каким его запомнила Мириам. Купец осунулся и похудел за последние двенадцать часов. Как и барон, он видимо почти не спал. Следующие за ним охранники тоже замешкались, и остались стоять у дверей, пропустив его в зал.

— С ним? — Спросила Би. — Сейчас?

— Самое время. — Сказал барон, присаживаясь прямо на стол. Мириам встала и отошла чуть в сторону, чтобы видеть его. — Правда, Иосиф?

— Ты позвал меня, чтобы издеваться, Саймон? — Картель встал перед бароном, прямой и грозный, каким увидела его когда-то Мириам на веранде «Гелиотропа». — Сюда, здесь, перед этими людьми…

— Ребекка Ли — офицер Корпуса-прайм, приближенная короля Чикаго. Арго, чемпион Колоссеума, известен тем, что не любит болтать. Иосиф, ты привередлив — когда еще в этом городе собиралось настолько изысканное общество? Или тебя не устраивает моя компания?

— Я считаю, что сейчас самое время собрать Совет города…

— Иосиф, ты отстал от жизни. Я в городе всего три часа, но уже знаю, что большинство членов совета покинули город. Он не в состоянии собраться, и следовательно — вся полнота военной власти принадлежит мне.

— Я, как его глава…

— Ты не возглавляешь ничего. Объявлен комендантский час, горожане вооружаются, гвардия выходит на боевые посты.

— Тогда я должен отдать приказы…

— Глава Молотов, Флай Кьюри, полтора часа назад присягнул мне на верность. Его предыдущие контракты разорваны, Молоты перешли под командование шерифа. Или есть еще кто-то, кому ты хочешь отдать приказы?

Картель не спеша оглядел барона и Би, стоящую чуть в стороне от него.

— Тогда зачем я здесь? В городе взрывают башни, твоя подруга разгоняет людей на площади, и устраивает в Яме резню, достойную мясника. Наверное, мне стоит позаботиться о своем здоровье и семье…

— Не раньше, чем мы разрешим пару вопросов. — Барон пинком пододвинул к Картелю стул. — Может, тебе лучше сесть?

— Спасибо, нет.

— Очень хорошо, тогда перейдем к делу. О резне… Кто-то неизвестный, вырезал тайное убежище Шипов — группы, которую шериф подозревает в подрыве оружейных башен и атаке на госпиталь. Вырезал так, что не осталось ни одного свидетеля, а те Шипы, которым посчастливилось опоздать туда, сами сдались людям шерифа. Видимо, очень не хотели иметь дело с этим… неизвестным.

— Неизвестный? Да это просто смешно…

— Шипы, допрошенные шерифом, заявили, что действовали в сговоре с Пауками. И выдали еще одно убежище, но в нем оказалась всего пара человек — один из которых действительно носил татуировки Пауков. В ходе допроса он признал, что их здесь больше… и указал на главного.

Барон выдержал паузу, и Мириам заметила, как напряглись телохранители Картеля. Но цвет самого купца не изменился — словно тот слишком устал, чтобы переживать.

— Рейдер по имени Шото, правая рука главы Шипов, ныне покойного. Обоих не раз видели рядом с тобой.

— И что? — Картель пожал плечами. — Со мной видели половину города. Я вел с ними деловые переговоры, это все знают.

— И я знаю, поэтому не обратил на это особого внимания. Но затем он упомянул о посланиях — как они связывались со своими агентами вне Долины. У них был тайник под стеной, у восточных ворот, и шериф приказал обыскать его, пока не поздно. Улов оказался обильней, чем мы предполагали — тайник был пуст, но рядом мы взяли посланника, еще одного Паука…

Барон снова замолчал. В тишине скрипнул стул, когда Картель сел напротив него. Справа, за стойкой, что-то двинулось, Мириам заметила Рока, с любопытством выглядывающего из-за полок с бутылками.

— Ребекка. — Сказал барон. — Как в Чикаго поступают с предателями?

— Распинают. — Тихо и спокойно ответила Би.

— Интересно. Мы никогда так раньше не делали…

— Что он сказал?! — Рявкнул Картель так, что зазвенели кружки на стойке.

— Поздно нервничать, Иосиф. — Тихо ответил барон. — Он сказал все.

— Что именно?

— Испытываешь мое терпение? Тебя больше нет, и весь вопрос в том, как это произойдет! Я могу просто отступить в сторону, и с тобой случится то же, что с этими наемниками в Яме… или еще хуже.

— Пугаешь меня… ей? Я не боюсь вас. Если бы вы хотели убить меня, то давно сделали это. Зачем ты позвал меня, Саймон?

— Мы взяли пешек, которые ничего не соображают, а мне нужна правда. Скажи мне, что собирается делать Рука. Сколько их, как они хотят войти в долину? Количество машин, оружия, тяжелого вооружения, а главное — как они вообще его достали?

— С чего ты взял, что мне это известно?

— Ты же не мог договариваться с ними вслепую. У тебя наверняка были информаторы, шпионы, ты собрал все знания о них, какие мог. Откуда у них столько оружия, Иосиф? У них немаркированные игольники и тяжелые противопехотные боеприпасы. Как? Даже ты не мог продать им ничего подобного…

— Я не знаю, Саймон…

— Я не верю! — Барон отбросил полу плаща, и положил руку на маленький черный игольник в набедренной кобуре. — Ты всегда выяснял все, о друзьях и врагах, как ты мог не узнать главного? Расскажи мне об их планах, и сможешь спокойно уехать…

— Ты издеваешься?! — Снова закричал Картель. — Мой сын пропал сегодня утром, а ты хочешь, чтобы я уехал? Как, черт побери, тебе хватает совести говорить об этом?!

— Я с твоим сыном ничего не делал! Иосиф, у меня очень мало времени на этот разговор. Давай вернемся к делу, мне нужна информация…

— Иди к дьяволу со своей информацией! — Картель вскочил. — Ты чертов лжец, я ни хрена тебе не скажу!

— Жаль. — Ответил барон и выстрелил ему в глаз.

Еще два выстрела слились в очередь. Одного из телохранителей Картеля развернуло, второй упал на месте — еще до того, как сам Картель рухнул на стул, ломая его.

— Замотайте им головы плащами и сложите под стенку. — Скомандовал барон, и его люди пришли в движение. — Не нужно, чтобы их нашли раньше времени.

— Зачем? — Спросила Би.

— Он утратил свою ценность. Я рассчитывал вытянуть из него что-то стоящее, но у меня не осталось времени, а от врагов нужно избавляться.

— Что сказал связной рейдеров?

— Не было никакого связного. — Барон опустил игольник обратно в магнитный зажим на бедре. — Я солгал.

— Он испугался…

— Потому что действительно предал. Но я не нашел доказательств, а ты слишком быстро устранила свидетелей.

— У меня не было выбора…

— Не сомневаюсь, и благодарен тебе за это. Если ты не против, мне потребуется от тебя еще одно, небольшое одолжение.

— Одолжение?

— Да. Нам нужно будет совершить небольшое путешествие на восток.

— Цель?

— Сообщу по дороге.

— Какова цель, Саймон?

Что-то звякнуло и покатилось за стойкой, как если бы на пол уронили рюмку из толстого стекла. Барон обернулся к Би.

— Ты не доверяешь мне?

— После… этого?

Барон покачал головой.

— Я предположил, что так и будет… — Что-то изменилось в комнате. И лишь через мгновение Мириам поняла — оружие четырех телохранителей барона смотрело теперь на нее, Арго, и за стойку, где, видимо, до сих пор прятался Рок.

Би огляделась. Мириам почувствовала, как от ее цвета словно становится светлее в комнате — как если бы ярость могла освещать.

— У меня нет времени спорить. — сказал барон. — Ты быстрая, гладиатор тоже, но их четверо, и здесь я. Ты можешь успеть, а можешь и опоздать… не намного, но кто-нибудь умрет.

— Чего ты хочешь? — Спросила Би, и сдернула с шеи ремешок переговорника шерифа, словно он вдруг начал душить ее.

— Мне нужна помощь. Проедемся, тут недалеко…

— Ты берешь их в заложники, потому что иначе я бы не согласилась? Что ты собираешься сделать, Саймон?

— Все, что понадобится для спасения города.

— Кто еще знает об этом? Эти… твои люди — тоже наемники? Вороны, о которых говорил шериф?

— Да. — Ответил барон. — А теперь хватит вопросов. Идем, нам еще нужно пополнить боезапас в твоей машине.

— Ладно. — Би посмотрела на Мириам, потом на Арго. — Оставляю их на тебя гладиатор. Присмотри за ними.

Арго красноречиво плюнул прямо под ноги барону.

— Я как-то побил прайма. — Сказал он. — Ты это запомни, Саймон.

— Видел запись. — Ответил барон. — Но есть вещи пострашнее тебя, Арго.

— Это ты сейчас так считаешь…

Би пошла к выходу, но на полпути остановилась.

— Последний вопрос, Саймон. Ланье об этом знает?

— Нет. Он же просто солдат…

— Он мне должен. Не хотелось бы, чтобы он об этом забыл.

Барон пожал плечами.

— Через пару часов мы сможем обсудить это в нормальной обстановке. Соберите их вместе, заберите оружие, и не спускайте с них глаз…

Кто-то ухватил игольник Мириам, за стойкой снова зазвенело, когда наемники принялись искать Рока. Би еще раз обернулась, уже на лестнице, и Мириам увидела ее цвет — никакой неуверенности, или отчаяния, только пламя, приглушенное, но от этого не менее жаркое.

— Мы подождем! — Крикнула Мириам ей вслед. — Езжай осторожнее, хорошо?

III.

Тони всхлипнул, и Мириам обняла его сильнее, подвинувшись ближе к столу — колено, на котором он сидел, начинало затекать. Всхлипывание повторилось, но уже тише — Тони наклонился вперед, следя за картинками, меняющимися на планшете.

Мириам не поняла, как ей удалось это сделать. В какой-то момент она дотронулась до нужного места на рамке вокруг экрана, почувствовала там выступ, удобно ложащийся под пальцы. И планшет ожил, но не осмысленно, а как-то хаотично, показывая то, что ему самому хотелось.

Наемники барона против планшета не возразили. И вообще, вели себя на удивление тихо — рассредоточились по углам и заняли места за соседними столами. Теперь их было шестеро — к двоим, вынесшим трупы на улицу, на обратном пути присоединились еще двое, видимо, охранявшие вход в «Индюка». Мириам понимала, что их спокойствие обманчиво —

все оставались настороже, как если бы охраняли не женщин с детьми, а как минимум наемников, таких же, как они.

Отчасти их беспокойство вызывало присутствие Арго — бросаемые на него взгляды были достаточно красноречивы. Сам он старался по сторонам не смотреть, и, судя по сдерживаемой ярости в глазах, это удавалось ему с трудом.

На планшете мелькали картинки, и Тони вздохнул, увлеченно следя за ними. Их набор повторялся уже во второй или в третий раз. Мириам начала узнавать некоторые: большой голубой шар со странным дымчатым рисунком, металлические конструкции на фоне звезд, джет странной формы, раздутый, как хорошо нафаршированная курица, люди с бледными лицами в черной форме. Фрагменты чужой жизни, в которых она ровным счетом ничего не понимала.

Она снова дотронулась до планшета, и экран мигнул. Теперь там открывались страницы текста, накладываясь друг на друга так быстро, что Мириам ничего не успевала разобрать.

— Ты умеешь им пользоваться? — Тихо спросила она у Арго. Словно в ответ на ее слова поверх всех страниц на экране всплыла одна, белая и чистая.

— Нет. — Ответил тот. — Ни черта не смыслю в небесных игрушках.

— Он слушается, но как-то непонятно.

Одновременно с ее речью по белой странице побежали буквы — бессмысленный набор, не складывающийся в слова. Мириам положила пальцы на выступ немного иначе, удобнее, и буквы исчезли.

— Кажется, я их стерла…

— Ты уверена, что сейчас время для этого? — Мрачно спросил Арго.

— «Нет.» — Возникло на чистой странице, и он поднял брови. Рок перегнулся через стол, чтобы рассмотреть экран.

— «Можно выбирать буквы.» — Медленно проползло по странице, и Мириам триумфально улыбнулась. — «Джино так делал, только быстрее».

Арго кивнул.

— «Ты хочешь кинуться на того, который слева. Не нужно.»

— Почему это?

— «Он ждет. Они все ждут, когда ты что-нибудь сделаешь. Их предупредили. Они и от меня ждут, но не так сильно. Не так сильно смотрят.» — Мириам оторвала пальцы от выступа, чтобы размять их. Буквы на странице появлялись от незнакомого усилия, возникавшего то ли в голове, то ли прямо в кисти. Но рука все-равно уставала — как если бы каждая буква была ведром воды, которое приходилось доставать из колодца.

— А ты грамотная…

— «Это все он. Выбирает слова правильно. А как ты думаешь, что такое с Би?»

— Ты про ее второе имя?

— «Про то, что на самом деле ее две.»

— Я как-то слышал… — Арго заговорил, глядя в сторону, между двух наемников, сидящих за соседним столиком. — Что такое бывает, когда в одном теле живут два человека, или больше. Вроде как две души, понимаешь? Они могут даже не знать друг про друга. Утром одна делает одно, а вечером другая — другое…

— Скучная байка, гладиатор. — Сказал один из наемников. — Может, лучше про бои расскажешь…

— Или про баб из Крепостей. Говорят, там такие девки…. — Поддержал его другой.

— Скучная. — Согласился Арго. — Но чистая правда. Мне доктор рассказывал, в Атланте, он там был навроде мозгоправа…

— Что, в Крепостях и мозги вправлять умеют?

— Не перебивай. Так вот, мозгоправ этот и вправду мог иногда тебе в голову залезть, и что-то там поправить. Я сам точно не знаю, его близко к себе не подпускал, но про него говорили, что он одного из старых чемпионов пользовал. У которого как раз две души на одно тело и были. — Арго перевел взгляд на Рока, смотревшего на него, открыв рот. Мириам почувствовала, как меняется цвет гладиатора, растет в нем опасное напряжение.

— «Не надо.» — Пробежало по планшету. — «Пожалуйста, подожди еще».

— Ладно, так о чем я? А, так вот, этот чемпион… Запамятовал, как его звали, то ли Камень, то ли Скала… В общем он на арене был одним человеком, а внизу — другим. Причем тот, что внизу, драться вообще не умел, собственной тени боялся, и тренировали его отдельно…

Тони засмеялся, глядя куда-то в сторону. Проследив за его взглядом, Мириам разглядела красную точку, пляшущую в солнечном луче, падающем из-за неработающего сейчас вентилятора в дальнем конце зала. Точка дернулась несколько раз, и спряталась в ярком световом пятне, а Мириам вдруг почувствовала, как сгущается воздух. В помещении появился еще один цвет. Он усиливался, становясь все интенсивнее и плотнее, так что она удивилась, что этого не замечают остальные.

— «Когда это случится — урони стол, как тогда на площади. Пожалуйста.»

Арго прервал свою историю, и задумчиво потер металлический край челюсти. Потом еще более задумчиво посмотрел за стойку, на Марту, сидящую там в компании одного из наемников.

— Что, опять забыл? — Спросил наемник, сидящий поближе.

— Тебя бы так часто по голове били — ты бы имя свое не помнил. Ладно, расскажу-ка я вам о том, какие в Атланте девицы…

Красная точка прыгнула снова, переместившись на лицо ближайшего Ворона, и Арго дернул стол за ножки, разворачивая его так, чтобы прикрыть Мириам, падающую на пол вместе с детьми и парой стульев.

А затем входная дверь взорвалась.

Осколки градом ударили в стойку, дробя бутылки, и одновременно с жалобным звоном стекла зазвучали хлопки выстрелов. Ворон, сидящий за соседним столом опрокинулся на пол, а вентилятор вылетел со скрипом. Наемников расстреливали из-под лестницы, и из дымного облака, возникшего у входа, красный лазер, ставший видимым в дыму, плясал среди столов несколько секунд. Затем он погас, и хлопки прекратились. Кто-то, вошедший в двери, шумно шарил за стойкой, а знакомый голос из-за спины Мириам прокричал:

— Первый?

— Два. — Отозвались из-за стойки.

— Второй?

— Два. — Из облака дыма у входа.

— Всего шесть. — Ланье, одетый в черный гвардейский бронежилет, и потому непривычно маленький, выбрался из-под лестницы на второй этаж, по пути отшвырнув в сторону погнутый вентилятор.

— Все целы? — Спросил он.

— Тут да. — Сазала Мириам, и оттолкнула ногой стул, упавший на нее сверху. Рок

помог оттащить второй, и поднял Тони, который неожиданно засмеялся, обнимая планшет.

— Тут тоже. Вас, кажись, забрызгало… — Раздалось из-за стойки.

— Да чтоб тебя… — Беззлобно ответила Марта. — Душегубы…

— Прости за разгром, хозяйка. — Ланье склонился над телами двух Воронов, сидевших за соседним столиком. — Черт, вот хоть у одного бы спросить, зачем это все. А то оторвет барон мне башку, а я даже знать не буду, чего ради…

— Как ты узнал? — Спросила Мириам, ухватившись за руку, протянутую Арго. Большая ладонь оказалась теплой и неожиданно мягкой. Гладиатор поднял ее, словно она не весила вообще ничего, и осмотрел с головы до ног.

— Как узнал? — Переспросил Ланье. — Да вон же ее переговорник лежит. Она переключила его на нашу частоту, и оставила в эфире. Я слышал ваши разговоры. Все холодные?

— Да. — Ответил наемник из-за стойки. Человек Ланье, осматривающий тела у дверей, тоже отозвался, спустя пол секунды:

— Да, два мешка, два «резака», и еще чего по мелочи…

— И ты слышала? — Спросил Арго.

— Нет, просто… почувствовала.

— Учуяла нас? — Удивился Ланье. — Да мы, бывало, рейдеров теплыми брали…

— Би так и сказала, что ты специалист…

— И намек я понял, не тупой. Только что теперь делать? Эти парни — даже не гвардейцы. Это люди барона, а мы их…

— Ага. — Сказал Арго, и быстро пошел к выходу. — Быстро и чисто. Теперь нужно с самим бароном разобраться.

— Что?

— Ты точно не тупой? — Гладиатор пинком отшвырнул в сторону обломки стола, и вытащил из-под них свою громадную сумку. — Если он вернется в город, вы все покойники, не только девчонки. Я Саймона немного знаю — он парень жесткий, и ничего наполовину не делает. Если ему нужен второй прайм — то у кого-то серьезные проблемы. Только вот нужна она ему не против рейдеров.

— С чего ты взял?

— Иначе ему бы не пришлось ее заставлять. — Тихо сказала Мириам, и взяла переговорник Би со стола. — Он прав, нужно догнать их.

— Кого? Прайма на джете? — Ланье растерянно потер щеку со шрамом. Арго вытащил сумку в центр зала, подальше от трупов, развязал ремни и начал вытаскивать из нее что-то. Мириам не сразу поняла, что это за предметы.

На свет появилась броня из толстых металлических пластин, заигравших красным в лучах солнца, падающих из дыры, через которую в зал ворвался Ланье. За ней Арго достал узкий топор, или наоборот, широкий меч. Мириам не знала, как может называться это оружие, с длинным тяжелым лезвием на такой же длинной рукояти.

— Она не на джете. — Арго извлек из сумки еще одну броню, поменьше, и критически осмотрел ее. Мириам она показалась совсем миниатюрной по сравнению с первой, почти детской, с двойными выпуклыми пластинами на груди и спине. Она даже открыла рот, чтобы спросить, почему эта броня такая маленькая, но ее опередил Ланье.

— Сделал на заказ? — Спросил наемник. — Здесь не арена, Арго, а она не…

— Знаю. — Ответил гладиатор. — Только ни в чем больше от меня толку нет. Примерь.

— Что? — Удивилась Мириам.

— Это тебе. Женских на фабрике не было, и пришлось специально нанимать кузнеца, и кроить жилет. Сказали, должно подойти.

— Ты сделал ее… для меня?

— А для кого? В тебя стреляли, могли и попасть. Надень.

— Ты поэтому уходил с утра?

— Они не сразу поняли, что мне надо. На меч ушла ночь, а на броню — почти день.

— Хочешь сбить джет мечом? — Прервал его Ланье.

— Нет, но если пошевелимся, то можем застать их в городе. Прайм сказал, что они поедут на восток, и до этого нужно пополнить боезапас на ее машине.

— Это значит, что они заедут к нему, в машинный двор.

— Считай уже заехали. Нужно уходить отсюда, забирать всех…

— И ехать за ней. — Мириам сбросила куртку, и расстегивала ремни кобуры, которая явно не могла поместиться под броней. — Пока они не успели туда, куда едут. А вот это как застегивается? Все, поняла. Давайте собираться, Рок, Марта…

— Что, дочка?

— А у вас тут зеркала нет?

Подбежавший Рок подхватил кобуру вместе с ремнями. Мириам, поняв, что все еще держит переговорник Би в руках, нацепила его мальчику на шею.

— Только не кричи в него. — Сказала она. — А то видишь, что от этого бывает.

IV.

Кар Ланье вылетел из городских ворот, и несколько раз вильнул, объезжая бетонные блоки, установленные посреди дороги. Мириам, устроившуюся в кресле стрелка, несколько раз сильно бросило на край стрелкового люка. Ударов она почти не почувствовала — наплечники из пластика с металлическими пластинами оказались прочнее, чем выглядели. Но трясло все равно сильно, и она взялась за станину орудия, стоящего на крыше — большого, с широким гофрированным стволом и парными рукоятями сзади. Обмотанные серой пластиковой лентой, они чуть не ударили ее по лицу при очередном повороте, и тогда она ухватилась за них, словно за поручень.

Машина притормозила, словно приглашая Мириам осмотреться — в восточной части долины девушка никогда не была. С этой стороны холмы, покрытые неровными заплатами выгонов и яблоневых садов, раздавались в стороны, образуя нечто вроде седла, по которому проходил самый настоящий хайвей — чистая дорога из гладких бетонных плит, почти не покрытая песком. Миновав заграждение, кар резко прибавил скорость. Теплый ветер, пахнущий дымом, ударил в лицо Мириам, и загудел в открытых окошках броневика.

Для такой большой машины он ехал на удивление быстро. Тяжело бронированный, выглядящий неповоротливой коробкой, он в считанные минуты долетел до въезда в долину, даже не позволив посмотреть по сторонам — только мелькнули пересыхающие каналы и фермы. Из труб поднимался дым, там готовили ужин, возможно последний, перед тем, как навсегда покинуть свои дома.

Кар подбросило. Мириам, в очередной раз пребольно ударившись о рукоять орудия, пожалела, что не надела шлем. Плотный и неудобный, он наверняка защищал от подобного рода неприятностей. К сожалению, под него совершенно не помещались ее волосы, скрученные в хвостик, распускать который она почему-то не решилась.

Арго, сидящий внизу, у окошка, громко выругался после очередного прыжка. До

Мириам долетел только конец длинной фразы о чьих-то матерях и кишках, и хохот Ланье:

— Что, никогда по холмам не летали?

Мириам опустила голову ниже, чтобы лучше его слышать. Арго протянул ей переговорник — маленький, вроде того, что был у Би, с длинным усиком микрофона и дугой, позволяющей зацепить его за ухо.

— … наша обычная частота. Теперь вы в команде, поздравляю. — Голос Ланье раздался совсем рядом. Мириам закрепила устройство за ухом, и села удобнее, держась за рукоять пушки.

— Еще кто у кого в команде. — Прогудел Арго, видимо, тоже подключив переговорник. — Интересно, а он эти штуки не услышит?

— Специально — нет. Только если будет недалеко, и включит скан, у них небольшой радиус…

— Так скоро он будет рядом, не сомневайся…

— Мы разминулись с ее каром на десять минут, не больше. Но джета не видно и не слышно…

— Как так?

— Джет быстрее кара. Если они захотят атаковать, скажем, конвой, двигающийся километрах в тридцати к востоку, то ей понадобится чуть больше времени. А если там не только она, но и группа каров потяжелее, вроде тех, что мы помяли по дороге сюда…

— Думаешь, догоним?

— Запросто. А вот потом что делать?

Кар Ланье притормозил, преодолевая разлом в бетоне перед дорожным постом — двумя башенками, вроде той, что Мириам запомнила по западному посту, который они проезжали вместе с Би. Эти башенки выглядели новее, и с них в пустыню смотрели многоствольные орудия, похожие на те, что защищали ворота в город. Не менее десятка гвардейцев проводили взглядами кар Ланье, а один даже помахал рукой вслед.

— Что-то мы им даже нравимся, похоже…

— А ты еще не понял? — Хмыкнул Ланье. — Шериф ни о чем не знает, барон ему не сказал. У него свои люди для этого дела есть. Слышал раньше про Воронов, но не сталкивался.

— Теперь столкнулся. Доволен?

— Не могу понять — зачем ему все это? Он что, правда собирается грабить беженцев? Да что с них взять? Те, с которыми мы ехали, были беднее крыс, хотели жратвой рассчитаться…

— Тогда зачем ему Би? — Спросила Мириам.

— А у него людей маловато. Если это они тогда на наш конвой напали, то мы больше половины машин им сожгли. А караван впереди большой, ему одному сил не хватит, да и джет сажать на хайвее не удобно.

Ланье замолчал. Броневик миновал пост и начал набирать скорость. Мириам вдавило в сиденье, она прислонилась головой к рукоятям орудия, закрывая лицо от встречного ветра. Вдоль дороги снова начались поля, не такие ухоженные, как в долине, но гораздо больше. Сухая перепаханная земля блестела на солнце, покинутые дома стояли пустыми коробками — ни одного признака жизни на мили вокруг. Мириам взглянула направо и замерла, прижавшись виском к рукояти, обмотанной теплым пластиком.

Там, на горизонте, укутанном легкой послеполуденной дымкой, поднималась Атланта

— белое облако, пронизанное шпилями и сверкающими на солнце нитями. Над стеной, очерчивающей ее основание четким белым контуром, между белыми башнями, утопающими в тумане расстояния, двигались цветные огни — словно в стеклянных внутренностях крепости сновали разноцветные кары.

— Слева кладбище машин. — Голос Ланье заставил ее с трудом оторваться от созерцания города и повернуть голову, чтобы увидеть нагромождение ржавого металла, тянущееся вдоль дороги и уходящее дальше, в пустыню. Целые горы каров и других машин, непонятного назначения, уродливо сплющенных и исковерканных, неузнаваемые остовы без двигателей и колес, разобранные и брошенные. Кар Ланье замедлил ход, словно давая полюбоваться свалкой, в переговорнике зашуршало.

— Есть шум на коротких волнах. — Сказал Ланье. — Соблюдаем молчание, только слушаем. Включаю…

Мириам хотела было спросить, что за шум, и даже открыла рот, но в переговорнике щелкнуло.

— … десять дней. — Произнес голос барона, так отчетливо, словно сам он стоял в двух шагах. — …и ночей на холме, среди развалин, таких старых, что бетон успел искрошиться и стать песком. Рейдеры кидались волнами, укреплений не было, только куски бетона, и горы трупов — все выше и выше. Вонь была невыносимой, из пустыни налетели стаи воронов, кружа вокруг холма, и не было боеприпасов, чтобы их отогнать. Рейдеры стали лагерем, на входе в долину, и жгли костры, ожидая, пока мы сдохнем от голода и нехватки воды, но на десятую ночь мы пришли к ним сами…

— Хочешь произвести впечатление? — Прервал его голос Би. — Ты выбрал не лучший способ.

— Знаю, но кто еще оценит эту историю?

— Больше никто. Я собираюсь тебя убить.

— Сожалею.

— Тебе нечем заняться, кроме как развлекать меня?

— Десять минут до контакта, и я могу быть у вас через тридцать секунд. Еще здесь отличный вид на обломки старинного самолета, знаешь, из старых винтовых… Мне минимум десять минут придется им любоваться.

— Десять? Я слышу группу машин, это конвой беженцев. Что тебе нужно от них, Саймон? Их жизни?

— Нет. Мне нужны двадцать детей, от пяти до двенадцати лет, без физических повреждений.

В переговорнике что-то скрипнуло, как если бы Би прикусила дыхательный клапан.

— Детей… — Сказала она после паузы. — Ты хочешь, чтобы я остановила конвой, и отобрала их? А тех, кто не подчинится…

— Ты сможешь. — Ответил барон. — Мечи Короля не знают ни жалости, ни сострадания, разве нет?

— Дети нужны рейдерам, теперь и тебе. Зачем?

— Рейдеры обменивают их на вооружение и технику, но я не знаю, у кого, и зачем. Единственный способ выяснить — это предложить им сделку, и проследить.

— Сукин сын…

— Я выполнил первую часть сделки три дня назад, но Ланье спутал мне все планы, отбив атаку Воронов на конвой. Сегодня — наш последний шанс узнать, кто стоит за Рукой,

направляет ее на самом деле.

— И ты готов поступать так же, как они — чтобы обмануть их?

— Да. Сорок тысяч жизней, Ребекка — против нескольких десятков. Простая логика.

— Нет. Будь ты человеком, не решил бы так!

— Мы чудовища, Ребекка, хочешь ты этого или нет. Все, кто остался в городе, считают так. Даже твои друзья, которые могут умереть из-за тебя!

— Ты вообще не собирался защищать город, верно? Это и есть твой план?

— Нападение — лучшая защита, сама знаешь. Я хочу ударить их в самое уязвимое место. Пути назад уже нет.

— А что, если я поступлю, как ты? Сколько твоих Воронов я успею сжечь, прежде чем ты прилетишь сюда? Трех, пятерых, всех?

— Ты этого не сделаешь. Гладиатор не в счет, но двое детей, и девушка — они что-то значат для тебя…

— А ты понимаешь, что не оставил мне выбора, Саймон? А если чудовищу не оставить выбора, оно может начать вести себя непредсказуемо — например детонировать водородный реактор кара, убив себя, и всех, кто его сопровождает…

— Вот дьявол. — Прошептал барон. Впереди, слева от дороги, за завалами из искалеченных временем машин, полыхнуло длинное пламя, выбросив в вечернее небо стремительный хищный силуэт.

— Он взлетел, Би! — Закричала Мириам, позабыв обо всем. — Он летит к тебе!

— Ты здесь? — Спросила Би после паузы. — Вы все…

— Ланье нас освободил, мы рядом!

— Тогда прячьтесь, ему будет трудно увидеть вас среди всего этого железа. Спасибо за ракеты, Саймон!

Впереди на дороге снова полыхнуло, несколько раз, уже не так ярко. Переговорник заполнился шумом, похожим на гудение воды под напором.

— Попросил же молчать! — Пробилось через шум ворчание Ланье. — Теперь она их сожжет. Только вот джет…

Словно отвечая на его слова, над разгорающимися в отдалении огнями ударил гром.

— Вот теперь держитесь. — Сказал Ланье, и Арго расхохотался.

Огни приблизились, и броневик ушел к обочине, обходя горящие обломки каров — одного, второго. Еще один Мириам разглядела справа, среди низких холмов, столб дыма указывал на него, словно черный палец.

— Она таки перестреляла Воронов. Держись! — Кар резко свернул с хайвея налево. Мириам ухватилась за края люка, стараясь не упасть, и сверху снова громыхнуло. Длинная белая полоса пронеслась над ними, упала за завалы, громоздящиеся впереди — и долю секунды спустя там ударил фонтан из мусора и обломков, похожий на черное дерево, выросшее, отцветшее, начавшее осыпаться быстрее, чем Мириам успела моргнуть. Ланье выругался, а по броне застучали обломки — мелкие частички железа и мусора, возвращающиеся на землю.

— Где она? — спросила Мириам, но в стуке обломков не услышала сама себя.

— Впереди, среди железок. Он видит ее по тепловому рисунку, но ему трудно прицелиться…

Еще одна белая полоса вытянулась откуда-то слева, со стороны заходящего солнца, далеко впереди. Кар Ланье вырулил между остовами древних машин, каждый размером с

дом, и притормозил у края длинной песчаной котловины. Внизу, подброшенный неяркой белой вспышкой, взметнулся вверх громадный песчаный куст очередного взрыва.

— И это все? — Произнес голос Би в переговорнике. — Ты давно не сталкивался с равным тебе, это видно. Может, мне остановиться и подождать, пока ты сделаешь еще пару заходов?

— Возможно, это лучший выход. — Ответил барон спокойно. — Тебе некуда бежать, и здесь ты не спрячешься. Почему бы нам не закончить все сразу?

— Давай попробуем. — Сказала Би, и Мириам вдруг увидела ее. Знакомый плоский кар вылетел из-за завала в дальней части котловины, и помчался прямо посередине, обходя воронку от последнего взрыва.

— Дьявол! — Выругался Ланье. — Это совсем не хорошая…

Стреловидный силуэт пронесся прямо над их каром, так низко, что Мириам успела рассмотреть шасси, похожие на подобранные птичьи лапы. Потом джет плюнул огнем, и песок вместе с каром Би поднялся, вздуваясь черным куполом. Кар пропал из вида мгновенно, тень джета мелькнула в котловине — и на его пути, из нагромождения обломков, ударил тонкий фиолетовый луч, светящаяся нить, почти не заметная на фоне неба.

Джет наткнулся на нее, как птица на проволоку. Нить рассекла его пополам, на два стремительно удаляющихся огненных шара — и вдалеке, в месте их падения, за завалами, вдруг словно взошло второе солнце.

Ударная волна прошла по котловине две секунды спустя, собрав мелкие обломки и песок в отчетливо видимую стену, накрывшую кар Ланье через мгновение после того, как Мириам нырнула вниз, под прикрытие люка. Пыль заполнила машину. Ланье кричал, но Мириам не слышала ничего, несмотря на переговорник. В ушах висела шипящая тишина, и песок сыпался на кар, падая в люк тонкими струйками, словно возомнив себя обычным дождем.

— Она ненормальная! — Голос Ланье пробился сквозь тишину, а вместе с ним — гудение двигателя и смех Арго. — Ты это видел? Порезала джет стационарным лазером… вручную. Да это даже на байку не тянет, не поверит никто…

Кар тряхнуло, и Ланье замолчал, следя за дорогой, вернее за тем, что заменяло ее в котловине. Тяжелый кар покачивался, а сверху продолжал сыпаться песок и мелкий мусор. Мириам сползла с сиденья стрелка вниз, в салон, большую часть которого занимал Арго, едва помещаясь на скамье — машина, даже боевая, не была рассчитана на таких больших людей. Через бойницу — горизонтальную щель, заменявшую окно в салоне, Мириам рассмотрела черный кратер, рядом с которым, в горе песка, торчал перевернутый кар Би.

— Ее не было там, да?

— Конечно. Смотри. — Ланье указал в сторону, на блеклый экран рядом с водительским сиденьем. Взглянув туда, Мириам не сразу, но увидела маленькую фигурку, тяжело бредущую по песку, и тянущую за собой длинную ребристую трубу излучателя.

— Оставался один заряд. — Голос Би в переговорнике прозвучал устало. — Он мог бы пригодиться нам завтра, а так…

— Ты сама понимаешь, что сделала? — Спросил Ланье.

— То, что было нужно. — Ответила Би. — Не нравится — отвернись. Или убеги, ты умеешь…

— А иди на хрен, прайм! — Ответил наемник. — Я тебе ничего не должен! Захочу — и останусь.

— Тогда помоги перевернуть обратно мой кар, пока его не занесло песком.

Они остановились возле кратера, и Мириам снова забралась наверх. Пыль оседала. Лучи солнца, садящегося за грудами искореженных машин, едва пробивались в котлован, и заставляли дымный гриб, медленно тающий в отдалении, светиться нежным, бледно-розовым цветом.

— Что же будет… теперь? — Спросила она, и вспомнила, что сейчас ее могут слышать все.

— Саймон… он был надеждой. — Медленно ответила Би. — И теперь, когда надежда умерла, все становится значительно проще.

Интермедия IV.

Ихан отложил потрепанную пластиковую книгу и снял очки. Старинная лампа с красным пластиковым абажуром, висящая на распорке шатра над его кушеткой, создавала узкий круг света. За его пределами, по вечерам, сгущались непроницаемые тени, а вещи — стойка с оружием, низкий шкаф из полированного дерева, мягкие стулья — знакомые по долгому походу, собранные в десятках мест, приобретали угрожающие формы.

Движение за пологом шатра, привлекшее его внимание, повторилось.

— Входи. — Сказал Ихан. — Хватит песок месить.

Полог зашуршал. Мальчишка-Тигр, из недавно отобранных, остановился у края светового круга, не решаясь приблизиться.

— Ну? — Спросил Ихан.

— Брухо сказал, что не придет.

— Ты его видел?

Мальчишка неопределенно качнул головой. Блеснули зеленые глаза и свежий розовый шрам на щеке.

— Я спрашиваю, ты его видел?!

— Нет. — Тигренок опустился на колени, предвосхищая приказ Ихана. — Видел вход в шатер, много дыма. Волки говорят, что он опять курит.

— Курит… — Ихан протянул руку, дотронувшись до щеки со шрамом. Мальчишка дернулся было, но сдержался, глядя вниз, на узор ковра в освещенном круге. — Я сказал тебе поговорить с ним.

— Но Волки…

— Кого ты больше боишься, Волков — или меня?

— Тебя, Ихан.

— Вот и хорошо. Пойди, позвони в колокол, что у большого костра, три раза.

— Да, Ихан.

— Не выполнишь мой приказ еще раз — выну глаз.

— Да, Ихан.

Шаги мальчишки прошуршали по песку и затихли за пологом. Ихан убрал очки в потрепанный деревянный футляр на поясе, рядом с таким же потертым игольником, и встал.

Снаружи доносился смех и запах дыма от ближайшего костра. Ихан набросил старую кожаную куртку с нашитыми на нее пластинками металла, и сунул книгу в карман, рядом с маленьким устройством для чтения цифровых модулей.

Тигры, охранявшие шатер, вскочили при его появлении, но он усадил их на место небрежным жестом. Вдалеке три раза ударил колокол, и лагерь, лежащий вокруг в сумерках, отозвался свистками. Ихан улыбнулся сам себе, и не торопясь пошел к большому костру,

вдоль шатров своих людей, разбросанных по холмам в кажущемся беспорядке. Его свита пришла в движение без дополнительных приказов. С десяток тигрят и Тигров постарше следовали за ним в отдалении, стараясь держаться позади, между шатров, или прячась в глубоких тенях подальше от костровых ям.

Свистки прокатились по лагерю, и с севера, вместе с порывом ветра, донесся протяжный вой — отозвались посты Волков, заставив Ихана поморщиться.

Вокруг, у шатров, отдыхали пятнадцать сотен его бойцов — готовили ужин, чинили оружие, переговаривались, смеялись. Оглядываясь на огни, разбросанные по соседним холмам, Ихан чувствовал что-то похожее на гордость. Это заставляло почти забыть о глупых Волках и вполне достойном их вожаке.

Колокол у большого костра давно отзвучал, и, обойдя его, Ихан обнаружил, что пришел к центру лагеря не первым. За костром, удобно устроившись на свернутых плащах, играли в кости три девушки — похожие друг на друга, худощавые, жилистые, с одинаково собранными длинными волосами, переплетенными с проволокой. Одна из них, темнокожая, искоса взглянула на Ихана и потянулась, так что змеи, нарисованные на ее обнаженных плечах и руках, пришли в движение.

— Феникс. — Сказал Ихан.

— Ихан. — Ответила темнокожая. — Играешь?

— Не интересно.

— А твои мальчики?

— И они не играют.

— Нам одного не хватает…

— Нет.

— И ладно… — Феникс прошептала что-то на ухо девушке, сидящей рядом, та рассмеялась. Пара Тигров подтащила высокое деревянное кресло, и Ихан уселся в него, недалеко от огня и играющей троицы.

— Обижаешься. — Снова заговорила Феникс. — Так скажи прямо, Ихан?

— Нет.

— А будь я пацаном — сказал бы, а?

Ихан продолжал смотреть в огонь.

— Одним из твоих пацанов? Сказал бы, еще и личико порезал, как ты любишь. — Феникс погладила одну из своих компаньонок по татуированному плечу, коснулась ремней, удерживающих пару длинных ножей у нее за спиной. — А так злобу затаил. Зачем?

— Не время ссориться. — Ответил Ихан.

— Так и молчать не время. Ну зацепились мои с твоими на привале, ну завелись слегка, попортили пару ребятишек… давай все решим, а, Ихан?

— Еще сочтемся…

— Сложный ты, Ихан. — Феникс подняла стаканчик с костями, и принялась трясти его. — С обычным мужиком, вроде Хайда, я бы проще договорилась. Позвала к себе, вина выпили, подружки мои его бы согрели. Да и с Брухо разошлись легко — подарила бы ему лампу, для курения, что я недавно выменяла, и были бы в расчете. А ты… ни ласка моя тебе не интересна, ни барахло. Может, крови за кровь хочешь?

Стаканчик ударился о плащ. Вторая компаньонка Феникс подобрала под себя ногу, повернувшись к нему вполоборота, и едва заметно повела плечом, проверяя висящий за спиной обрез.

Стараясь не делать резких движений, Ихан сунул руку в карман куртки и достал книгу.

— Знаешь, что это?

Змея, сидевшая поближе, потянулась было к книге, но Феникс шлепнула ее по пальцам.

— Да. Слушали же, как ты читал.

— Мне крови Змей не нужно. Знаешь, что мне подарить.

Феникс широко улыбнулась.

— Ну, мне от них толку нет. Найдем еще — все тебе отдам.

— Договорились…

— И куда нам столько сказок?

— Попадется любовный роман — сами оцените…

Феникс громко рассмеялась, и хлопнула сидящую рядом девушку по спине.

— Слышали, любовный… Я лучше тебе кроме них еще пару парней повреднее подарю — будет тебе любовный довесок!

Змеи засмеялись, и Ихан счел возможным улыбнуться в ответ.

— Отказываться не буду…

— От чего? — Спросил низкий бас. Еще один человек вышел к костру — коренастый, с совершенно круглой лысой головой, одетый в тяжелую боевую броню и плащ, явно скрывающий оружие. — Что вы тут без меня делите?

— Удовольствия делим, Хайд. — Ответила Феникс.

— Дождешься их от тебя, как же. Только обещать умеешь. — На плоском лице Хайда не проступило и тени улыбки. Он присел на корточки у огня так, чтобы видеть одновременно и Феникс, и Ихана.

— Что у тебя? — Спросил он без малейшей паузы. — Мои рейды еще не все вернулись…

— Есть новости. — Ответил Ихан.

— В это время? Откуда?

— Ящерица на хвосте принесла…

Хайд кивнул.

— Знаю я твоих ящериц, как же. Особенно одну, которая твоим же Тиграм руки ломает… Наслышан.

— А я слышала. — Сказала Феникс. — Что эта ящерица и Паукам подарки носит. Только мне ничего ни разу не принесла — не нравлюсь я ей…

— И что за новость, Ихан?

— Соглашения с Ястребом не будет.

— Ааа… — Протянул Хайд. — Что, покрутил он носом, и решил в гнезде отсидеться? А нам-то что, за три дня коробки подтянем, и сотрем его городишко к…

— Ты не дослушал, Хайд. Ястреб мертв.

— Ай ты! — Воскликнула Феникс. — Столько про него шуршали, и на тебе. Даже не полюбовалась!

— Как? — Спросил Хайд.

— Видели вспышку к востоку, час назад?

— Да. — Ответил Хайд. — На правду похоже. А кто?

— Еще не знаю. У тебя самого Пауков по городу насажено — узнай.

— Передохли его Пауки. — Сказала Феникс, снова поднимая стаканчик с костями. — Может, один остался…

— Плохо. — Проворчал Ихан. — Завтра они бы нам пригодились.

— Все-таки завтра? — Феникс рассматривала кости на одеяле, как если бы они содержали в себе предсказание будущего.

— Тигр прав. — Сказал Хайд. — Нечего ждать, если Ястреба нет.

— Вот и сошлись. — Ихан щелкнул пальцами. — Самрил, приведи очкарика.

За его креслом шевельнулась и пропала бесшумная тень.

— А где Брухо? — Спросил Хайд. — Не ворчит, не воет… Может, он колокола не слышал?

— Он сейчас и грома небесного не услышит. — Ответила Феникс. — Ихан к нему два раза мальчишку посылал, заранее, все равно не помогло.

— Все знаешь. — Буркнул Хайд. — А зачем к костру с подружками пришла? Что, ушей здесь мало?

— Они у меня молчаливые. — Феникс передала стаканчик компаньонке с обрезом. — Ничего не скажут, даже если резать будешь. Вон у Ихана тоже такие пареньки есть — в лоскуты за него разобьются, ни слова не вытянешь. Да и не одни мы здесь — у тебя вокруг человек десять с ружьями да стекляшками, а у Ихана — два десятка Тигров…

— А у тебя десяток Змей, кроме этих. — Прогудел Хайд. — Хотя ладно, один мой Паук двух твоих Змей стоит.

— Так что ты к себе в койку своих Пауков не берешь? — Парировала Феникс. — Хоть двух, хоть десятерых…

— Я бы больше думал за Брухо. — Заметил Ихан. — Чтобы завтра он лишнего не сделал…

— Пойдет куда скажем. — Ответил Хайд. — Волков хоть и много, но машины все у меня с тобой. Поворчит себе и пойдет. А что за очкарик?

— А ты сам смотри. — Пара Тигров подтащила к костру человека со связанными руками, одетого в одни бриджи, и бросила к огню, рядом со Змеями. Он тяжело заворочался, упав лицом в песок. Одна из девушек Феникс вскочила, вопросительно взглянула на нее, и рывком перевернула его, поставив на колени.

— Оденьте ему очки. — Сказал Ихан. — Он хотел нас увидеть.

Молодой рейдер с рукой, зафиксированной при помощи металлической шины, снова возник у огня. Компаньонка Феникс взяла у него очки, и аккуратно пристроила на нос пленника. Тот близоруко заморгал. За исключением трещин на очках, нескольких синяков на лице и теле, никаких видимых повреждений у него не было.

— Я Ихан из Тигров. — Представился Ихан, выпрямляясь на стуле. — Это Хайд из Пауков, и Феникс из Змей. Чтобы ты знал, кто с тобой говорит.

— Я Джеффри Квин из торгового дома Картеля. — Ответил пленник, тоже пытаясь выпрямиться. — Глава дома, Иосиф Картель, послал меня, чтобы…

— Заткнись. Что у торгашей на уме я и без тебя знаю — много ихних потрохов повидал. Зачем тебя послали, мне без разницы. Ты здесь для того, чтобы выслушать нас, и все запомнить. Ясно?

— Да.

— Не слышу.

— Да!

— Посмотри вокруг.

Джеффри повернулся, насколько позволяли связанные руки, разглядывая шатры вокруг

костра.

— Самрил проведет тебя по лагерю, а потом отвезет в долину. Я хочу, чтобы ты рассказал все, что увидел, в городе — кто там у них главный…

— Уже шериф. — Сказал Хайд.

— Вы хотели сказать барон?

— Скажешь, мы знаем, что барон мертв. Завтра мы придем к стенам. У нас восемьдесят сотен бойцов, и все они завтра будут в долине. Если по нам выстрелят хоть раз, мы убьем всех в городе — мужчин, женщин, детей. Если не выстрелят и откроют ворота — мы просто возьмем все, что захотим, и уйдем.

— Мы много захотим. — Сказала Феникс. — Но резать овец будет скучно…

— Скажешь шерифу, что все очень просто. — Продолжил Ихан. — Если он хочет, чтобы всех убили — пусть прикажет стрелять. Ты понял?

— Да.

— Все запомнил?

— Да.

— Самрил!

— Погоди. — Сказала Феникс, глядя, как Тигры поднимают Джеффри. — Я тоже хочу передать кое-что, от Змей. Только не словами — Ихан хорошо сказал…

— Давай…

— Ликс, отрежь ему ухо.

Девушка с ножами за спиной встала, мягко обходя Тигров, держащих пленника. Дернула его за волосы, запрокидывая голову назад. Блеснул клинок, и Джеффри закричал.

— Да ты не плачь. — Сказала Феникс, когда на песок перед ней упал кусок кровоточащей плоти. — Лучше сейчас ушко, чем завтра всю голову…

— Забери его, Самрил. — Скомандовал Ихан. — Перевяжите ему башку, чтобы мог видеть, и езжайте, пока Феникс не разобрала его на части.

— Посланник по частям? — Улыбнулась Феникс. — Очень простое послание получается, не то, что твое.

Ихан достал из футляра очки, и вынырнувший из-за его спины Тигр поднял над креслом электрический фонарь.

— Хорошо, когда враг сомневается. — Сказал Ихан, доставая книгу, и медленно листая страницы. — Хорошо, когда думает, что сможет убежать. Или что драться ему не нужно.

— Скучно. — Сказала Феникс. — Это скучный враг.

— Нет. — Ответил Хайд. — Это слабый враг, как раз такой, как нужно. Пускай думают, открывать ворота или нет, пускай спорят и ссорятся, пока мы подтянем машины, и развалим ворота, и стены в труху…

— Пускай. — Ответила Феникс, потянулась, подняла ухо Джеффри и швырнула его в огонь. — Почитаешь нам книжку, Ихан?

— Конечно. На чем мы в прошлый раз остановились?

Глава IV

Интермедия I.

Предсказатель смотрел на небрежно вскрытого ангела.

Белая керамическая плоть лоснилась в холодном свете точечных ламп, превращавших боевой ангар в огромный операционный зал. Механический кран фиксировал оружейные консоли, а разноцветные внутренности, вывернутые и открытые мертвому свету, сплетались с кабелями электронной диагностики, растянутыми между далекими инженерными мониторами и прямоугольными гнездами питания в глубоких выемках пластикового пола.

Предсказатель прищурился, рассматривая левый набедренник ангела. На его гладкой, аэродинамически выверенной поверхности ему почудилось что-то постороннее, лишнее…

Хлопки аплодисментов, прозвучавшие в стерильном, напоенном электричеством воздухе как серия статических разрядов, заставила его обернуться.

Две фигуры, одетые в компенсационные комбинезоны пилотов, двигались по кругу на огромном квадратном мате, брошенном на пол возле стоек с неактивными штурмовыми доспехами.

Перчатки с открытыми пальцами — у одного красные, у другого синие. Наклоненные головы, небрежные движения. Еще пятеро десантников, усевшихся рядом на мат, следили за поединком.

Почти против воли Предсказатель вгляделся в бойцов, анализируя вероятности: Рихарт Ким, уни-кэмпо, девяносто килограмм против Роберта Альмейде, восемьдесят шесть. Схожая подготовка, Альмейде быстрее, отличный борец, у Кима сильный удар справа, но он не использует его в дружеском поединке, постаравшись просто засыпать Альмейде ударами, уходя на дистанцию. В этом случае он проиграет, скорее всего — в партере, когда Альмейде, выйдя ему в ноги, бросит его…

Предсказатель отвернулся, снова вглядываясь в пятно, замеченное на набедреннике штурмового доспеха. Ржавый потек неровной формы — чтобы рассмотреть его, пришлось переступить через кабели, вплотную приблизившись к раскрытому чреву ангела. Точечные лампы делали пятно почти черным, но Предсказатель ни на секунду не усомнился в том, что это.

Кровь.

Скорее всего человеческая. Кровь одного из безымянных бесцветных маркеров на карте вычислений. Случайно раздавленной букашки, не оставившей следа ни в одной из формул — и никакой памяти о своем существовании.

Десантники снова захлопали и Предсказатель обернулся, как раз для того, чтобы увидеть, как Альмейде помогает Киму подняться. Они обнялись, и Альмейде, заметив взгляд Предсказателя, помахал ему черным армейским полотенцем.

Присев на решетчатую станину крана, удерживающего ангела на весу, Предсказатель смотрел, как десантник идет к нему — мокрый, улыбающийся, со свежим кровоподтеком на скуле.

— Привет, Клод. — Сказал Альмейде, все еще прерывисто дыша, и глотая окончания слов. — А сам что, не хочешь размяться? Я слышал, ты на курсе был не дурак подраться.

— Хочешь ударить меня по голове? — Спокойно спросил Предсказатель.

— А, ну да. — Пожал плечами десантник. — Что-то я и не подумал. А что ты вообще тут…

— Его сердце остановилось шесть часов назад. — Сказал Клод. — Это в очень большом приближении. Мои методики тут не очень подходят — это все равно, что следить за отдельным микробом через микроскоп…

— Вот как. — Десантник присел рядом на станину, его улыбка погасла. — Но ты… уверен?

— Вероятность очень высока, даже несмотря на то, что он отключил чип слежения в своем компьютере. Твоего брата застрелили в Хоксе, и мои ощущения это только подтверждают.

— Застрелили?

— Да.

— Кто? — Альмейде уперся взглядом в пол, словно пытаясь рассмотреть Землю сквозь пластик, технические туннели и метры многослойной обшивки.

— Не знаю, там очень много маркеров, на этом пятачке. Не могу ничего утверждать. Но он бы в любом случае умер в течении недели, даже если бы тебе разрешили забрать его.

— Дурак, мальчишка! Ты все знаешь, Клод — какого хрена он вообще это сделал? Что он там забыл?!

— Я знаю не все. Анализ его характера не входил в мои приоритеты…

— Хватит тебе! Я же знаю, ты можешь говорить по-человечески!

— Да, извини. — Предсказатель виновато улыбнулся. — Мне очень жаль, что с твоим братом так получилось. Младшие предсказатели вообще эмоционально нестабильны, особенно в его возрасте. Но украсть спускаемый модуль, прекрасно зная, что уровень радиоактивности на поверхности в десятки раз превышает…

— У меня бы спросил… хотя мы и не разговаривали почти. Брат, генный материал общий — это вообще нормально, что мы такие разные?

— Да, конечно. Согласно моей карте, у меня трое родственников — две сестры, и брат в Москве. — Сказал Клод. — И я никого из них не знаю. Это просто гены… и слова из того времени, когда ими обозначали действительно близких людей.

— Вот и я о том… Выходит, мы и знакомы с ним толком не были. А он ни записки не оставил, ничего. Возвращаюсь, а мне говорят — привет, а Джино твой там, вниз спрыгнул. Ваш старший, этот, у которого лица нет, вообще назвал это самоубийством. Дескать, они самоубийства особо не расследуют, мало ли что может у предсказателя в голове случиться… замкнуло и все. Теперь и меня проверять будут, нет ли в карте пятен. Не нужно ли нашу фамилию из генного фонда выкинуть… Просто так, на всякий случай, чтобы сильно вниз не прыгали. Хотя, если выкинут — то переживу, не гордый…

— Главное, чтобы девушки любили…

— А то. Одного не могу понять — если он вниз так хотел, что же он в десант не пошел, а?

— Может, не хотел убивать?

— Кого?

— На твоем «Серафе» кровь, ты знаешь?

— Плохо почистили?

— Чья?

— Мало ли, было несколько моментов. Хорошо, что мы этим обезьянам настоящего оружия не даем.

— Проблема в том, что это не обезьяны, а люди.

— Люди? Хорошо ты не видел, что там эти «люди» друг с другом вытворяют.

— А что мы делаем с ними? Об этом ты задумывался? — Клод в упор посмотрел на Альмейде, но тот не поднял глаз, по-прежнему буравя взглядом пол. — Хотя зачем тебе… Думаю, Джино пошел вниз, чтобы помочь им.

— Мы им помогаем…

— Не так, как мы! Пошел, чтобы рассказать, или научить… только поторопился. Если бы замедлители радиационного поражения не сработали, он бы умер в первые шесть дней. А так протянул почти два месяца… триумф биохимии.

— Пойду я. — Мрачно сказал Альмейде. — А то тебя можно и до карцера дослушаться.

— А ты знаешь, что там, внизу, слова «брат», «отец», «мать» все еще что-то значат? Больше, чем просто отметки в документах или фамилии, данные при выходе из родильного бокса?

— Уже и так болтают, что ты слегка не в себе, с тех пор, как перебрался к нам, на низкую орбиту. Ты бы не перегибал палку.

— Думаешь, за разговор со мной тебя могут арестовать? — Клод улыбнулся. — Наверное, мне стоит чаще бывать здесь, в ангарах, и больше слушать.

— Вот-вот. — Десантник встал. — Приходи, сегодня в блоке «Д» вечеринка будет, курсантки со старших курсов. Загляни, чтобы не думали, что ты приведение из вакуума.

— Приду. Слушай, давно хотел спросить…

— Давай.

— Вы же довольно долго были внизу, не меньше недели каждый?

— Так и есть.

— И ты не раз бывал на поверхности, там, в районе старой Атланты.

— Не в ней самой, а рядом, ты знаешь…

— Да, объект четыре. Там, на поверхности, у тебя никогда не возникало ощущения, что с тобой хотят заговорить, и не могут?

— В смысле, радио? Так мы и говорили…

— Нет, такого ощущения, вроде…. — Предсказатель щелкнул пальцами, пытаясь подобрать слова. — Как если бы кто-то кричал тебе, находясь за стеклом? И ты знал, что тебе кричат, но звуков не слышал?

Десантник настороженно глянул на него и покачал головой.

— Бред. И я тебе так скажу — если бы кто из ребят такое почувствовал, да еще и признался в этом — заработал бы красную отметку в деле до конца жизни. Так что не задавай таких вопросов. Приходи на вечеринку, переключишься, я же знаю, у вас там, в паутине, напряжение не меньше нашего…

— Да. — Легко согласился Клод. — Тогда до вечера.

— А ты?

— Еще тут посижу, мне подумать нужно.

Шаги десантника быстро затихли, утонув в мягком пластике и потерявшись в перекличке техников, занимающих места у диагностических мониторов. Перерыв в работе заканчивался, и краны, удерживающие штурмовые доспехи, пришли в движение, перемещая их в консервационные боксы.

Клод замер, вслушиваясь в лязг механизмов и шипение гидравлики, боясь спугнуть нечто, медленно складывающееся на границе его сознания.

Пророчество.

Смерть Джино и разговор с его братом привели маркеры в движение. Не только видимые на поверхности, но и другие, которые Клод недавно научился различать вокруг, на орбите. События внизу отражали события наверху, сплетаясь в вертикальную сеть последствий, размеры которой даже Предсказатель боялся себе представить.

Но пророчество рождалось само по себе, и сделать с этим он уже ничего не мог.

— Не чувствуешь? — Беззвучно прошептал Клод, прежде, чем видение будущего вспыхнуло в его сознании, подобно термоядерной бомбе. — А почему же тогда чувствую я?

I.

Черные листья медленно распускались в горячей воде.

Мириам обхватила прозрачный стакан ладонями, осторожно, чтобы не обжечься. Такой чай она видела впервые. Тот, что продавали на фермы, измельчался мелко, почти в труху, и обладал терпким, горьким вкусом. Она знала, что его привозят с юга, из-за края пустыни, где он растет в изобилии.

Откуда мог взяться другой чай, с большими, черными листьями и резким запахом, она не знала.

Наверное, об этом можно было спросить у Би, или Арго. Гладиатор отказался от чая, предложенного шерифом, и рассматривал карту города, висящую на стене. В его присутствии кабинет шерифа казался куда меньше, чем на самом деле. С наступлением темноты зажглась всего пара ламп, и большая часть зала — оружейные шкафы, большой стол, стулья за ним — терялись в темноте и выступали смутными очертаниями.

— …вот такой расклад. — Сказал Ланье, сидящий на железном шкафчике, у карты, и отхлебнул из своего стакана. — А потом мы поехали обратно в город, с караваном. Ну а дальше вы знаете.

— Вот хрень! — Шериф стукнул кулаком по столу, заставив стеклянный чайник подпрыгнуть. — Да чтобы Саймон… Черт, что мне с вами теперь делать, а?

— Это я виноват. — Сказал доктор, чьего имени Мириам так и не запомнила, до сих пор тихо сидевший в углу. — Он приходил ко мне, за советом. Мне следовало догадаться, отговорить его.

— Барон сделал то, что считал нужным. — Заметила Би, присевшая у окна. — И я тоже Разговоры бы тут не помогли.

— А теперь что делать? — Привстал шериф. — Без него? Даже если я сейчас подниму всех, и скажу грузиться на кары, они начнут выезжать только часа через три, и войдет туда хорошо если треть народу…

— Бесполезно. — Ответила Би, и встала. — Представьте, что они смогут выехать с рассветом. У нас четыреста машин, а у Руки лагерь, в двадцати минутах езды от долины. Конвой растянется на хайвее, их обгонят, сожгут передние машины, и весь караван встанет. Мы будем вынуждены обороняться и ждать, пока они будут рвать нас на части.

— Так и есть. — Согласился Ланье. — на хайвее у нас ни шанса, шериф.

— А здесь он у нас есть? Бреши в стенах толком заделаны только с восточной стороны, во рву нет воды, разве что мы взорвем дамбы, но что дальше? Джета нет, автопушки на электронике, а переделать мы не успеем…

— Так и будет. — Сказала Би. — Я знаю, что другого выхода просто нет. Когда-то эти

холмы так и обороняли, отступая на вершины, под защиту развалин. Мы не удержим долину, поэтому вашим людям лучше начинать демонтировать орудия на въездах и собирать людей. Утром всех придется впустить в город.

— Начнется хаос…

— Будем стрелять поверх голов, а если придется — не только…

— Я расставлю людей вот здесь. — Ланье повернулся к карте, проводя пальцем по очертаниям Верхнего города и неровного прямоугольника магистрата. — Главное удержать ключевые точки на вершинах холмов. Я уже смотрел на стены — они долго не простоят, если у рейдеров есть тяжелое оружие. Думаю, они подтянут машины с минометами вот сюда, и сюда, рядом со рвом, вдоль дороги. Нам придется взорвать ворота, чтобы ограничить дальность их артиллерии — тогда машины не смогут пройти дальше через завалы.

— Разумно. — Сказала Би. — у них есть ракетометы, и фугасы, так что мы их просто опередим.

— Вот хрень! — Снова выругался шериф. — Вы вообще понимаете, что убили барона этого города? Да я вас по порядку следуя, перестрелять должен…

— Ну так давай. — Подал голос Арго, прислонившийся к стене рядом с картой города. — У тебя наверное опытных бойцов много… и праймов.

Мириам, удобно устроившейся на кушетке со своим стаканом, стало немного не по себе. От тона шерифа, полумрака в комнате, и этого разговора, в котором при помощи совсем, казалось бы, нестрашных слов решалось что-то страшное и совсем-совсем скорое.

— Пусть говорят, Мигель. — Сказал доктор. — Хуже уже не будет. Завтра… сегодня нам предстоит страшный день.

— Док, да ты…

— Саймон был моим другом! — Доктор вскочил, расплескав чай. — Он умер за этот город, и лучшее, что мы сейчас можем сделать — это защищать то, что он не смог!

— Ладно. — Мрачно сказал шериф. — После об этом. Что вы там говорили про ворота?

— Утром мы взорвем дамбы, чтобы заполнить ров. До этого нужно будет загнать всех беженцев, что стоят под стенами, внутрь, если понадобится — силой. — Би взяла стакан обеими руками, словно рассматривая среди чайных листьев ближайшее будущее. — Потом мы взорвем ворота, и дома, сразу за ними. Это нужно сделать не раньше, чем их передовые отряды пойдут на приступ. Стены удерживаются конструкциями из металла — на них и нужно будет установить заряды.

— Мы сами взорвем стену?

— Или они, или мы. Главное — чтобы кары, которые они подтянут, не прошли дальше. — Сказал Ланье. — Пока мы держим вершины, создаем перекрестный огонь. Думаю, что нам стоит взорвать и те дома, что дальше, разрушить все улицы, что ведут вверх, чтобы им было негде укрыться.

— Главное, чтобы хватило взрывчатки.

— У нас ее много, хотя взорвать половину города…

— Не думаю, что они попытаются взять только один холм. У них абсолютное преимущество в численности — они будут штурмовать сразу оба. — Би подошла к карте, встав рядом с Ланье. — Откуда бы ты подводил тяжелые кары?

— С востока, ясное дело.

— Они войдут в долину с востока, расстреляют автопушки, и разделятся. Кары не пройдут дальше ворот, и их основные силы кинутся по улицам, наверх, к вершинам холмов.

Ланье, похоже, тебе придется загнать машины к магистрату.

— Уже загнали, половину, улочки то узкие. Зато стрелять оттуда одно удовольствие.

— Второй холм лучше защищен, и площадь там больше. Туда нужно будет собрать женщин и детей. Шериф, защищать их будут ваши люди. Атаковать будут по этим и этим улицам, и встретить их нужно будет у верхних ворот.

— Неверно. — Сказал Арго. — Помнишь Обзорную площадь? Большая, узкие улочки Свалить пару домов, собрать баррикады, чтобы замедлить их, и пусть идут в рукопашную.

— Хочешь собрать их всех там?

— Да. Смотри, вот эта площадка, на стене, прямо над площадью. Еще когда мы там гуляли, заметил — лучше места для хорошей драки не найти.

— Это не поединок, Арго.

— Там будет бойня, поверь мне, прайм. — Арго рассмеялся, низким, страшным смехом. — Пусть они пройдут по этим улочкам, выйдут на площадь… и наверх, на стену, стрелков получше.

— И что дальше? — Спросил шериф. — Вы вообще знаете, сколько их? Бой начнется только, а города уже не будет. Барона нет. Ну убьем мы их тысячу, ну две — а дальше? Думаете, они остановятся? Струсят?

— В моем каре водородный реактор. — Сказала Би. — Если они прорвутся к магистрату, я дам вам коды доступа для ликвидации.

— Мрачный расклад. — сказал Ланье. — Но подумай, какие про нас сложат песни…

— Мощность взрыва? — спросил доктор.

— Приблизительно две килотонны.

— Вы сожжете долину.

— Да.

— Спаси нас Бог.

Мириам чихнула, и все в комнате посмотрели на нее.

— Извините. — Сказала она. — А никто больше не видит этот цвет?

— Что? — Спросила Би.

— Ну, он же где-то здесь, совсем рядом…

— Кто?

— Ну, он.

Зазвенел стеклянный чайник — шериф вскочил из-за стола, поднимая древний обрез, с рукоятью, перемотанной проволокой. Рука Би дернулась к игольнику, но сразу остановилась.

В наступившей тишине громом прозвучало ругательство Ланье — длинная цепочка слов, добрых две трети которых Мириам просто не поняла.

Рядом с ней, на кушетке, сидел Сломанная Маска.

— Добрый вечер. — Произнес он со своим странным выговором, почему-то заставляющим вспомнить старые песни, звучащие по радио из Крепости Детройт. — Как раз собирался принять участие в разговоре, когда Мириам меня заметила.

— Хороший фокус. — Сказал Арго. — А если тебя стукнуть, ты исчезнешь?

— Не надо. — Ответила Би. — Он союзник. Шериф, вы хотели знать, кто помешал Шипам взорвать две башни…

— Он эспер? — Уточнил доктор.

— Смешное слово. — Улыбнулся Сломанная Маска. — Слышу во второй раз. Что оно значит?

— Он может усыпить. — Пояснила Би. — Свести с ума, или не дать себя увидеть.

— Тогда я убираю пушку. — Сказал шериф. — Если это он вырубил уродов под башнями, то я ему как минимум выпивку должен. Эй, как тебя, эспер… чаю хочешь?

II.

— Они стоят на западе, большим лагерем. Если присмотреться, то можно увидеть свет их костров. А я вижу их собственное сияние. — Сломанная Маска посмотрел на Мириам, отодвинувшуюся от него к самому краю кушетки. — И ты, наверное, можешь…

— Сколько их? — Спросила Би.

— Тех, что я чувствую — около десяти тысяч, но не все будут участвовать в бою. В долину готовятся прийти тысяч семь. Решение принято, и сегодня утром они атакуют.

— Ты знаешь наверняка? — Спросил Ланье.

— Да.

— А о чем я думаю?

— Я не знаю, не умею считывать мысли. Но могу сделать так, что ты скажешь сам.

— Интересно. — Сказал доктор.

— Зачем ты пришел? — Спросила Би.

— А почему осталась ты, или наемник?

— Потому что дурак. — Проворчал Ланье. — был бы умный — уводил бы сейчас команду на восток.

— Хочешь помочь? — Би устало облокотилась спиной на стену, рядом с картой. Под ее тенью потерялись линии, небрежно начерченные на желтоватом пластике. Мириам вдруг показалось, что между ними что-то двигается — выпуклые точки, мошки, собирающиеся в потоки и бегущие по нарисованным улицам.

Толпы людей, которых еще нет.

— Да, хочу.

— Как?

— Я могу изменить ход сражения.

Арго хмыкнул и улыбнулся, от чего металлические заплаты на его лице выступили сильнее.

— Это как? — Спросил шериф.

— Сложно сказать заранее. Я никогда раньше не делал ничего с такими скоплениями людей.

— Что тебе для этого нужно?

— Мне понадобится место, повыше, чтобы видеть весь город. Как можно выше.

— Радиобашня подойдет? — Шериф повернулся, и ткнул пальцем в район Верхнего Города. — Вот здесь. Она нерабочая, хотели сделать ретранслятор, но с Атлантой не сговорились. Зато высокая. Только не свались, наверху ветер, и раскачивает ее здорово.

— Хорошо. — Сказал Сломанная Маска, и поднес к губам стакан с чаем. — Нужно будет время, минут тридцать. И чтобы рейдеров было вокруг как можно больше.

— Они пойдут на штурм, и у тебя будет твое время. — Сказала Би. — Ты же понимаешь, что мы не станем на тебя рассчитывать?

— Да, я все слышал. Если оборона падет, ты взорвешь город. — Он подул на чай. — Я не удивлен.

— И я тоже. — Сказал Ланье. — После того, что она сделала на свалке. Ты совсем ее не знаешь.

— Да, я уже сказал ей об этом, а она чуть меня не застрелила.

— Решила, что заигрываешь, наверное.

Мириам хихикнула, Сломанная Маска улыбнулся, но Би только вздохнула.

— Вам не о чем больше поговорить? — Спросила она.

— А смысл? — Ланье потянулся. — Все и так ясно. Раздадим приказы, поработаем, может и поспим, а дальше… как карта ляжет.

— Тридцать минут. — Сказал Сломанная Маска. — Больше не нужно.

— Барона нет. — Шериф поднялся из-за стола, по-прежнему глядя на карту. — А люди за ним шли. Ну не говорить же, в самом деле, что с ним получилось. А если он до утра не появится, разговоры пойдут…

— Мигель прав. — Сказал доктор. — Нужно либо придумать причину его отсутствия, либо…

— Красные доспехи, белый плащ, да? — Би подошла к окну. — Экзоскелет с дополнительным бронированием? У него был обычный, без усиления, но кто их различает…

— Это ты о чем? — Спросил шериф. Арго широко улыбнулся и два раза хлопнул в ладоши, так что Би посмотрела на него.

— Да. — Сказал гладиатор. — Кому нахрен видно, кто в доспехе?

— Мне. — Сказал Сломанная Маска. — Но я не в счет.

— У вас будет барон. — Би повернулась к шерифу. — Ланье говорил, что его машинный двор рядом? Нужно будет туда зайти, и кое-что позаимствовать.

— А что ты вообще планируешь делать? — Спросил Арго. — Будешь на площади, или возле магистрата?

— У них мало боеприпасов. — Ответила Би. — Не очень хорошие стрелки. Иглы кончатся быстро, а вот мины и фугасы — нет. После того, как начнется штурм, основные силы увязнут на улицах, а их артиллерия, которую они развернут за воротами, здесь и здесь…

Ланье громко рассмеялся, прервав ее.

— Как хорошо, что я с тобой не воюю. Хочешь ударить во фланг, когда начнется штурм? А как, ты же не выведешь туда кар?

— Кар не нужен. Обойду по крышам, и спрыгну со стены. А взрывчатки там будет достаточно.

— Это самоубийство. — Сказал доктор. — Вы же не серьезно это говорите?

— Она это сделает. — Ответил Сломанная Маска. — Эти, у машин, не будут ожидать ничего подобного. Но их будет много… очень.

— А как ты планируешь отойти? — Спросил Ланье.

— Она не планирует отходить. — Улыбнулся Сломанная Маска. Несколько секунд они с Би смотрели друг на друга, разделенные столом и тишиной, в которой едва слышно поскрипывали ставни и гудели электрические лампы.

— И что? — Спросила наконец Би.

— Я справлюсь. — Ответил Сломанная Маска. — Или умру там, на башне. Вы поймете когда это случится. Не сможете пропустить.

— Наш человек. — Сказал Арго. — Ну что, наемник, сдохнем вместе?

— Вот еще. — Ответил Ланье. — Я пойду подыхать к магистрату, с моими парнями.

— А кто со мной на площадь?

— Я. — Сказала Мириам.

— Прикроешь меня сверху?

— Ага. И нужно будет позвать Кейна, он хорошо стреляет. И его девушка… девушки, там же их дом, прямо на площади.

— Ты про того сумасшедшего монаха? — Спросил шериф. — Который сегодня пол дня натаскивал девиц на стрельбище?

— Да. — Ответила Би. — Мы уже говорили о том, что вооружить придется всех — ополчение, Молотов, беженцев…

— Не хочу прерывать тебя. — Сломанная Маска встал. — Но там, за окном…

Он еще не успел договорить, когда Би сорвалась с места. Оконная рама с треском вылетела наружу, и в комнату ворвался порыв ночного ветра — совсем не такой, как в пустыне, несущий запахи еды, и теплого человеческого жилья. Стремительное движение Би осталось в памяти Мириам как последовательность медленно растворяющихся картинок: вот она отталкивается от стола, перепрыгивая его, группируется в воздухе, закрывая голову локтями, и вышибает окно плечом, вылетая куда-то в ночь.

— А может, монах не такой уж и сумасшедший. — Задумчиво сказал шериф.

— Куда она? — Спросила Мириам у Сломанной Маски.

— Хочешь посмотреть?

— Что? Конечно!

— Тогда смотри.

Его слова ударили ее в спину, огромной мягкой кувалдой, бросив сквозь стену следом за Би, навстречу ветру и редким огням, мелькающим где-то внизу…

III.

Стремительное движение.

Крыша, плоская площадка с узором из ромбов, нанесенных белой краской, уходит вниз и назад, перила мостика пружинят под ногами. Выдох разбивается о что-то у самых губ. Навстречу прыгает следующая крыша — кубик надстройки над маленьким садом, освещенный странным, синеватым светом невидимой, но огромной луны, висящей за спиной.

— Би? — Спрашивает Мириам. Не вслух, имя замирает где-то рядом, в этом синем движении, облачком пара, рядом с тускло светящимися колонками цифр — роем знаков-светлячков.

Удар сердца, громкий и очень сильный, надстройка жалобно трещит под ударом, и тоже уходит вниз.

— Мириам? — Голос Би, выдох в воздушный клапан.

— Да.

— Ты что, у меня в голове?

Замешательство. Невероятно светлая ночь проносится мимо. Би приземляется на гребень стены между домами, и бежит — по тонкой дорожке, не шире двух кирпичей. Внизу, влево и вправо, тянутся пустые улицы — прозрачные синие тени и яркие огни в маленьких окнах.

— Да, я здесь.

Движение впереди, что-то исчезает за краем крыши. Би отталкивается от самого края стены, прыгая следом. Сбоку изменяются цифры, одни растут, другие уменьшаются, и тусклые огоньки пульсируют, один как сердце, другой — распускаясь и опадая с каждым вздохом.

— Как это возможно?

— Не знаю.

Пружинят мышцы — экзоскелет принимает нагрузку. Мириам чувствует, как расходится напряжение — от твердого каркаса позвоночника, через упругие пластины живота и длинные жгуты, обвивающие бедра. Би бежит по крыше, ныряет вниз по скату, перекатывается и отталкивается от самого края.

Прыжок через улицу, огромное звездное небо, и груды ящиков под ним — видимо открытый склад. Би парит на городом, и Мириам, глядя ее глазами, понимает, что нет никакой луны — просто она видит в темноте.

Плоская крыша склада, пыль летит из-под ног. Тот, что впереди, едва различим, контур, бегущий по самому краю. Светлячки, висящие вне поля зрения, выбрасывают тонкие синие линии, отмечая его движения, расположение головы и конечностей.

— Видишь? — Спрашивает Би.

Контур исчезает за синими конструкциями дальше по улице — остов недостроенного дома, скелет из бетонных столбов. Би перепрыгивает на ближайшую балку — ребро скелета, одиноко белеющее в пустой груди. Вибрация бежит по бетону, и звезды внезапно размазываются на небе, превращаясь в дрожащие огоньки.

— Осторожно! — Кричит Мириам.

Черная вспышка впереди. Опорный столб ломается пополам, балка наклоняется, и город оборачивается вокруг своей оси. Би перепрыгивает на соседний столб, отталкивается от него и бежит по второй половине падающей балки, за силуэтом, различимым в облаке пыли. Еще одна черная вспышка — она прыгает следом за ним, врезаясь во что-то твердое, и пробивая насквозь…

Чтобы ворваться в сияние электрической лампы. Мужчина и женщина за столом в маленькой комнате, на лицах — удивление. По полу, покрытому светлым деревом, рассыпаны осколки стены, пробитой Би. Воительница проходит мимо, в соседнюю комнату, толкает дверь и бежит дальше, по коридору, с выходящими в него дверями других жилищ. За некоторыми горит свет, кто-то в конце коридора выглядывает, и сразу прячется обратно.

— Упустили его. — Говорит Би.

— Нет. — Отвечает Мириам. — Он наверху, слева. Я чувствую.

Би бежит дальше, минуя поворот коридора, к лестнице, взлетает наверх и пинком распахивает дверь, слетающую с ненадежных петель. Смутный силуэт на краю крыши, еще одна черная вспышка. Би пригибается, уклоняясь, хватает выломанную дверь, вращается на месте и бросает ее в неизвестного.

Силуэт приседает, исчезая за краем крыши, совсем близко, мелькает на фоне выпуклой черепицы мансарды, трескающейся под ним. Би прыгает следом, неизвестный оборачивается, и она с разбега бьет его коленями в грудь.

Они падают во двор, в твердую серебристую пыль. Тусклый силуэт отлетает в угол, прочерчивая глубокую борозду в мостовой. Би приземляется, словно кошка, на четвереньки, и тут же вскакивает.

Силуэт обретает форму. Черная броня, сплошь покрытая чешуйками, знакомые очертания доспеха. Воин, которого Би назвала инфильтратором, отталкивается спиной от стены, и встает.

— Здравствуй, Ребекка Ли. — Говорит он, механический голос приглушен до шепота. — Хочешь поговорить?

— Загадок стало меньше? — Отвечает Би. Синие линии скрещиваются вокруг фигуры инфильтратора, образуя подвижные узоры, сопровождающие каждое его движение. — Что ты успел узнать?

— Тот, кто вызвался помочь тебе — не человек. — Отвечает механический шепот. — Я не знаю, что он такое, и кто стоит за ним. Но не верю, что он может спасти вас. Рейдеры атакуют на рассвете, и ваши шансы не велики.

— Будешь смотреть?

— Моя миссия состоит не в этом. Барон Саймон искал ответы на мои вопросы, но ты убила его слишком рано. Когда Хокс падет, Атланте придется вступить в игру со многими неизвестными.

— Так вот в чем дело… Хокс — это пробный камень? Вы пожертвуете им, чтобы понять, кто направляет Руку и на что они способны?

— Не я принимаю решения. Рука — это больше чем кажется. И мне нужно знать, насколько.

— И вы готовы пожертвовать целым городом?

— Лучше один город, чем два или три. Я видел записи того, что случилось в Чикаго. Мне жаль…

— Думаешь, здесь будет лучше? Или люди, которых завтра будут убивать, созданы не из плоти и крови?

— У меня все еще недостаточно данных. Прости, но для Хокса мы ничего не сможем сделать.

— Вы просто боитесь, верно? Скажи своим хозяевам… а впрочем, мне нечего им сказать. Я собираюсь идти до конца, так что лучше уходи из долины — завтра здесь может стать очень жарко.

— Я слышал. Ребекка…

— Что?

— Удачи тебе.

— Убирайся.

Инфильтратор уходит — сворачивает в подворотню, как обычный человек. Он был — и вот его нет. Серебристая пыль оседает в воздухе, и кто-то кричит из окон наверху.

— Почему он все тебе сказал? — Спрашивает Мириам.

— Я могла убить его. — Отвечает Би. — А он мог и солгать.

— Нет, он говорил правду. И еще, ему было стыдно.

— Ты можешь это видеть?

— Да.

— Мне нужно поговорить с тобой об этом. И с этим… ты знаешь, где машинный двор?

— Сейчас. — Мириам чувствует Сломанную Маску, его рука касается ее, подталкивая и направляя. — Два квартала к северу от госпиталя, большой плоский дом, без входа, с наклонными стенами. Там есть ворота, шериф знает, как их открыть.

— Я буду ждать вас там, через двадцать минут.

— Мы выходим.

Глаза открываются, как во сне, который переходит в другой сон. Мириам сидит на кушетке, рядом со Сломанной Маской, и Арго, озадаченно рассматривающим ее. А горячий чай в стакане, зажатом в ее руке, почему-то стал теплым.

IV.

Зал убегал далеко вперед, сужаясь там, где из стен выступали ребра опор, покрытых множеством круглых отверстий. Хрупкие и ненадежные с виду, они удерживали бетонные плиты потолка, и свисающие с них механизмы, обвитые разноцветными кабелями в руку толщиной: черными, красными, серебристыми, теряющимися в черных металлических коробах. Дотронувшись до ближайшей опоры, Мириам почувствовала, что механизмы не мертвы. В машинном дворе что-то работало, тепло и вибрация распространялись по залу сверху, от редких желтоватых софитов, включившихся, как только они вошли в зал. Скрытое движение заставляло вспомнить город, по которому они шли всего несколько минут назад — еще спящий, но медленно начинающий бурлить в глубине, согласно приказам шерифа. По сонным улицам уже сновали патрули с выключенными фонарями, и стучались в дома, взводы гвардейцев сопровождали молчаливые группы горожан.

Тихое движение хорошо настроенной машины, хаос, под своей поверхностью скрывающий выверенный порядок.

— Здесь есть несколько ловушек. — Сказал доктор, перебрасывая тумблеры на неряшливо собранном пульте, свисающем на многоцветной косичке проводов с потолка, рядом с толстой металлической дверью, через которую они вошли. — Я отключу все, что знаю. Не думаю, что Саймон сделал что-то специально против меня.

— Вы хорошо его знали? — Спросила Би, оглядывая зал.

— Я так думал. — Ответил доктор. — Поздно об этом говорить.

Мириам сделала несколько осторожных шагов, остановившись там, где заканчивался бетон пола, и начиналось пластиковое покрытие — зеленоватая плитка, приподнятая над полом на высоту одной ладони, и скрывающая под собой переплетения проводов и труб.

— Что у него здесь было? — Снова спросила Би. — Зачем столько коммуникаций?

— Мы запустили холодный реактор, из старого танка «Браун», первой модели. Он поддерживал движок джета, и давал энергию городу, одно время, пока не начал барахлить. Мы так и не смогли разобраться, в чем дело, а чинить его оказалось просто нечем. Чтобы ремонтировать джет, пришлось приспосабливать самые странные вещи. А ведь еще были автопушки, химическая сварка, и база данных технологий, которые он сумел собрать. Она там, наверху, в блоке данных, который он тоже притащил из рейда…

— «Браун»? Большая штука. Встретила такой в заграждении, у Атланты.

— Лицемеры. Можно продавать оружие, но нельзя учить, как его делать. Антибиотики не дороги, но сейчас, когда дороги закрыты, их невозможно достать…

— Не лицемерие. — Ответила Би. — Политика.

— Синонимы, не более. — Доктор отпустил пульт. Зал отозвался гудением, поднявшимся, и сразу упавшим до низкой вибрации, идущей через плитки пола.

— Идемте, теперь безопасно. Это все-таки дом, хоть и странный.

— Я видел и более странные дома. — Подал голос Сломанная Маска, до сих пор молча стоявший рядом с Би. — А этот полон грусти…

— Должен признать, Саймон не умел веселиться. — Доктор перешагнул через ступеньку, отделяющую обычный пол от пластикового, и пошел вперед.

— А у него была женщина? — спросила Мириам.

— Кажется, в Атланте. Он никогда о ней не говорил, но я знаю, что он летал к ней, не часто, но…

— Она не узнает. — Тихо сказал Сломанная Маска. — Как и та не узнала, что ждала каждый день, и смотрела в пустыню, за стены. Но не было вечерней видеосвязи, только шум.

Даже тела, которое можно оплакать — только песок…

Доктор обернулся.

— Прекратите!

— Прошу прощения. — Ответил Сломанная Маска. — Я постараюсь не делать так больше.

— Не нужно копаться у меня в голове!

— Ты говорил, что не можешь читать мысли? — Спросила Би.

— Так и есть. Это другое — я скорее озвучиваю то, что вижу. Не мысли, а чувства…

— Интересно. И где здесь оружейная? Мой кар заезжал совсем с другой стороны.

— Дальше, здесь мастерская, старое железо, Саймон иногда умудрялся собрать из него что-то стоящее.

Пластиковая плитка пружинила и прогибалась под ногами, как ковер, вышитый неровными квадратами. Между опорами громоздились контейнеры без передних стенок, высокие открытые ящики, помеченные небрежными мазками красной краски, образующими буквы и цифры — A, B, C, C1. Их заполнял бесформенный механический мусор — провода, куски механизмов. В одном Мириам заметила целый двигатель от грузового кара.

— Направо части для каров, налево — то, что он откладывал для джета. Я не очень в этом разбираюсь, но содержать машину было сложно. Он добывал некоторые части контрабандой, а уж боеприпасы…

— Большинство крепостей продает оружие. — Ответила Би. — Тех торговцев, которые торгуют не с теми людьми, или берут слишком много, наказывают. Я хорошо это знаю.

— Огонь. — Отозвался Сломанная Маска. — Кратеры, исходящие жаром, камни, плачущие призрачными слезами, и тени людей на обломках их собственных машин. Этот мир горит, и он такой новый, такой незнакомый… ведь тебе всего двадцать лет.

Би в упор посмотрела на Сломанную Маску, и он замолчал.

— Иногда твои откровения неуместны. — Сказала она медленно.

— Я не могу показать больше, чем есть…

— Твои слова усиливают воспоминания, как… зеркало, отражающее другое зеркало. Отражений сразу становятся тысячи.

— Прости.

— Там, где ты раньше жил, люди не обращали внимания на твои особенности?

— Нет, им было достаточно своих.

— Заметно. — Би посмотрела вслед доктору, ушедшему шагов на двадцать вперед. — Пойдем, о своем детстве расскажешь нам позже.

Оружейная напомнила Мириам гараж ее отца — из тех времен, когда он чинил кары. Такой же запах масла, пластика и электричества, столы, с наваленными на них горами нужных и бесполезных деталей. Только кар здесь стоял всего один, небольшой, и наполовину разобранный, с торчащим наружу двигателем и снятой обшивкой. Толстые листы брони валялись вокруг, как будто неведомый механик решил переодеть машину, и бросил это занятие на полпути. Снятое оружие тоже лежало рядом — две коротких тупоносых пушки, с вывернутыми наружу проводами и металлическими лентами подачи патронов.

— Машина рейдеров? — Спросила Би.

— Не думаю. У него была возможность захватить несколько машин. Это просто экземпляр на запчасти.

Доктор переключил что-то у дальней стены помещения, и наверху, в переплетениях опор, зажглись желтые глаза софитов, делая оружейную меньше, почти тесной. Из углов выступили массивные шкафы и стойки, пара столов с зарядными устройствами, которые узнала Мириам, а также странного вида зажимами и механизмами.

— В этих шкафах все, что может понадобиться. — Сказал доктор. — Здесь он хранил свои доспехи, личное оружие, и даже иногда принимал гостей. Если дом человека что-то говорит о нем — то посмотрите вокруг…

Мириам послушно огляделась.

Человеческое следы проступили сквозь картину отцовской мастерской, и отодвинули ее в сторону: пружинная кушетка, спрятавшаяся за рабочим столом, и укрытая полосатым пледом, электрический чайник в форме железного яблока, с остатками золотой краски на боках. Письменные принадлежности на столе, стило и пластиковые листы, придавленные плоским пороховым пистолетом, открытый красный шлем, небрежно одетый на стойку, увешанную игольниками самых разных форм и размеров. И еще десятки мелочей, делающих домом даже такое место, как это. У отца был дом, куда можно было прийти из мастерской, а у человека, который жил и работал здесь…

— Мне жаль. — Сказала Би.

— И мне. — Ответил доктор. — Но он сказал бы, что жалеть не о чем.

— Четыре часа до рассвета. — Би подошла к стойке, рассматривая висящее на ней оружие. — Совсем мало.

— Меня вот уже час как ждут в госпитале.

— Идите, мы разберемся. Я попрошу людей у Мигеля, если понадобится что-то перенести.

— Тогда… я буду на общей волне. Согласуем наши действия позже.

Доктор вышел из оружейной, не прощаясь. Би обошла стол, приподняла пистолет, заглянув в бумаги, обернулась к оружейной стойке.

— Как получилось, что Мириам бежала вместе со мной по крышам? — Спросила она, словно продолжая прерванный разговор.

— Это… проекция. — Сломанная Маска, наклонил голову, рассматривая оружейные верстаки. — Присутствие в чужом сознании, на расстоянии. Не знаю точно, как было у вас, я этого не видел.

— Все было синим. — Сказала Мириам, и присела на кушетку, за столом. — И цифры дыхания. Я чувствовала, как работает костюм — как вторые мышцы.

— Почему она, а не ты?

— Она… талантлива, и ты ее знаешь. Я мог помешать тебе… и не смог бы так.

— Почему не смог?

— С тобой… сложно. — Сломанная Маска отбросил волосы назад, как показалось Мириам — чтобы скрыть замешательство.

— Как там, в переулке?

— Да. Мне повезло, что я остался жив.

— Это потому, что я прайм?

— Нет, Ребекка, твоя особенность не в этом.

— А в чем же?! — Би сняла со стойки целый ворох игольников, и с грохотом швырнула их на верстак. Сломанная Маска бросил растерянный взгляд на Мириам, и от Би это не укрылось.

— Она тоже знает? — Би не глядя перебирала оружие на верстаке, взвешивая, поворачивая, откладывая. — Что вы переглядываетесь? Что со мной не так?!

Мириам хотела ответить, и уже открыла было рот, но Сломанная Маска едва заметно покачал головой.

— Есть несколько признаков. — Уже тише сказала Би. — По которым праймы узнают, что их срок подошел. Замедление реакции, когда начинают рваться нейронные сети. Ошибки в вычислениях, если выходят из строя сопроцессоры. Нарушения координации — когда накапливаются проблемы в узлах передачи, и от перегрузок умирают нервные клетки. Это то, о чем я знаю. А пробелы в памяти, и скачки настроения — это не симптомы. Боитесь сказать мне, что я истеричка?

— А что такое истеричка? — Не выдержала Мириам.

Сломанная Маска улыбнулся, грустно, половиной лица. Пластинки на второй половине едва пришли в движение, и Мириам на какую-то долю секунды увидела цвета, их смешение — печаль, сомнение… тонущие в его ярком свете.

— Ты боишься. — Сказал он. — Что твое тело, или твой разум подведут тебя сегодня. Что не сможешь выполнить задуманное, дашь осечку, как пистолет.

— Боюсь. — Ответила Би. — Что дальше?

— Ты — не оружие. Тебе проще считать так, чтобы не нужно было чувствовать, или помнить — но это бесполезно. Твоя истинная сущность высечена в тебе намного глубже любых нейронных цепей, боевых рефлексов, и всего того, чему тебя учили… Что из тебя сделали.

— У меня нет права на ошибку, и воспоминания могут только помешать!

— Ты до сих пор не поняла. Та часть тебя, которой больно, которую ты ненавидишь — сильнее всего. Она будет сражаться даже тогда, когда сгорят твои нейронные сети, и не будет никаких сопроцессоров. То, что я пытаюсь сказать тебе, Ребекка — ты не орудие, не инструмент… Ты человек.

Би не ответила, задумчиво рассматривая небольшой игольник, с непропорционально длинным и толстым стволом.

— Больно… быть человеком. — Наконец сказала она. — Наверняка ты прав в одном — я прячу голову в песок, это так на меня похоже.

Она отсоединила длинный ствол от игольника, и посмотрела через него на софит.

— Все время забываю спросить — как тебя зовут на самом деле?

— Никак. Там, где я рос, была только эта кличка.

— Стоит дать тебе человеческое имя.

Глава V

Интермедия II.

Шото остановился в темноте, у края дороги, и присел на краю канала, на теплую рыхлую землю. Позади остался город — ненавистный, с его вонью, пылью и железным скрежетом, десятками незнакомых лиц и лживых огней, не дающих тепла. Город овец, готовых вцепиться друг-другу в глотки из-за черствой лепешки и глотка воды.

Даже здесь, в трех километрах от стен, посреди ночной долины, запахи продолжали преследовать его, въевшись в одежду, волосы, кожу — теперь их можно было разве что выжечь. И долина не пахла так, как полагается. В ней не было спокойствия, не было величия: шепталась вода, шелестела сухая трава, кто-то кричал на ферме неподалеку, отдавая приказы. В темноте по дороге то и дело пролетали кары, не включая фар — местные знали дорогу чуть ли не на ощупь.

Как и Шото.

Он дотронулся до меча в простых кожаных ножнах, лежащего рядом — рефлекторно, проверяя, на месте ли. Потом достал из подсумка кусок вяленого мяса, завернутого в виноградные листья.

Мясо было жестким и волокнистым — мертвые мышцы с запахом дыма.

Он ел, и вспоминал убежище Шипов — их самую первую базу, старый склад, который нашел он сам. Душное место в вечной тени. Вспоминал, как шел по нему несколько часов назад, пытаясь воссоздать рисунок боя по кровавым разводам и пятнам на полу.

Он криво улыбнулся, и внутри что-то дрогнуло. Чужой страх, тонкий болезненный ручеек, который никак не мог принадлежать Шото-Пауку.

Ведьма была быстрой. Страшно, невозможно быстрой. Он почти завидовал тем, кто был там, кто видел, как она сражается. Ему достались только следы, чтобы представлять: как она обходила Шипов, сгоняя в центр зала, убивала одиночек, оставшихся с краю, разделяя наемников на группы, и постоянно меняя цели. Изломанный рисунок ее шагов часто прерывался, и его губы снова дрогнули, при воспоминании о ее прыжке на площади.

Хороший враг.

Из-за такого врага не стыдно отступить. То, как она ударила в ответ, всего через несколько часов после налета на Верхний город, и жесткость этого удара — никаких переговоров или компромиссов.

В течении одного дня в городе почти не осталось союзников. Развалились отлаженные схемы, исчез Картель — судя по всему, в одном из подвалов, в самом центре Хокса.

Но пропустить удар — это еще не проиграть бой.

Шото жевал мясо, и смотрел на холмы, едва проступающие на фоне звездного неба. За ними, через равные промежутки времени, появлялись и исчезали бледные световые столбы, продвигаясь все дальше и дальше к востоку.

Мощные прожектора, установленные на ведущих броневиках, прокладывающих путь.

Совсем близко.

Долина беззащитна. Нужно не более получаса, чтобы ворваться в нее, смести сторожевые вышки, или просто обойти их. И растечься лавой, вдоль вех, видимых только

посвященным. Установленных Шото еще две недели назад, указывающих на достаточно широкие дороги и въезды, не ведущие в тупики.

Полчаса на вход, и еще час — чтобы встать у самых стен.

Дальше планы заканчиваются, обрываются в кровавых письменах, выведенных клинком ведьмы — похоже, она тоже использует короткий меч. Диверсии не удались, ворота придется расстреливать. Это значит, что кары далеко не пройдут, и придется взрывать дома, теряя добычу.

И Хайд, с его обычным, непроницаемо-спокойным лицом спросит: «Почему?».

Шото смял виноградные листья, и бросил в воду, бегущую по дну канала. При мысли о вопросах Хайда трещина внутри росла, истекая холодом, который совсем не следовало выпускать наружу. Иначе проще было сразу приставить игольник к подбородку и нажать на спуск.

Ответ на эти вопросы должен был найтись в ближайшие пару часов — и Шото, рассматривая следы от прожекторов в небе, уже знал, как и когда. В хаосе, в который превратится долина под колесами сотен машин, огне, который охватит город. Закончатся планы, и начнется танец.

Шото смотрел, как мимо проезжают грузовые кары гвардии, узнаваемые даже в темноте по форме квадратных кузовов. Шериф приказал сворачивать посты, и забирать фермеров с их насестов — гвардия наконец-то начала шевелиться.

Ведьма действует не одна. Шото наклонился вперед и зажмурился, оживляя свой именной список: девчонка с черными глазами, знающая его в лицо, огромный боец со стальным черепом, швыряющий наемников, как кукол, монах-убийца, слухи о котором ползли от самого Эрга. Все они связаны с ней. Их нужно будет найти в горящем муравейнике, в который превратятся холмы через несколько часов — они опаснее остальных, кроме разве что шерифа и барона.

И танец придется начинать с них — иначе Хайд не услышит оправданий. Лица поплыли перед глазами, разваливая начинающий складываться план — в бою могло случиться что угодно, и исход теперь зависел только от случайности.

Шото прикусил губу, и сделал глубокий вдох. Шел третий час ночи, передовые отряды Руки выходили на позиции, а ему, девятнадцатилетнему разведчику Пауков, отчаянно хотелось расплакаться.

I.

Сон подкрался незаметно.

Как когда-то в пустыне. Только что Мириам полулежала на кушетке, опираясь на локоть, чувствуя покусывание пледа на обнаженном предплечье…

… и вот она стоит возле дома, в темноте, глядя на кукурузное поле. Его почти не видно, но она знает на ощупь каждую его бороздку, каждую выемку, которые пропалывала еще вчера. Ее руки сохранили тепло жестких побегов. Весенние сорняки самые цепкие, крепче проволоки, нужно уметь их тянуть, так, чтобы вытащить из земли весь тонкий корень, мешающий кукурузе расти.

Позади, за домом, начинается яблоневый сад, ровные ряды деревьев, до самого канала, пересекающего дорогу к Хоксу. Голые яблони, с надежно подвязанными ветвями, ожидающие наступления лета.

Рядом заворчала собака. Брик, черно-серый пес выглянул из конуры, и рычал на нее, низко, угрожающе. Это было неправильно, но почему, Мириам не поняла. Все это — ферма,

дом, из которого виден ночной Хокс, его огни, россыпью лежащие на холмах.

Ведь она никогда не жила рядом с Хоксом.

И не строила этот дом — большой, двухэтажный, из широких глиняных кирпичей. Два кирпича стена, на случай холодов, узкие окна наверху, чтобы можно было стрелять, и бетонные сваи в углах, чтобы крепче стоял.

Она в растерянности поднесла руки к лицу — и поняла, что они чужие. Короткие толстые пальцы, небольшие крепкие ладони.

Руки фермерши.

Собака зашлась в лае, и, оторвав взгляд от своих рук, Мириам увидела свет. За деревьями, на дороге, резкие огни фар, кары, мелькающие у въезда в долину, режущие глухую предрассветную темноту на серые полосы.

Машины ехали по дороге к Хоксу, и сворачивали на объездную дорогу, к дому. В белом свете черными скелетами проступали силуэты яблонь. Мимо пронеслась одна машина, вторая, третья, обдав пылью и запахом горячего железа.

Брик лаял не останавливаясь, она повернулась, чтобы бежать в дом, и в этот момент сверху, из окна, брызнул огонь.

Выстрел утонул в свисте моторов. Прожектор проезжающего кара лопнул, дробь рассыпалась по броне. Машина притормозила, и из-за нее, с порывом теплого ветра, вылетел сгусток пламени.

Окна второго этажа вспыхнули одновременно, крышу подбросило вверх, разламывая на части, и Мириам закричала…

…но крик истаял, превратившись во вздох. Она все еще полулежала на кушетке, и слушала разговор Би со Сломанной Маской, видимо, упустив его часть. Вокруг двигались еще какие-то люди — несколько гвардейцев собирали оружие и вещи, на которые указывала Би.

- А что с ней? Ты сказал, что разбудил ее…

— Ты запомнила? Мне показалось, что ты не обратила особого…

— Она потеряла сознание от твоего прикосновения. Теперь она чувствует настроение людей, читает их намерения. Что еще?

— Почему ты не спросишь у нее самой?

— Ты сделал это с ней.

— Нет, я всего лишь подтолкнул ее. Она талантлива, это врожденный дар. Я не знаю, что она может. И чему научится через некоторое время.

— Она такая же, как ты?

— Не совсем.

— Все хорошо. — Сказала Мириам, усаживаясь прямо. Шея немного затекла, но, судя по всему, странный сон длился не дольше нескольких минут. — Просто некоторые цвета стали ярче.

— Цвета?

— Ну да. Я вижу цвет, когда человек что-то чувствует. И раньше видела, но не понимала. И еще я вижу странные сны…

— Да, я помню. — Сказала Би.

— И один я видела только что. Про то, что рейдеры входят в долину.

— Почему ты думаешь, что это был сон? — спросил Сломанная Маска.

— Ну потому, что я…

— Нам не придется сегодня спать. — Би перебирала выложенные на стол красные пластины. Софит на длинной гибкой ножке раскачивался у нее над головой. — Здесь есть стимуляторы, которые заставят тебя не спать неделю. Сделать тебе укол?

— Нет, не нужно. — Мириам испуганно вскочила. — Я уже выспалась.

— И поэтому устраиваешься на кушетках?

— Все, больше не буду!

— Думаешь, они уже в долине?

— Я видела машины, которые заезжают с востока, по дороге, и едут направо и налево, в объезд.

Би посмотрела на Сломанную Маску, и тот пожал плечами.

— Минут через десять это подтвердят постовые на башнях. Я же говорю, она талантлива.

— Третий час ночи. — Сказала Би. — Полчаса назад вернулся последний патруль, посты эвакуированы. Вывезли все пушки, но там еще остались люди.

— Да. — Сказала Мириам. — Фермеры. Я… видела.

— У магистрата развернута минометная батарея и механизированный отряд Ланье, стрим-ганы и огнеметы. Арго с отрядом Молотов заканчивает баррикады у Обзорной площади. Сам Ланье заминировал западные ворота и едет к восточным. Кроме ворот они заложили радиоуправляемые фугасы на стоянке и вдоль дороги. Твой грузовик, Мириам…

— Я поняла.

— Если они уже у восточного въезда, то времени у нас — до рассвета. Раньше они не начнут.

— Еще три часа?

— Да. Я собрала здесь все, что нашла. Если ты идешь на Праздничную площадь, то отправляйся вместе с гвардейцами. Найди Кейна, и передай ему вот это. — Би протянула Мириам широкий двойной картридж для игольника, не пластиковый, а металлический, непривычно тяжелый. — Он знает, что с этим делать. Пусть раздаст оружие всем, кому возможно — у него это хорошо получается.

— Да. — Ответила Мириам, беря картридж. — А ты придешь?

Би молча взяла со стола игольник — вроде того, что Мириам брала у нее, только массивнее. С длинным сдвоенным картриджем перед рукоятью и квадратным прицелом, выдающимся над стволом.

— Модель для городского боя. Расширенный магазин, противопехотный боеприпас, лазерный указатель. Очереди по два, ты помнишь? Бери, он пригодится.

— Ты… придешь?

— Я постараюсь, если будет время до начала боя. Мне еще нужно собрать доспех.

— А дети?

— Они с Мартой. Гвардейцы собирают всех в Верхнем городе. Они будут на площади, прямо за вами.

— Хорошо. — Мириам закинула новый игольник за спину. — Мы с Кейном будем ждать тебя.

— А я, пожалуй, полезу на башню. — Сказал Сломанная Маска. — Пока темно.

— А потом, когда они тебя увидят?

— Потом они не увидят ни меня, ни башни.

Би кивнула. Мимо Мириам шумно протопали гвардейцы, нагруженные оружием —

один, второй, третий. Она пошла следом, но у самого выхода из оружейной оглянулась.

— Эй. — Голос Сломанной Маски дрогнул.

— Что? — Очень тихо отозвалась Би.

— Не нужно так себя ненавидеть.

— Это не твое дело.

Они не смотрели на нее — Сломанная Маска, тоже обернувшийся назад, и Би прилаживающая к плечу красный наплечник. Две фигуры — стройная, оплетенная пластиком и металлом, и высокая, серебровoлосая, в пыльном плаще. Что-то было в напряжении ее лопаток, в повороте его головы, какие-то несказанные слова или цвета, которые даже Мириам не могла прочитать.

II.

Рассвет не был настоящим.

Он начался с десятков огней, электрических и живых, дрожащих от человеческого дыхания и порывов ветра. И расцвел фонарями, спиртовыми лампами, химическими факелами и свечами, пахнущими паленым жиром.

Гвардейцы, нагруженные оружием, знали, куда идти, и Мириам была им благодарна. Без них она давно бы потерялась в человеческом потоке, заполнившем улицы Хокса.

Семьи, груженные скарбом, мешками и сундуками, заброшенными за плечи, плачущие женщины и дети, гвардейские посты на перекрестках, указывающие, куда идти. Все маленькие точки на карте, висящей в кабинете шерифа, стали людьми, и заполнили улицы вокруг Мириам шорохом тысяч шагов, шепотом, криками, стонами. Огни выхватывали из темноты согнутые фигуры и лица, фрагменты одежды и блестящие точки украшений, смешивая их в сонном водовороте. Мириам с трудом переставляла ноги, стараясь не потерять из виду идущего впереди сержанта Клайва, его широченную спину с перекрестьем оружейных ремней и длинным горбом рюкзака. Что-то дрожало в ней, какая-то мембрана, тонкая пленка. Казалось, прорвись она — и цвета окружающих хлынут в нее потоком, заполнят до краев, и остановить их будет невозможно. Мириам держалась за нее, балансируя, как канатоходец в странствующем цирке. Между усталостью, шепчущей о капитуляции, и чем-то еще, заставляющим держаться, переставлять ноги, вцепившись в шершавую рукоять игольника, оттягивающего плечо.

Посты направляли людей в Верхний город, и через широко распахнутые ворота тек самый плотный поток — плечо к плечу, шаг в шаг. Кто-то кричал впереди, выкрикивая имя, неразборчиво, громко. Смеялись дети, двое, совсем рядом, собирая рассыпавшееся по земле содержимое лопнувшего мешка — какие-то железки, пряжки, одежду.

— Работаем по восточным. — Ожил переговорник голосом Ланье. — Тут половина и так сделана, дорога перегорожена. Уроним крепежные столбы, и обрушим два дома, что прямо за ними.

— Хорошо. — Отозвалась Би.

— Что хорошего? — Спросил шериф. — Нам их еще обратно отстраивать.

— Было бы кому. — Ответил Ланье.

— Я почти на месте. — Сказала Мириам, чтобы хоть как-то вырваться из-под гипнотизирующего ритма шагающей толпы. — Где искать Кейна на площади?

— В «Сладкой Белочке» спроси. — Ответил шериф после короткой паузы. — Говорят, они там ошиваются. Он… и его боевой отряд.

— Губа у него не дура. — Низкий голос Арго казался уставшим. — Не знаю о ком вы, но

пусть лучше сюда спускаются, камни с нами ворочать.

Мысль о девушках в разноцветных платьях, ворочающих камни, показалась Мириам забавной, и она хихикнула.

— Что такое? — Спросил Арго.

— Мне тоже не нравится эта идея. — Сказала Би. — Если они спустятся, то вы точно будете довольны. Но баррикад у нас не будет.

Мириам устало кивнула, отключая переговорник, и только потом поняла, что этого никто не увидит. Шаркающий ритм стал сильнее. Впереди, над головами идущих, выступили края палаток, освещенных изнутри — приближалась центральная площадь.

Чтобы пройти в «Сладкую Белочку», пришлось потолкаться. Круглая площадь, запомнившаяся Мириам по самой первой ночи в Хоксе, теперь превратилась в еще один лагерь беженцев. Расставленные без всякого порядка палатки перемежались с горами скарба, заполняя все свободное пространство площади, и окружающих улиц, не оставив ни одного прохода. Люди сидели на узлах с вещами или сновали вокруг, точно на ярмарке — только веселье им заменял испуг. Дыхание сотен человек и тысячи разговоров сливались в один монотонный шум, с проскальзывающими то здесь, то там, истерическими нотками. Мириам и сопровождающие ее гвардейцы шли друг за другом, обходя вещевые баррикады и палатки, отстраняя горожан, а с соседних улиц все продолжали прибывать люди. В какой-то момент, сбившись с шага, и вытирая пот со лба, Мириам вдруг наткнулась взглядом на Марту — та сидела у маленькой полевой кухни, вместе с десятком других женщин и детей. Рядом стоял Рок, и переговорник болтался у него на шее, как ожерелье. Тони видно не было, но Мириам решила, что он наверняка где-то там, рядом, и у нее немного отлегло от сердца.

Оставалось найти Таню.

Окна «Белочки» светились. Веранда, с натянутыми на ней тентами, тоже была ярко освещена. Там возвышался пузатый цилиндр полевой кухни, и пара девушек в простых серых плащах что-то разливали в кружки, видимо, кипяток. Трое Молотов, стоящих у входа за импровизированными щитами из опрокинутых столиков, зашевелились при приближении гвардейцев, но путь им преграждать не стали.

— Наверное, здесь. — Сказала Мириам, оглядывая холл «Белочки», обшитый мягкими панелями красивого, солнечного цвета, с такой же светлой мебелью, диванами, пуфиками, низкими кушетками вдоль стен. И заполненный людьми: девушками, чьи лица казались ей смутно знакомыми, стариками, пожилыми женщинами и даже детьми, играющими под ногами у взрослых.

Сержант, на чью спину она смотрела всю дорогу, кивнул, сбросил поклажу на пол, и поднес руку к переговорнику в ухе.

— Торренс на месте. — Проговорил он, с трудом переводя дыхание. — Седьмой взвод закончил железо таскать, ждем приказов. Как там мои, шериф?

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Трое гвардейцев последовали его примеру, и маленький круглый столик, возле которого они встали, оказался завален горой оружия.

— Ищете кого? — К гвардейцам приблизилась невысокая девушка, не из тех, что были на стрельбище. Клайв, продолжая прислушиваться к переговорнику, кивнул назад, на Мириам.

— Нам нужен Кейн. — Сказала она. — Или Анита.

— Они внутри, с Мамой. А что им сказать?

— Я сама могу сказать. — Ответила Мириам, глядя, как пятилетний ребенок пытается вытащить из кучи оружия игольник, держа его за ствол. — А ты пока никого не подпускай к этим вещам, хорошо? Их должен раздать Кейн.

— Мы остаемся. — Торренс отпустил переговорник, и повернулся к ней. — На другой конец города сейчас не попасть, так что мы тут квартируем. У тебя какие планы?

— Мы будем защищать Обзорную площадь. — Сказала Мириам, вспоминая слова Би. — На выступе, который на стене. Нужно будет раздать оружие всем, кто может стрелять.

— Видел в толпе пару морд из ополчения — прячутся должно быть. — Ухмыльнулся Клайв. — Мы их сейчас пригоним, заодно и мужиков соберем, кого сможем. Тут еще два взвода, с другой стороны, порядок наводят. И десять постов по дороге, под сотню человек. Да и девочки с пушками — скучно нам не будет.

— Да. — Ответила Мириам. — А мне нужно найти Кейна.

Внутренние комнаты дома оказались такими же светлыми, как и холл, только других цветов — розового, красного, травянисто-зеленого. Следуя за еще одной девушкой, повыше ростом, Мириам миновала целый ряд маленьких копий первого зала. С красивой мебелью, электрическими лампами и зеркалами — и десятками женщин и детей, прячущихся в каждой из них. Ее провожали испуганными взглядами, а шум на площади, к которому она уже почти привыкла, становился все громче.

Анита нашлась в дальней части дома — продолговатой комнате с ярко-зелеными шторами на окнах и широкой кроватью под зеленым балдахином. В кровати, накрытый одеялом цвета весенней травы, кто-то лежал. А сама Анита сидела у маленького столика, заставленного чашками, стаканами и бутылками разных размеров.

В воздухе висел отчетливый запах виски и лекарственных трав.

— Привет. — Сказала Мириам. Девушка, впустив ее в комнату, почему-то всхлипнула, и сразу ушла, оставив их наедине.

— Вот уж привет так привет. — Хрипло ответила Анита, и подняла глаза. Черные дорожки расплывшегося макияжа сбегали по ее щекам, и терялись в уголках рта, превращая лицо в подобие клоунской маски.

— А где Кейн? — Спросила Мириам растерянно.

— Я его что, сторожу? — Вопросом на вопрос ответила Анита. — Здесь где-то, заснул наверное.

— Заснул?

— Ага. У него видать совесть чиста, раз может спать в такую ночь. Как там, на площади? Страшно?

— Да.

— Хочешь выпить?

— Нет.

— Почему?

— Я уже пила сегодня. Больше не нужно, а то или засну, или голова разболится.

— Вот молодец. Мне бы так.

— Что… так?

— Заснуть. Или чтобы голова наконец пополам треснула

— А это кто? — Мириам взглядом указала на кровать.

— Это Мама. Можешь говорить громче, она уже не слышит.

— Твоя… мама?

— Наша Мама. — Анита глубоко вздохнула. — У нее еще с утра сердце прихватило, а как стали народ на площадь вести, она и упала. Второй раз у нее. В госпиталь тащить бесполезно — там сейчас на улицах такое, что просто не донесем, даже если красным заплатим. Вот и лежит. А мы ждем.

— Чего?

— А когда все… начнется. Я же после нее вроде как старшей остаюсь. Теперь меня Мамой звать должны. Дом на мне, девочки на мне. Да они и не против будут, после того, что мы… что вы сегодня днем сделали.

— Мы? А Тина, и другая девушка… как они?

— Герда в госпитале, ее сразу потащили, вот и успели. А Тина идти отказалась, сказала тут ей спокойнее. Мы ей виски влили — пускай лежит. И насчет твоего вопроса, девушки свободной, Пионы…

— Что?

— Здесь она, на площади. Видели ее, с девочкой, как ты и говорила.

— Честно?

— Думаешь, обманывать стану?

— Нет, я просто волнуюсь. А где они?

— Ты сама эту площадь видела, тут сейчас половина города. Как все закончится — найдешь их. А если плохо дела пойдут, так и искать некому будет.

— Спасибо, тогда я их разыщу. — Мириам замялась. Анита опустила голову, рассматривая стаканы на столике.

— Так это теперь получается твой собственный дом?

— Нет, не собственный. Мама — она только о девочках заботится, дела ведет да деньги собирает…

— Большой дом. — Сказала Мириам. — И очень красивый. И помощниц у тебя много — ты справишься.

— Тебе откуда знать?

— У меня был постоялый двор.

— Серьезно что ли?

— Ну да. Его сожгли, а Би меня спасла. А где спит Кейн?

— Двор. — С каким-то странным выражением произнесла Анита, разглядывая Мириам. — Так ты у нас крутая?

— Ну это не так сложно. Главное знать точно, что где лежит, и что за чем нужно делать. Меня отец этому научил…

Анита озадаченно моргнула.

— Ну, здесь у нас другие заботы. — Сказала она. — Тут нам важнее, кто за сколько должен, кто чего хочет, и где кто лежит.

— А. — Ответила Мириам. — Я и забыла. Но зато у вас тут очень красивые занавески… и покрывала.

Анита прыснула в кулак.

— Кей за той дверью. — Указала она в другой конец комнаты. — Стукни его, если просыпаться не захочет.

III.

Кейн сидел спиной к двери, на низком табурете, глядя в выходящее на площадь окно. Винтовка стояла рядом, прислоненная к подоконнику.

— Анита сказала, что ты спишь. — Мириам подошла к нему, тоже выглядывая в узкую щель между шторами. — Ого!

За время ее отсутствия на площади толпа стала плотнее. Завалы из вещей громоздились, превратившись в баррикады, разделяющие людей. Самая высокая из них уже похоронила под собой круглую сцену в центре площади. Гвардейцы, чьи красные наплечники мелькали в мешанине плащей, рук и голов, как-то направляли человеческие потоки, заставляя их растекаться, просачиваться между стенами домов, палатками и заграждениями из мешков и узлов.

— Да. — Кейн слегка повернул голову, и Мириам увидела гарнитуру переговорника, обвивающую его шею. — И еще больше на соседних улицах. Представь, если у тебя был надежный дом, и вдруг тебе сказали собрать все, что можно унести, и идти сюда, посреди ночи.

— Ты чего-то ждешь?

— Тебя.

— А, ну тогда… Би просила передать тебе это.

Кейн взял картридж, и взвесил его в руке.

— Тяжелый. Слышал о таких, но в руках не держал.

— А что это?

— Иглы с сердечниками из обедненного урана. Такая может пробить бронированный кар насквозь, и лететь дальше.

— А зачем… дальше?

— Обычно незачем. Попасть точно в двигатель достаточно.

— Ты будешь стрелять по машинам?

— Да, пока они не закончатся — их всего тридцать. Откуда вы их взяли?

— Они были… у барона.

— Понятно.

— Анита сказала, что ты спишь.

— Она не совсем поняла, я пытался объяснить…

— Что ты созерцаешь?

— Да.

— Нужно раздать оружие, и… А ты будешь здесь?

— Нет. Я займу позицию на башне, к востоку.

— Не останешься со своей девушкой?

— Анита не совсем… — Кейн замялся, подбирая слова.

— Не совсем девушка? — Удивилась Мириам.

— Да нет.

— Не совсем твоя?

— Да дело не в этом…

— А почему ты ей не сказал? Мне кажется, она считает иначе.

Хлопнула дверь, распахнувшись под ударом чего-то мягкого, видимо, брошенного в нее. Из соседней комнаты донесся голос Аниты:

— Если уж вы про меня заговорили, может сюда выйдете, а?!

— Хороший слух. — Заметил Кейн, поднимаясь.

Выходя в дверь, он поймал следующую подушку, брошенную в него Анитой — легко, словно ждал этого. Анита, сидящая на краю кровати, фыркнула. К запахам трав и алкоголя в

комнате добавился еще один — ружейного масла. На месте столика, небрежно сдвинутого к стене, возвышалась неаккуратная куча ружей, игольников, пистолетов и патронташей. Пара девушек в цветных плащах, чьи лица Мириам запомнила по стрельбищу, вытаскивали из-за третьей, неприметной двери все новые чехлы и связки оружия, сваливая их на пол.

— У нас тоже вот, есть железки про запас. — Сказала Анита, поднимая третью подушку. — Так, я, значит, тебе не гожусь, так?!

Подушка ударилась о подставленную ладонь Кейна.

— Сейчас не время для этого. — Мягко ответил он.

— А для чего время? — Анита снова замахнулась. — Сдохнуть?!

— Мириам. — Сказал Кейн. — Включи коммуникатор.

— Ой, и правда. — Мириам дотронулась до переключателя. В ее ухо ворвался шум, заглушающий даже гул толпы за окнами. Не менее пяти голосов кричали и переговаривались.

— А что их так много? — Спросила Мириам, пытаясь разобрать в этом гомоне хоть что-то.

— Четыре минуты назад Ланье сдвинул общие частоты и включил шифрование. — Ответил Кейн. — Теперь у нас одна частота с гвардией, на ближайшие несколько часов.

Анита, воспользовавшись тем, что он отвлекся, ударила его подушкой по голове.

— Ну и иди! — Почти выкрикнула она. — Вперед, раздавай стволы, как тебе сказали! Девчонки, тащите это в зал, будем воевать, раз ничего другого не выходит!

Мириам, восприняв ее выкрик на свой счет, подхватила подмышку пару тяжелых ружей, завернутых в промасленную ветошь, и потащила, прислушиваясь к голосам, шипящим в переговорнике:

— …весенняя, четырнадцатый, направляйте в обход, затор…

— …ворота, у нас паника, кто-то стрелял, повторяю…

— …четырнадцатый, не слышу, повторите…

— …пятый, восемь трупов, не можем остановить…

— …направляйте в обход, иначе нас тут сметут…

— …стоять, я сказал стоять…

Хрип, крики, звучащие совсем рядом. Голос шерифа, перекрывающий остальные:

— Паникеров валить на месте, это приказ. Через полчаса все должны быть в местах сбора. Кто не успел — будет лезть через баррикады.

Голоса замерли на долю секунды, затем ожили снова:

— …бросай вещи, быстрее, быстрее…

— …стоять, куда…

— …проходите, в обход, по этой улице…

— …держаться, держаться, держать цепь…

— …стреляю…

— …скажите не лезть в церковь, много…

Сквозь голоса прорвались частые и очень тихие хлопки игольника. Затем прорезался голос Би:

— Мириам, где ты?

Девушка в недоумении оглянулась — она как раз дошла до комнаты розового цвета, совсем рядом с залом. Потом опомнилась и включила микрофон.

— Это Мириам, я на месте, в «Белочке».

— Я рядом, есть проблема, иду к вам. — Голос Би утонул в выкриках, странным образом двоящихся в ушах. Только вытащив ружья в главный зал, и уложив их на пол, Мириам поняла, что кричит толпа за окном — неровно, но очень громко скандируя: «Ястреб! Ястреб! Ястреб!». Женщины и дети, собравшиеся в холле, прильнули к окнам. Кейн, опустив на пол ворох патронташей, встал рядом с Мириам. Крики продолжали усиливаться, ударяясь о стены «Белочки» так, что дрожали стекла.

По веранде простучали тяжелые шаги, и двойная дверь распахнулась, впустив четверку гвардейцев, мгновенно оттеснивших людей от входа. Следом за ними, в сопровождении еще одной четверки, в «Белочку» вошел воин в алых доспехах. Шлем с рядом горизонтальных прорезей повернулся, оглядывая помещение.

— Пустая комната. — Сказал механический голос, и рука в красной перчатке указала на Аниту, вошедшую в комнату следом за Кейном. — Монах, Мириам, за мной. Сержант, ждите здесь.

— Ну… пошли. — Ответила Анита удивленно, и ее слова прозвучали непривычно громко. Крики на улице стихли, сменившись чуть слышным гулом.

— Вперед. — Отозвался механический голос.

В третий раз за ночь Мириам проследовала через ряд комнат, рассматривая яркие шторы, цветы на стенах, освещенные электрическими лампами, и постели с пышными одеялами, на которых, наверное, так здорово спать. Они прошли через комнату с Мамой, все так же, без движения, лежавшей на кровати, и оказались в комнате Кейна.

— Задерни шторы.

Анита подошла к окну, и потянула за шнур, закрывая окно.

— Ты не Саймон. — Сказала она тихо.

— Так заметно? — Спросила Би нормальным голосом, снимая шлем.

— Да он выше ростом, ходит совсем иначе. И рукой машет, так, знаешь… когда ему кричат.

— Ясно. Но ненадолго меня хватит. — Она сняла со спины небольшой черный игольник с длинным утолщенным стволом, и положила его на столик под зеркалом. — Он, значит, бывал здесь?

— Так я тебе и сказала.

Би пожала плечами в красных наплечниках, рассматривая себя в зеркале. Мириам бросилась в глаза ее мертвенная бледность и глаза, ставшие еще темнее из-за зрачков, занявших всю радужку — как когда-то, на площади перед Магистратом.

— С тобой все нормально? — Спросила она. — Ты выглядишь…

— «Белая грань». — Ответила Би. — Боевой стимулятор, разработанный в Атланте. У него была пара доз.

— Это не вредно?

— Пули вредны… для организма. А от него у меня разве что проблемы с памятью. — Она сняла с бедра пластиковый цилиндр, похожий на маленький картридж от игольника. — А тут есть вода?

— Сейчас принесу. — Сказала Анита и вышла.

— Тебе не хватит? — Спросил Кейн. — Он держит трое суток.

— Это не для меня. — Ответила Би, развинчивая цилиндр. — Две капсулы. Ланье далеко, Арго это не нужно, у него все с собой…

— Хочешь дать это ей?

— И тебе.

— Мне не понадобится.

— Уверен? Знаешь, как он действует?

— Да. У меня тоже все с собой.

— Ладно. Тогда только ты. — На ладонь Би в красной перчатке упала большая продолговатая капсула, черная, словно гладкий речной камешек. — Бери, запьешь водой.

— А что… со мной будет? — Спросила Мириам, рассматривая капсулу.

— Не будешь хотеть спать и есть, не будут дрожать руки… и еще много разных вещей. — Опять посмотрев в зеркало, Би потянула за заколку, стягивавшую волосы на затылке.

— Тогда… здорово. — Сказала Мириам и зевнула.

— Это то, что я думаю? — Спросил Кейн, дотрагиваясь до ствола игольника, лежащего у зеркала.

— Акселератор. — Ответила Би. — Тоже нашла у него.

Вошла Анита, с небольшим прозрачным кувшином, и протянула его Би. Та кивнула на Мириам.

— Ей?

— Да.

— Акселератор? — Кейн легонько погладил ствол. — И на сколько его хватит?

— Батарея умрет быстро, шестьдесят выстрелов максимум.

— Бронебойные?

— Нет, экспансивные.

— Что? На такой скорости они будут рваться на выходе из ствола…

— Мне это и нужно, пусть рвутся и летят дальше.

— А отдача?

— Плевать на отдачу.

Мириам, не слишком прислушиваясь к их разговору, рассматривала черную капсулу. Округлые бока отражали лампу, висящую в комнате, в виде четырех симметричных огней, окруженных плоской электрической радугой.

— А что за проблема? — Спросила она, подняв глаза. И увидела, как Би в очередной раз проводит по волосам рукой в перчатке. — Ну, ты сказала что есть проблема, и пришла…

— Ага. — Поддержала ее Анита. — Подумай, что сейчас на площади говорят. Барон перед боем — да в наше заведение. Подбодрить себя, не иначе. Саймону это ну точно не понравится…

— Не подумала. — Ответила Би. — А проблема… с волосами.

— Что?

— Не хочу резать. А когда они под щитком, не могу одеть шлем. А если без щитка, то не могу закрыть маску. А без маски, но в шлеме… лучше уж вообще без шлема.

— Но у барона были длинные волосы? — Вспомнила Мириам. — Он же его как-то носил?

Она взяла в руки шлем, оставленный Би на столике.

— Тут есть отверстия, на затылке, вниз смотрят. Наверное для этих трубок, но их больше… Если разделить волосы, и аккуратно…

— Что значит «были»? — Анита обошла Би, заглядывая ей в лицо. — Где вообще Саймон?

— Ты же не будешь болтать об этом?

— О чем?

— Ты уже поняла. — Би повернулась к Мириам. — Помнишь, ты мне как-то предлагала…

— Значит, косички?

— Косички.

IV.

Это началось с губ.

Прикосновение холода, невидимый ветер, остужающий кожу. Онемение распространилось на щеки, поползло вниз по шее, плечам, заставив пальцы Мириам вцепиться в пояс джинсов и ремень игольника. Холод просочился следом, скользнул по бедрам, потек в горло и взорвался в животе — почти видимым шаром белого света, вздувшимся и прыгнувшим вверх, к глазам. Окружающий мир застыл на секунду, превратившись в цветной кристалл. В нем была Би, ее плащ и тонкие косички, спадающие из прорезей в шлеме. А еще толпа, блестящие от пота лица, белые фонари и острые тени палаток, падающие под ноги гвардейцам, черным и квадратным в своих бронежилетах…

Кристалл задрожал и треснул. Волна жара рванулась вслед за волной холода. По невидимым каналам нервов, вдоль позвоночника, щекоча между пальцами рук и ног, наполняя бедра непристойным теплом. Так резко, что Мириам покачнулась, и поймала удивленный взгляд Аниты.

— Ох, что это у тебя с глазами? — Прошептала та. Шевельнулись темные губы, каждая черточка ее лица вдруг проявилась под светом фонарей — неаккуратные штрихи карандаша, помада, скатавшаяся в едва заметные комочки в уголках рта, веснушки, рассыпанные по загорелым щекам.

Секунду они с Мириам пристально смотрели друг на друга.

— Что? — Снова спросила Анита. Мириам едва разобрала ее голос, заглушенный гулом окружающей их толпы. И только тряхнула головой в ответ.

Она совсем не была уверена, что сможет сейчас нормально говорить. Жар, бегущий по нервам, приутих, сосредоточившись в голове, где-то сразу за глазами, оставив следы белого свечения на самой границе поля зрения.

— «Белая грань.» — Вспомнила Мириам слова Би, и ночь окончательно отступила. Это не был рассвет. Светлее не стало, но детали, до сих пор скрытые темнотой, проступили отчетливее: лица в неосвещенных зевах палаток, груды мешков, перекрывающие подворотни, движение на улицах, параллельных той, по которой они шли, хаотичное и непонятное. Переговорник хрипел, захлебываясь, человеческие реки бурлили, исходя пеной, а белый плащ впереди трепетал над красным доспехом. И только сейчас Мириам почувствовала, насколько реальны эти голоса, увидела тех, кто говорит.

Пятый взвод — две цепочки щитов перед самыми воротами Верхнего города, отжимающие толпу от стен и трупов, сваленных вдоль них.

Восьмой взвод, разделяющий людей в воротах на три потока, в три улицы.

Четырнадцатый, которым командует Никки, голос которого она узнала только сейчас — красные точки среди толпы внизу, за стеной, на площади под решетчатой башней.

И над каждым голосом — свой цвет, словно маленькое пламя. И не только над ними — над каждым человеком в толпе, небольшое, из нескольких разноцветных язычков, переплетенных, как косички Би. Тысячи огоньков, людей и цветов вокруг — на улицах,

уходящих вниз. И то же самое на другом холме — пожар площади перед магистратом, собирающий к себе рои разноцветных искр, ползущих по склонам между домами.

Мириам снова покачнулась, ухватившись за перила мостика из светлого железа, по которому они шли. Кейн, обойдя Аниту, молча взял ее под руку.

— Сколько огней. — Выдохнула Мириам. — Сколько же их?

— Не стоило давать тебе это. — Сказал Кейн. — Доза может оказаться великовата.

— Теперь я точно не хочу спать. — Ответила Мириам.

Би, идущая впереди, оглянулась и кивнула.

— Тут, что ли? — Спросила Анита.

— Да. — Ответила Мириам.

Она узнала это место сразу. Всего несколько дней назад они уже стояли здесь, глядя на город — она и Би. Сейчас площадка на башне казалась еще меньше, загроможденная мешками с песком, каменными плитами, прислоненными к плоским зубцам, и грудами камней, скрывающимися за ними. В бойницах между зубцами и на самих зубцах лежали плоские доски — столешницы без ножек, сломанные кровати и двери, видимо, из соседних домов.

— Построение! — Скомандовал знакомый голос. Гвардейцы, таскавшие камни к краю площадки, поспешно сбежались, расталкивая ополченцев, обычных горожан, без бронежилетов, строясь двумя рядами перед Би. Секунд через двадцать у бойниц не осталось никого, кроме огромной фигуры в механизированной броне, стоящей ко всем спиной.

— Двенадцатый, третий, и седьмой взводы готовы. — Рявкнул Торренс, шагнув вперед. — Район подготовлен к обороне, выводим людей…

Красный шлем качнулся.

— Вольно. — Сказал механический голос. — Я слышу радио, сержант. Пятый и восьмой взводы остаются внизу до последнего, затем подходят к вам. Четырнадцатый занимает позицию внизу, у ворот, за Молотами. Вы прикрываете их всех отсюда. Принимайте пополнение, тридцать стволов.

— Привет, сержант. — Неестественно веселым голосом сказала Анита. — Давай, приказывай, куда моим девочкам встать.

По ряду гвардейцев пробежали смешки, а Клайв недовольно осмотрел строй девушек в ярких плащах.

— Нарочно так оделись? — Спросил он наконец. — Чтоб только по вам и стреляли?

— Хотим умереть красивыми. — Ответила Анита без тени улыбки.

— Драться придется всем. — Сказала Би. — Женщинам, детям, старикам. Если кто-то не понял, лично сброшу со стены. Приказы ясны?

— Да, барон.

— Приступайте!

— На позицию! — Снова рявкнул сержант, и строй рассыпался. Гвардейцы смешались с ополченцами, двинулись с места волокуши с камнями. Заграждения у мостиков, ведущих на площадку, начали расти. Девушки Аниты направились следом за Торренсом, к краю башни, нависающему над площадью.

— Они боятся. — Прошептала Мириам, встав рядом с Би. Красный шлем слегка кивнул в ответ. — Их цвета такие жаркие, я вижу все. Страха больше всего.

— А кто не боится? — Прозвучал в переговорнике голос Би.

— Он. — Мириам указала в сторону человека в броне. — Совсем наоборот, он весь

горит от нетерпения.

— Это Арго?

— Да, конечно. Только у него такие цвета, немного похожие на твои.

— Не нужно.

— Что?

— Рассказывать мне, что я чувствую.

— Извини, я не хотела.

— Он, и ты — вы можете видеть. Но не думаю, что вы можете чувствовать то, что видите.

— То есть чувствовать то же, что и ты? Кажется, я могу. Только это очень страшно.

— Страшно?

— Если я буду чувствовать за кого-то, то где тогда буду я сама? Вдруг я не смогу найти себя… потом?

Би помедлила, потом кивнула в ответ.

— Пойди, поговори с ним. — Сказала она. — Уже недолго осталось.

Она повернулась к своему конвою и ополченцам, собравшимся у входа на площадку. Мириам пошла к зубцам, висящим над площадью, обходя груды булыжников и гвардейцев, таскающих доски для укреплений.

— Это… похоже на арену? — Спросила она, остановившись рядом с гладиатором. — Помнишь, ты рассказывал, про бетонную яму…

Место, вид на которое открывался теперь внизу, меньше всего походило на Обзорную площадь. Исчез шатер, разгромленный после перестрелки с Шипами, столики и деревянный бар — скорее всего, став частью баррикад, перекрывших три из четырех улиц, поднимающихся на площадь. Баррикады полностью изменили ее облик, превратив в некрасивый лабиринт. Валы из камней, деревянных обломков, мешков с песком и бетонных плит делили ее теперь на неровные ломти, между которыми горели костры, едва освещая сидевших вокруг людей.

Гладиатор неторопливо обернулся.

— Маленькая. — Сказал он в ответ, глядя на нее с каким-то непонятным выражением — Быстро трупами завалим.

— Тебе будет там тесно?

— А то. — Арго улыбнулся в сторону девушек, которых Анита расставляла под прикрытием зубцов слева. — Не то, что у вас здесь.

Пластины его брони лязгнули, когда он поднял меч, с очень широким лезвием, и длинной рукоятью, плашмя уложив его на правый наплечник.

— А где… мотор? — Спросила Мириам. — У тебя разве не такая же броня, как у Ланье?

— Приводы ограничивают движения. — Ответил Арго. — Эту я сам перебрал, выкинул движок и лишние пластины. А в моторизованных пусть всякие слабаки ходят…

— Она наверное очень тяжелая.

— Зато держит выстрел из игольника. — Арго наклонился вперед, к Мириам. — А что у тебя с глазами?

— «Белая грань.» — Ответила она.

— Ого. — Как-то грустно сказал Арго. — Страшная штука. Видел, как под ней одного парня пополам разорвало, так он потом еще метров двести на руках полз.

— Я странно себя чувствую. — Согласилась Мириам. — Так светло вокруг.

— Это она тебе дала?

— Да.

— Теперь тебе три дня не спать.

— Правда?

— Если доживем. — Арго посмотрел вниз. — Хотя тут вовсе не плохое место для смерти. Я, вообще, попрощаться пришел.

— Попрощаться?

— Это обычай такой — прощаться перед боем. Чтобы потом не думать, что забыл о чем-то… или о ком-то.

— А как я могу о тебе забыть? Ты же будешь внизу, а я здесь…

— Обычай как обычай. — Гладиатор отвернулся. — Там три линии баррикад, видишь? Первые прямо на улицах, в горловинах — как одну сметут, мы отходим за вторую. Потом — за третью, а вы стреляете сверху.

— Я уже поняла.

Гладиатор кивнул. Стоя над площадью, в странном, болезненном отсвете «Грани» в глазах Мириам, он почему-то уже не казался таким огромным. Как если бы холм за его спиной, увенчанный зубчатым выступом Магистрата с желтыми глазами-окнами, и черным шпилем церкви, словно преломившись через невидимую линзу, оказался совсем рядом.

— Тогда прощаемся. — Сказал он.

— Прощай, Арго. — Мириам протянула ему руку. — Не забывай меня, хорошо?

Арго улыбнулся, и осторожно взял ее руку в свою.

— Тебя забудешь, как же. До встречи, что ли…

Его взгляд, устремленный ей за спину, внезапно изменился, став жестче. Она обернулась.

Перед Би, окруженной гвардейцами, стоял человек. Из-за широких спин в бронежилетах и черных шлемов Мириам была видна только его голова — длинные светлые волосы, слипшиеся от крови.

— Пора. — Сказал Арго. — Это, видать, парламентер.

Человек говорил, негромко, так что его могли слышать только Би и гвардейцы, стоящие рядом. Он едва успел сказать несколько фраз, когда Би прервала его, подняв руку.

— Можешь не продолжать. — Сказал механический голос. — Мы не сдадимся.

Окровавленный человек снова что-то сказал, и Мириам внезапно узнала его.

— Ты Джеффри. — Сказала она, когда Арго, раздвинув гвардейцев в стороны, подтолкнул ее к Би. — Ты продавал кредиты в магазине за воротами.

Тот поднял на нее глаза — избитый, грязный. Огонь, горящий в нем, дрожал от стыда и страха.

— Это посланец Картеля. — Сказала Би громко. — Его послали сговориться с рейдерами, а те отправили его назад. Уберите его на площадь, к раненным, он не парламентер.

— Я видел их. — Сказал Джеффри, когда пара гвардейцев уже взяли его за плечи. — Я видел их лагерь, видел этих… Ихана и Феникс. Их там тысячи, их лагерь невозможно обойти…

— Я знаю, сколько их. — Ответила Би. — И они все, слышишь, все сдохнут сегодня у наших стен! Уберите его.

Ее голос грянул над площадью, и снизу, от костров, раздались ответные крики.

— Молоты. — Сказал Арго, глядя вслед гвардейцам, уводящим Джеффри. — Пора и мне к ним.

— Покажи им, как нужно драться. — Сказала Би.

— Не сомневайся. — Ответил Арго. — У тебя не хватит кредитов, чтобы заплатить за зрелище, которое я сегодня устрою.

— Хочу видеть. — Ответила Би, и добавила уже тише, через переговорник. — Если это наш последний бой, то пусть его запомнят навсегда!

Интермедия III.

Кейн разложил винтовочные картриджи на доске, уложенной на плоский камень башенного зубца. Еще совсем недавно доска была частью стола — ее поверхность сохранила царапины от ножей, круглые следы от тарелок и кружек, и жирные пятна супа, некоторые совсем свежие. Картриджи, разобранная винтовка, дубинка, нож и пара патронташей выглядели на ней чужеродно. Но эта картина несла в себе какой-то символ, сообщение — оружие, занявшее место пищи. Фонарик с узким лучом, лежащий на краю доски, заставлял предметы отбрасывать длинные, непроницаемые тени, режущие столешницу на полосы.

Кейн не помнил, сколько он так сидит, глядя на свое оружие, и на город перед ним. Смутные очертания баррикад извивались внизу, в мерцании костров, изломанные человеческие тени бежали по брусчатке между ними. Переговорник тревожно шептал десятками голосов. Громада северного холма, увенчанного светящимся кубом магистрата, нависала над долиной — по которой, почти невидимые в сером сиянии подкрадывающегося рассвета, двигались, растекаясь по склонам, призрачные огни.

Заглушенные фары боевых машин.

Раскаты смеха, прозвучавшие внизу, на площади, пробились через крики гвардейцев, собиравших горожан в воротах — Арго рассказывал Молотам что-то забавное, и эхо его голоса гуляло по всей площади. За баррикадами оно не заглохло, а стало громче — горожане, бегущие из своих домов под покровом ночи, приветствовали барона, идущего им навстречу, по улице, ведущей к западным воротам. Где-то там прайм рассчитывала свернуть, и пройти по дуге через весь холм. Чтобы перед боем ее увидели как можно больше людей, и слухи о смерти Ястреба не смогли распространиться.

Мириам, которую она оставила на площадке, вместе с гвардейцами, сидела на стене, в пяти зубцах к востоку, свесив ноги, и тоже рассматривала долину. Ее волосы, завязанные высоко, почти на макушке, торчали вверх, немного удлиняя голову. Шлем болтался на левой руке, а пальцы правой поглаживали рукоять игольника с длинным магазином — видимо, непроизвольно. Почувствовав взгляд Кейна, она посмотрела в его сторону — всевидящим, лишенным возраста взглядом. Потом улыбнулась, и помахала рукой, совершенно по-детски.

Кейн улыбнулся в ответ. Мириам тоже была символом. Частью красоты, которая его окружала, мазком в картине, которая складывалась вокруг.

— Презираешь меня, да?

Лицо Аниты в свете фонарика казалось высеченным из камня — бледная мраморная кожа, рот и глаза, небрежно нарисованные охрой и углем.

— Могла бы додуматься. — Продолжила она, не дожидаясь ответа. — Слишком все складно получалось, прямо как в сказке, что в клетках для рабов на ночь рассказывают. Вспомнил, пришел, помог. Ни молвы не побоялся, ни бандитов. Даже не пьет. мМчта, да и только.

Она рассмеялась, коротко и резко.

— Только вот я не из сказки. Не припомню, чтобы сказки про шлюх были, а если и так — ведь он за девочкой пришел, которую помнит… Не за шлюхой. Хоть он и упрямый как черт, и не хочет в этом признаться.

— Видишь те огни? — Прервал ее Кейн. — Вон те, за городом, и столбы света, за ними?

Анита, до этого сидевшая на мешке с песком, приваленном к зубцу, встала, глядя в темноту.

— Вижу. — Сказала она. — И что?

— Это смерть. — Ответил Кейн. — Твоя, моя, их всех.

— Думаешь, мы все сдохнем?

— Конечно. Только не знаю, когда.

Она снова рассмеялась.

— Так никто не знает.

— Я хотел найти тебя до того, как это случится.

— Ну и нашел. А что дальше, ты подумал?

— Нет.

— Дурак!

— Но я же здесь, сейчас, с тобой?

— Ой ли? — Она скрипнула зубами. — Нет, ты не со мной. Ты там, в этих огнях, весь в этой войне. Помнишь, ты сказал про наши четырнадцать лет? Так вот, они прошли! И вместо того Кейна, которого я помню, его обещание выполнило какое-то бритое чучело. Улыбчивый убийца из Эрга. Только чего ради? Зачем я тебе теперь?!

Последние слова она почти выкрикнула. Несколько гвардейцев, возившихся с минометом неподалеку, обернулись. От девушек, собравшихся вокруг костра в двадцати шагах, раздался встревоженный шепот. Мириам, сидящая на стене, посмотрела в их сторону.

— Вот и они. — Продолжила Анита уже тише, кивнув в ее сторону. — Те, что с тобой пришли, такие же. Вроде снаружи люди, простые да понятные — а ведь не знаешь, чего от них ждать, на что способны.

— Зато они на нашей стороне. — Ответил Кейн.

— А я их все равно боюсь. — Ответила Анита. — И тебя… боюсь. Ты же как с ребенком со мной говоришь, улыбаешься все время — а мне страшно. Вот закончится сегодня все — отвалят рейдеры, и город уцелеет, и мы… А ты придешь, и скажешь: «Прощай, Анита, пойду я обратно в пустыню, ворон стрелять…».

— Не скажу.

— Не верю. И не надо мне про смерть — есть вещи пострашнее. Страшно одной умереть, забытой всеми, в песке, от звериных зубов, или под колесами. А не так, как нам сегодня светит, с друзьями рядом, от пули, или от ножа. Страшно… от тебя правду услышать. Только не надо мне снова про обещание — нет больше того Кейна, или Аниты, что обещали. А есть монах-бродяга и шлюха, с борделем в придачу. Вот и скажи мне, здесь и сейчас — останешься со мной, если живы будем, или постыдишься?

— Разве я уже не с тобой? — Кейн подвинул к себе патронташ, и принялся распределять картриджи по кармашкам.

— Надолго ли?

— Сейчас, Анита, в этот самый момент.

Мягко щелкнул ствол, присоединяемый к винтовке. Анита страдальчески наморщила

лоб.

— Сейчас?

— Мы уже десять минут обсуждаем твои сомнения. Но к чему они, если здесь и сейчас — мы рядом? Не после боя, который мы можем не пережить. И не двенадцать лет назад — сейчас.

— Ты это к тому, что если через час мы все тут сдохнем… — Она оглядела площадку, гвардейцев, своих девушек, греющихся у огня. — То получится, что сейчас мы просто зря время теряем… на разговоры? Вместо того, чтобы…

— В целом верный вывод. — Прицел с тихим гудением сложился, и Кейн забросил винтовку за спину. — Неожиданный, но по сути…

— Ты кретин! — Крик Аниты заставил обернуться даже ополченцев, перетаскивающих мешки с песком на другом конце площадки.

— Ты дурак. — Добавила она тоном ниже, кладя обе ладони Кейну на грудь. — Чучело разрисованное. Ну вот почему ты мне этого раньше не сказал? Ну хотя бы час назад, а? А то все созерцание-любование… Сам посмотри вокруг — там хотя бы кровати были…

Глава VI

Интермедия IV.

Бусы брызнули в стороны, отражая пожар в полированных стеклянных гранях — маленький оранжевый фейерверк, окрашенный каплями крови. Огоньки рассыпались по желтой траве, и погасли, отмечая места падения отсеченных пальцев — одного, второго, третьего.

Старший Тигр упал на колено, прижимая к груди покалеченную руку. Ихан наклонился к нему. Его ладони были пусты, лезвие исчезло так же неожиданно, как и появилось.

— Я приказывал стрелять? — Спросил он тихо. Восьмерка Тигров, стоявших перед ним, начала медленно опускаться на колени.

— Я сказал потрошить овец? — Ихан кивнул в сторону горящей фермы, и трупов во дворе.

За его спиной в предрассветном сумраке двигались тени броневиков, следующих разбросанным Пауками вехам. "Ривер" Ихана, ничем не отличающийся от других машин, стоял рядом, вместе с машинами сопровождения, и каром провинившейся восьмерки.

— Повтори мой приказ.

— Проложить дорогу, как можно быстрее обойти долину, занять все посты, и сигналить грузовикам.

— А ты что делал?

— Так они стреляли…

— Овцы? — Ихан оглядел восьмерку. — Не вижу раненых…

Что-то сбилось в мерном урчании моторов на дороге. Небольшой кар вылетел на обочину, и резко затормозил рядом с Иханом, чуть не задев его. В свете пожара заблестели полированные трубки открытой кабины, и яркие, розовые и зеленые пластины брони над мотором.

— Воспитываешь? — Раздался голос сверху, с решетчатого кресла, прикрученного к кабине.

— Не твое дело, Змея. — ответил Ихан.

— Давай я его пристрелю, и поедем дальше.

— Дотронься до него хоть пальцем, и я выпущу тебе кишки! — Взорвался Ихан. — Не лезь в мои дела!

— Да трогай их сам, сколько хочется. Я так, предложила. — Феникс спрыгнула на траву со своего импровизированного трона, и встала рядом с ним, высокая, гибкая, в кожаной броне с нашитыми поверх зелеными лоскутами. — Тут Брухо рядом. Проснулся, и повоевать решил. Может, поговоришь с ним? А то меня он слушать не станет, пока иглу в глаз не всажу.

— Поговорю. — Мрачно согласился Ихан. Короткий клинок, снова возникший у него в руке, указал на Тигра, стоящего сразу за старшим. — Принимаешь восьмерку. Тебе мой приказ ясен?

— Да.

— Ты. — Лезвие указало на Тигра с покалеченной рукой. — Либо сдохни в бою, либо

дерись лучше всех, и докажи, что ты старший. Понял?

— Да.

— Поехали.

Ихан отошел к остаткам забора из проволоки, снесенного взрывом. Сопровождающие кары развернулись во дворе, став треугольником. С краю, рядом с ними, затормозила еще пара машин Змей, поблескивая в темноте яркими разноцветными пятнами.

— Переживаешь? — Спросила Феникс, и засмеялась. Ихан, подумав, присоединился к ней.

— Волнуюсь. — Сказал он, отсмеявшись. — Давно мы так не веселились…

— И я. — Ответила Феникс, и оперлась локтями о столб, обмотанный проволокой. — А что не так с этими землеройками?

Она кивнула в сторону горящей фермы, и черных пятен на траве — труп мужчины у дома, и, чуть ближе к дороге трупы женщины и собаки, лежащие рядом.

— Не вовремя. — Ихан сморщил нос. — Дай одному сделать что-то по-своему — и захотят все. Пусть проголодаются, пусть знают, что жратва ждет их там, а не бусы с овец тянут…

Он ткнул пальцем в светящийся муравейник Хокса, возвышающийся за деревьями.

— Смотри как суетятся. — Феникс привстала на цыпочки, рассматривая город. — Сколько огоньков! Заметили нас, и кишки поприжало, а?

— Они ждали. — Ихан кивнул в сторону каров сопровождения, исходящих треском статики и речитативом радиопереговоров. — Сбежали с постов. На въездах ни железки, ни человека. Что эти земляные тут делают, я не пойму…

— Тупые свиньи. — Ответила Феникс. — Видел, как режут свиней, Ихан?

— Ты это к чему?

— Их режут по одной. Выводят из загона, и колют в сердце. Иногда валят с одного удара, иногда не получается, свинья начинает рваться и визжать. Другие это слышат, и тоже визжат — они же умные, поумнее некоторых людей. Но только сделать ничего не могут — понимаешь, они же в загоне. Нет чтобы всем рвануться, сломать забор да растоптать этих людишек — но они визжат, и ждут, когда их выведут, одну за другой.

— Ты что, жила на ферме? — После долгой паузы спросил Ихан.

Феникс зашипела как кошка, и тени, следящие за их разговором из-за каров, зашевелились.

— Откусить тебе нос? — Она наклонилась вперед, так что ее лицо, покрытое боевой раскраской, оказалось совсем близко к Ихану — желто-черная полосатая маска с глазами, блестящими безумием.

— Нет. Извини, ты права… насчет свиней.

— Ага, так-то лучше.

Она повернула голову к дороге. Тяжелый транспортер свернул на обочину, и остановился в темноте, рядом с цветными карами Змей. Ихан, презрительно сжав губы, наблюдал за тем, как из кара выбирается нечто большое — словно двуногий зверь, с ног до головы покрытый шерстью и металлическими бляшками.

Брухо приблизился, и к запаху пожара добавился его собственный — мокрых от крови шкур, плохо высушенных на солнце. Феникс предусмотрительно отступила за столб, в тень — старший из Волков питал к Змеям стойкую неприязнь.

— Чего тут встали? — Звучание голоса Брухо, слишком тонкого и тихого для такого

большого тела, заставило Ихана улыбнуться. — Вот же он, город, подъехать к нему, и все. А где Хайд?

— Хайд заходит с востока, чтобы перекрыть горловину. — Ихан сморщился, пряча улыбку, и Брухо с подозрением посмотрел на него. — Они не бегут, как мы и думали. Так что туда мы подведем минометы и пушки.

— С ним половина моих Волков!

— Ты бы еще дольше дрых! — Не выдержала Феникс. — Мы бы уже город взяли…

Огромная голова Брухо дернулась, словно отгоняя назойливую муху.

— Надо было загрузить его машины. — Сказал Ихан. — Твоих людей там больше, и свою долю добычи они возьмут.

— Хайд не пойдет на штурм первым. — Брухо тряхнул широкой бородой, и вплетенные в нее кредиты зазвенели. — Он отправит моих Волков, а Пауки спрячутся за ними, за их спинами.

— Не ты ли сам говорил. — Вкрадчиво начал Ихан. — Что готов взять этот городишко хоть днем, хоть ночью, хоть со связанными руками? Так вот он, бери. Если твои люди ворвутся туда первыми, раньше моих Тигров, или раньше Змей, то им и достанется больше — выпивки, барахла, женщин. Так, Брухо?

— Но их и погибнет больше…

— А мертвым добыча ни к чему. — Феникс звонко шлепнула по столбу, о который опиралась. — Живые пируют, мертвые гниют.

Кажется, только теперь Брухо увидел ее. Волк наклонился вперед, в упор вглядываясь в Змею.

— Мне снился сон. — Медленно, растягивая слова, заговорил Брухо. — Гнилое мясо. Гора, покрытая мухами снизу доверху…

— Если бы я столько курила… — Начала было Феникс, но осеклась, наткнувшись на предостерегающий взгляд Ихана. Брухо этого словно бы и не заметил.

— … и я стоял у ее подножия. Там были трупы людей и зверей, всех вместе, и я шел по ним к вершине, как по вязкой грязи. И когда я уже был совсем близко…

Брухо остановился, чтобы набрать воздуха в грудь, и Ихан заметил, что его трясет — то ли от наркотика, то ли от волнения.

— … в двух шагах от вершины, я увидел, что мне навстречу кто-то идет, спускается сверху. Я знал, что он приближается, видел его очертания в облаках мух, но лица так и не разглядел. Это плохой сон.

— Ой, а мне что снилось! — Воскликнула Феникс. — Каждую ночь снится, а все не надоест. Такой, знаешь, длинный, здоровенный, горячий…

Брухо дернул вниз ремень, пересекавший его грудь, и Феникс лениво отступила от столба. Широкое округлое лезвие со свистом вылетело из-за широкой спины старшего из Волков, и рассадило деревяшку до самой земли.

— …почти как твой топор. — Уже тише продолжила Феникс. — Только разве что ухватистее…

— Это всего лишь сон. — Сказал Ихан. — Мне они не снятся.

— Сны — это двери. — Непонятно ответил Брухо.

— А еще мне снилось. — Голос Феникс упал до вкрадчивого шипения, накладываясь на хрип радио в машинах сопровождения, стоящих вокруг. — Что твои Волки забыли о Праве Ножа, опять. И мне пришлось наказать некоторых — очень больно.

Брухо отвел взгляд от города, и тяжело взглянул на Змею.

— Мы воины, на что нам бабы с ножами?

— Я тебе это напомню.

— Вечером, на пиру… после того, как мои Волки возьмут этот город!

Он выдернул топор, отвернулся, и пошел к своей машине.

— На секунду стало весело. — Сказала Феникс, когда Волк забрался в броневик. — Думала, он замахнется еще раз, и мои девочки наделают в нем дырок.

— Тридцать сотен Волков вокруг. — Скривился Ихан.

— Если Хайд постарается, то их станет меньше. И нам не придется больше возиться с этой тушей.

— Он хороший боец. — Ихан наклонил голову, прислушиваясь к шипению радио в своем каре. — Слишком хороший, чтобы закопать его в этом городке.

— Лучше могила под стенами Атланты? — Феникс мечтательно рассмеялась. — Атланта… ты видел, какая она красивая? Эти прозрачные дома… Хорошее место для смерти — а ему хватит и этого городишки.

— Но не нам. — Ответил Ихан. — Пора, передовые машины на расстоянии выстрела от стен, и меньше чем через час встает солнце.

— Двигаем. — Феникс мелодично свистнула, и моторы разрисованных каров Змей взревели в ответ. — Все по плану, Тигр? Я иду с запада, и бью в сердце?

— Да. Возьмем вершины одновременно, пока солнце не оказалось слишком высоко. Плохо будет праздновать на жаре.

— Тогда до встречи наверху.

Ихан рассеяно кивнул, отобрал гарнитуру у связиста, сидящего в кабине его кара, и прижал к уху. Один за другим кары Змей выехали на дорогу, вклиниваясь между броневиками Волков, перегруженными людьми, большинство из которых сидело прямо на броне. Шипящие голоса в гарнитуре докладывали один за другим: долина покинута, следы колес совсем свежие, машины во дворах сломаны, три фермы, пытавшиеся обороняться, сожжены.

Ихан резко обернулся к догорающему дому, выхватывая игольник, но двор был пуст. Никакого движения. Хотя он готов был поклясться, что долю секунды назад там, во дворе кто-то стоял — невысокого роста, подросток или девушка, с пучком волос, высоко завязанных на затылке. И взглядом, реальным как прикосновение.

Призрак? Тень мертвецов, решивших напоследок посмотреть в глаза своим убийцам?

Ихан ухмыльнулся, и убрал оружие, снова берясь за гарнитуру. Его мертвецы всегда оставались мертвыми, и он, никогда не боявшийся живых, не находил в них совершенно ничего страшного.

I.

Мириам наклонилась вперед, задыхаясь, ее пальцы изо всех сил впились в края бетонной плиты, на которой она сидела. Настоящий бетон, реальная боль, площадь внизу, в тридцати метрах, приближающаяся и отдаляющаяся с каждым вздохом. С трудом контролируя свои движения, она медленно подтянула ноги и оттолкнулась от края зубца, чуть не опрокинувшись на спину. Повернулась и села, уронив руки на колени.

Дыхание не спешило успокаиваться. Ужас накатывался волнами, и площадка на башне, освещенная белым сиянием, пульсировала вокруг, странным образом выгибаясь. Она сжала свое колено, ощущая кости под плотной тканью, провела пальцами по лицу, волосам, задела

поджившую ссадину на скуле — все это было настоящим.

Живым.

Перед глазами все еще стоял седоволосый рейдер, обернувшийся на взгляд, увидевший ее — она прочла это в его движении, и цветах. Она оказалась там, просто сосредоточившись на огоньке, одном из многих, движущихся по склонам за холмами. Вспоминая свой сон — дом, поле, двор, собака, лающая на проезжающие машины… и она, стоящая во дворе.

Застреленная из кара, снесшего забор и взорвавшего дом.

Это ее бусы лежали там, в траве, россыпью стекляшек на кровавом пятне? Или нет… она стояла над телом хозяйки дома. Но как можно стоять, если у тебя нет ног, рук, или рта, чтобы закричать?

Еще один приступ паники заставил Мириам вжать голову в плечи. Чужое чувство, принадлежащее не ей, но ее телу, испугавшемуся, что она опять уйдет, оставив его здесь, на этой бетонной плите. Тошнотворный ужас, многократно усиленный "Белой гранью".

Она изо всех сил сжала зубы, чтобы ее не стошнило. На нее и так косились гвардейцы, монтирующие трубы минометов посреди площадки.

Сломанная Маска не говорил, что так можно, смотреть туда, где тебя совсем нет. Или видеть во сне, чужими глазами, и помнить чужие воспоминания. И вообще, он ничего не сказал о том, что она может.

Ее Талант — что это на самом деле значит?

— Я на позиции. — Голос Кейна пробился через другие голоса, шепчущие в переговорнике. — Сектор восточных ворот, вижу все отлично. У госпиталя давка.

Мириам спрыгнула с зубца, и потянулась, расправляя плечи. Анита, рассказывающая что-то своим девушкам, собравшимся у маленького костра неподалеку, бросила на нее вопросительный взгляд. За последние полчаса ее цвета менялись столько раз, что Мириам уже устала этому удивляться. От отчаянной тоски до веселой решимости, сквозящей теперь в каждом ее движении.

Возможно, дело было в Кейне, которого она так долго целовала на прощание? Интересно, можно ли монахам целоваться?

Мириам запрыгнула обратно на зубец, отыскивая взглядом госпиталь. И вдруг поймала себя на том, что последний вопрос прозвучал в ее голове голосом Тани.

Где же она? Пришла ли на площадь вместе со всеми?

— Нет времени. Одиннадцатый на крыше, устанавливаем орудия. — Шериф хрипел, видимо, надорвав голос. — Док, как вы там?

— Держимся, но понадобится коридор, когда начнут прибывать раненые — тут и так толпа.

— С коридором сложно, все люди на стенах.

Госпиталь выступал слева, черным треугольником крыши со сколотым зубом. Площади, о которой говорил Кейн, видно не было — ее закрывали окружающие дома. В светящихся окнах госпиталя что-то двигалось, и на крыше тоже. Вспомнив про прицел на игольнике, Мириам сняла его со спины, и подняла, направив на госпиталь. Сколотый зуб прыгнул ей навстречу. Расположившиеся там гвардейцы прикручивали к бетонному перекрытию сошки металлических труб, под углом направленных к воротам — таких же, как на площадке рядом с Мириам.

— Госпиталь простреливается с восточной стены Верхнего города. — Сказала Би очень тихо, едва слышно за перекличкой взводов. — Но тем, кто во дворе, мы помочь не сможем.

Док, вы уверены, что сможете удержать его?

— Здесь полторы сотни человек. — Так же тихо ответил доктор. — И нас… тридцать. Сделаем все, что сможем. Это здание легко оборонять.

— Не против ракет. Вооружите раненых во дворе, если есть чем — осталось недолго. Я вижу их машины, у бетонных заграждений на дороге.

Мириам перевела прицел левее, и дотронулась до уже знакомого ей шарика на грани ствола, оказавшегося прямо под большим пальцем левой руки. Восточные ворота выросли в размерах. Стали различимы детали — ноздреватые бетонные столбы, срезанные сверху, деревянные брусья, дорога, усыпанная клочьями палаток. Дальше бежала земля, испещренная пятнами кострищ, и снова дорога, уставленная брошенными машинами, до самых бетонных заграждений, между которыми так ловко проезжал Ланье. А за ними…

Игольник дрогнул в ее руках.

Там останавливались машины. Беспорядочно, вплотную, на обочинах и прямо на дороге, разбрасывая и давя остатки лагеря беженцев — квадратные кары, с открытыми кузовами и срезанными стенками, платформы на колесах, груженные людьми. Между машинами бурлили серые и коричневые накидки. Загорелые руки сжимали длинные лезвия, ножи или копья — игольников Мириам разглядеть не могла. Людей прибывало, кары останавливались дальше на дороге, заезжая между деревьями, мелькая на дорогах, ведущих на основной въезд, все больше и больше. Мириам повела прицелом дальше — поток машин вливался между двумя холмами, со стороны Атланты, и сосчитать их не было никакой возможности. Пыльная волна колес, сияющих фар и грязных плащей. Сотни клинков, цветные флажки и черепа на остриях копий — Рука вступала в долину в розовом ореоле рассвета.

— Сектор не пристрелян. — Включился в разговор Ланье. — Наверное, смогу достать их из "Единорога".

— Пока нет. — Ответила Би. — Ждем.

Их голоса казались спокойными, как у пары фермеров, обсуждающих урожай. Мириам повела прицелом левее, следуя за машинами, вливающимися в общий поток со склонов долины.

Огни фар больше не казались яркими. Между дымных столбов, поднимающихся из-за аккуратных рядов яблонь, мелькали стальные рамы и броневые пластины. Там были не только грузовые кары, но и поменьше, быстрые, словно рыбы в оросительном канале, двигающиеся вправо и влево, по кругу вокруг города.

Долина кишела ими, как муравьями, заползшими в миску с сиропом.

— Би… а где ты? — Спросила Мириам.

— Дом за стеной, слева от восточных ворот. Не должен рухнуть, я проверила.

Западный въезд в долину бурлил металлическим месивом, все еще скрытым тенью. Оттуда машины расползались существенно быстрее, и грузовиков среди них было меньше — преобладали легкие кары, сплошь усаженные людьми и почему-то раскрашенные в яркие цвета. Эти, зеленые, красные и розовые, смотрелись как-то особенно жутко. И сбрасывали своих всадников в такой же аляповатой разноцветной броне у края стоянки для каров, которую Мириам так хорошо запомнила.

— А почему эти… цветные? — Спросила она.

— Это Змеи. — Через несколько секунд отозвалась Би.

— Они все бабы. — Вмешался в разговор Ланье. — То есть ненормальные бабы,

конечно…

— Две трети банды — женщины. — Поправила его Би.

— Девушки? — Удивилась Мириам. — Вот эти все?

— Ну я бы не стал утверждать, что девушки…

— Феникс берет под защиту женщин, которые попадают к рейдерам. — Сазала Би. — Они — самая маленькая и жестокая банда Руки.

— Защищает всех женщин?

— Нет… далеко не всех.

— А кто эти, в шкурах?

— С востока? Это Волки, настоящие дикари. Говорят, что их дом — это глубокий Эрг.

— Минут двадцать до рассвета. — Голос шерифа звучал жутко, словно хрип статики сам складывался в слова. — Вот и все, ребятки. Кто не успел?

— Церковь забита. — Отозвался голос одного из людей Ланье, который Мириам узнала с некоторым трудом. — Заваливаем улицы, но нам ее не прикрыть, к ней подходы широкие.

— Через них и полезут. Отводите людей за бетон.

— Народ через баррикады прет…

— Гвардию и наемников за бетон, очистить площадь перед церковью!

— Выполняем.

— Клайв, Ник, сколько народу прошло наверх?

— Да с две трети, стало поменьше, но ворота нельзя закрывать…

— У вас еще десять минут. Клайв?

— Установили минометную батарею. У нас на стене восемьдесят стрелков, внизу три сотни Молотов.

— Ланье, мы готовы?

— Пусть только сунутся, подарки разложены, фейерверки готовы. Начнем по команде.

— Боже, сколько их… — Незнакомый голос на общем канале, испуганно оборвавший фразу.

— На позиции. — Закричал Торренс где-то позади. Мириам спрыгнула со стены, укрываясь за бетонной плитой. Слева рассыпались в стороны от костра цветные плащи девушек Аниты. Они усаживались рядом с бойницами, между зубцами, а рыжая голова самой Аниты мелькнула еще дальше, среди черных бронежилетов гвардейцев.

Долина, простирающаяся за стеной, медленно наливалась розовым светом, заставляющим меркнуть фары машин, движущихся в тени яблоневых садов. Металлический вихрь, торнадо из пыльных шлейфов, вращался вокруг Хокса и Мириам. Кары появлялись со всех сторон, через десятки невидимых въездов, и скользили по склонам, бесшумно, пряча звук моторов за шумом голосов в переговорнике. Они двигались в разные стороны, по мостикам над каналами и межам фермерских участков, во много рядов, чтобы сойтись в двух местах, как ручейки серебристой воды весной — в кипящие озера татуированных человеческих тел, лоскутной брони, и лезвий у западных и восточных ворот Хокса.

Гвардеец, севший за зубцом справа от Мириам, поднял руку, отдавая команду своему взводу, разместившемуся дальше, вдоль неровной каменной кладки, заменяющей зубцы на открытом участке башни. Потом глянул в ее сторону, и улыбнулся, испуганно блеснув белыми зубами на черном лице. Мириам улыбнулась в ответ, и привстала, рассматривая восточные ворота через прицел.

Месиво из коричневых лоскутов, кружащихся на дороге, между грузовиками и бетонным

заграждением, распалось на отдельных людей — десятки и сотни длинноволосых и бородатых мужчин, закутанных в шкуры и драные плащи. Они стояли неровной колеблющейся дугой, в четырехстах метрах перед воротами и, задние ряды, все прибывая, давили вперед, заставляя дугу выгибаться. За их спинами, над наконечниками копий, пульсировал металлом и розовым огнем рассвета хайвей, ведущий в долину. Их цвета, безжалостно высвеченные «Белой гранью», бились на рассветном ветру, отражаясь в лицах, едва различимых с такого расстояния. Никакой ненависти или страха — только голод, жажда, и желание убивать, заставляющие их рваться вперед, натягивая невидимые поводья.

— Что это они не начинают? — Проскрипел шериф.

— Ждут. — Ответила Би.

— Чего?

Его вопрос остался без ответа. Машины, выгрузившие орду, пришли в движение, разъезжаясь, освобождая дорогу кому-то, скрытому ослепительным краем восходящего солнца. Блестящие формы сдвинули построение рейдеров, заставив их расступиться. Группа бронированных боевых каров, с трубами орудий на крышах, разворачивалась перед воротами, становясь глубоким строем.

— Внимание. — Сказала Би.

Боевой кар, ехавший во главе строя, выдвинулся немного вперед. До Мириам донесся голос — видимо, усиленный, но едва слышный на таком расстоянии.

— Я Хайд. — Сказал голос, и орда взревела. Глубокий, страшный звук, похожий на громовой удар, пронесся над городом, и, словно эхо, отразился с запада — вторая армия отозвалась, слабее, тоньше, но не менее страшно.

— Мы пришли. — Маленькая фигурка, стоящая на крыше кара, выпрямилась, и Мириам чуть не нажала на курок, но расстояние было слишком большим. — Чтобы забрать у вас все! Можете бежать, можете драться — нам все равно. Мы возьмем все, что захотим — ваших женщин, ваше барахло. А ваши дома мы сожжем, и это случится сегодня. Вы прятались в своих норах, пока мы гнили в пустыне — и теперь пришло время отдавать нам долги, за каждый день под солнцем, за каждую ночь на холоде, за каждый шрам на нашей шкуре! Вы охотились на нас, как на зверей — теперь полюбуйтесь на наши когти и зубы! Больше вам не спрятаться. Мы заберем у вас все. Не потому, слышите, что нам нужно все это ваше дерьмо…. нет, мы заберем у вас все, потому что мы вас ненавидим! Всех вас!

Фигурка в прицеле подняла руку вверх, видимо, отдавая команду. Мириам, еще раз дотронувшись до грани ствола, вгляделась в лицо Хайда — плоское, раскрасневшееся от напряжения, с узкими черными полосками глаз.

А затем его голова взорвалась, как яблоко с красной мякотью, по которому ударили палкой, заставив Мириам вздрогнуть и опустить игольник.

— Ты станешь песчинкой. — Сказал Кейн где-то далеко, и две армии рейдеров взревели в ответ.

II.

— Хороший выстрел! — Весело и зло сказал Ланье. — Знаешь, сколько стоила его башка?

— Еще не поздно ее собрать. — Ответил Кейн.

Строй рейдеров рассыпался песчаной волной, перехлестывая через кары, остатки палаток и бетонные заграждения. Тяжелые кары, возвышающиеся над ними, словно блестящие камни над коричневым лоскутным потоком, одновременно полыхнули огнем,

выбросив в сторону города уже знакомые Мириам белые полосы — несколько десятков, неспешно вытянувшихся над головами людей, бегущих к стенам.

Вздрогнула земля.

Стена и дома за ней расцвели черными облаками взрывов. Раскаты грома, долетев через секунду, заглушили крик Торренса:

— Ложись!

Грому с востока ответил гром с запада — град глухих ударов, судороги громадного существа под холмом и городом, рвущегося наружу. Белые трассы ракет перехлестнули через западную стоянку, заполняющуюся цветными пятнами бегущих рейдеров, и одновременно ударили в ворота — гораздо точнее, чем с восточной стороны, разметав их фонтаном дерева и бетона.

— Ланье, запад. — Голос Би прозвучал необычайно отчетливо, словно из другого мира.

— Фейерверк. — Отозвался тот, и аккуратные ряды каров брызнули пламенем. Четыре огненных столба, один за другим, все дальше от ворот, взметнулись в воздух, над стоянкой и остатками лагеря беженцев, смешивая металл машин и пылающие человеческие фигурки. Последний взрыв накрыл ряд каров, стрелявших ракетами. В желтом пламени, ярче солнечного осветившем десятки людей между машинами, что-то взорвалось еще несколько раз. Так что осколки, оставляя тонкие дымные следы, похожие на седые волосы, разлетелись на сотни метров вокруг.

Этот момент навсегда отпечатался в памяти Мириам: затухающие фонтаны огня, увенчанные черными шапками, и красивый дымящийся цветок с сотней лепестков-нитей, разбросанных под дождем из металла и человеческих останков.

Гром от этого взрыва ударил еще громче. В нем Мириам послышался звон стекол — внизу, на площади, лопались окна.

— Ланье, восток!

Огонь перечеркнул волну Волков, бегущих к воротам через бетонные заграждения — не первые ряды, а посередине, лопнув, как невидимая виноградина, раздавленная ударом сверху, неровно брызнув огненным соком во все стороны. Обломок бетона, перелетев через головы рейдеров, опрокинул один из тяжелых каров. Пылающая проплешина рассекла толпу на две части, над которыми, перекрестив облако огня, снова рванулись к городу трассы ракет.

На этот раз Торренс не кричал — или, возможно, Мириам просто не услышала его за грохотом взрывов, следующих один за другим.

Восточные ворота треснули посередине. Башня, возвышающаяся над ними справа, поползла вниз, медленно и степенно обрушиваясь на улицу. Белая пыль смешалась с черным дымом, разливаясь по площади за воротами, вытекая наружу через пролом, к которому, минуя огромное пятно выжженной взрывом земли, бежали Волки.

Их строй сломался. К городу приближалась разреженная толпа, собирающаяся в клин у самого устья ворот, и ее передние ряды тут же исчезали в белых клубах, повисших над обломками.

Тяжелые кары дали следующий залп. На этот раз ракеты взлетели иначе — вверх, над стенами, по пологим дугам, оставляя бледные и мгновенно меркнущие в лучах восходящего солнца следы, обхватывающие холмы длинными тонкими пальцами чудовищной руки. Не меньше полутора десятка снарядов. Мириам смотрела, как они растут и вытягиваются — изящные, ажурные, страшные. И врезаются в город, в дома, внезапно ставшие совсем

хрупкими. Башня под ногами донесла ряд ударов, последовавших за их падениями. Черные облака взрывов усеяли холмы, из переговорника долетели крики, сразу затихшие — откуда, Мириам не поняла.

— Ворота. — Сказала Би, и горловина ворот, в которую вливалась армия Волков, вдруг снова вспухла пылью. Без вспышки или предупреждения, только за полупрозрачным облаком на секунду проступило движение — стены домов, сдвигающиеся и складывающиеся на привратную площадь.

— Да! — Выкрикнул где-то позади Торренс, и мгновение спустя его крик повторил переговорник. — Может, минометы пора?!

Ответ шерифа Мириам не расслышала. Крики в ушах, раздающиеся непонятно откуда, заставили ее обернуться, в поисках источника звука, но рядом никто не кричал. Несколько одиноких ракет падали на северный холм. Бледные дуги их следов указывали на остатки западной стоянки, в которых продолжалось движение — небольшие кары расталкивали обломки, освобождая дорогу цветным пятнышкам рейдеров. Ракеты падали невыносимо долго. Глядя на их огни, Мириам ощутила, как замирает окружающий мир — "Белая грань" снова сжимала его, превращая в кусок холодного стекла, огромного стеклянного шара, с центром где-то в животе, чуть ниже пупка. Пальцы Мириам скользнули туда, надеясь отыскать наощупь, ощутить ту ось, вокруг которой сейчас вращалась долина, город и окружающий мир. И тут шар взорвался, разметав ее на части…

…и она стала Кейном, сидящим на краю решетчатой башенки, в четырех сотнях метров у восточных ворот. Пустотой его сознания, пальцем, коснувшимся спуска. Прицельные линии сошлись на основании ракетной установки, установленной на броневике. Игла с урановым сердечником достигла ее в тот момент, когда рейдер, обслуживающий установку, повернул рычаг блокировки зарядной камеры. Мириам чувствовала иглу, замершую в воздухе. Видела, как пронижет она металл машины, и толстую керамическую оболочку ракеты. Как плеснет после этого огонь, раскрывая броневик уродливым металлическим цветком, гася цвета окружающих его рейдеров. Видела все, что еще не произошло — пока игла, несущая разрушение, замерла, как и она, в стеклянном шаре, трескающемся под давлением времени…

…и она стала Би. Ее нетерпением, холодной яростью, биением сердца, глубоким и ровным, отражающимся в мерцании индикаторов. Стала взглядом воительницы, брошенным с крыши, совсем рядом с восточными воротами. Электронными метками, обозначающими ее будущий путь — по крышам, стене, остаткам заграждений и карам рейдеров, застрявших в остовах яблонь, пылающих после взрыва. Чувствовала ее боль, и прячущуюся за злостью тоску, по чему-то безмерно дорогому, утраченному навсегда. Тонущие в ней обрывки воспоминаний, светлых, прекрасных — и желание смерти, дрожащее, будто добела раскаленная струна, тянущее вперед. Зовущее рвануться, выкладываясь в неимоверное усилие, один-единственный бой, завершающий все…

Стеклянная сфера, центром которой была Мириам, повернулась без предупреждения.

…Ланье. Его нервная улыбка, последняя сигарета, повисшая в уголке рта. И море грустного спокойствия — все наемники умирают, чем плох этот день…

…Арго, стоящий на краю Обзорной площади с мощным биноклем. Горящий в мышцах огонь, химическая злость, съедающая его изнутри, а под ней — грусть, сожаление, и стыд, сильнее злости, память о позоре, ранящая сильнее металла…

…Никки, кричащий в переговорник у ворот Верхнего города. Его надежда, запах пота и

страх — не за себя, а за кого-то, кто уже прошел наверх, и теперь там, одинок и беззащитен…

…Доктор, на секунду присевший на крыше госпиталя, у минометного расчета — обреченность, и воспоминания о чем-то в далеком прошлом. Битве, которая так и не закончилась победой…

…Чужой взгляд с неба — не одни глаза, но тысячи, словно стая ворон, зависшая над редкими утренними облаками, в лишенной воздуха пустоте. Взгляд, упирающийся в щит медленно набирающего обороты невидимого урагана, с центром на вершине решетчатой башни, возвышающейся над Праздничной площадью.

Урагана, зовущегося Сломанной Маской.

Его прикосновение к хрустальной сфере, от которого трескается и превращается в песок ее твердая поверхность.

— Что ты делаешь? У тебя нет нужной тренировки, ты сгоришь! Возвращайся… твое время еще придет.

И песок, в который превратилась сфера, осыпающийся вокруг. Где каждая песчинка горит своим цветом, потому что она человек — рейдер, горожанин, гвардеец, или ребенок…

— …ваш расчет отрабатывает запад. — Продолжал надрываться голос шерифа в переговорнике. — Мы держим восток, сколько сможем.

— Ланье, запад, вторая точка. — Сказала Би.

— Взрываю.

Ракетный кар, подбитый Кейном, полыхнул — гораздо быстрее, чем это видела Мириам. Пламя родилось и погасло в мгновение, убив окружающих его рейдеров и опрокинув соседние машины. Башня у западных ворот дрогнула, отвечая короткими толчками на взрывы ракет, запущенных с руин стоянки. А затем содрогнулась еще сильнее, когда Ланье активировал заложенные там заряды. Улицы, ведущие к западному въезду, просматривались до самого низа. Но Мириам не столько увидела, сколько почувствовала, как гаснут человеческие огоньки в пыльных вихрях, поднятых смыкающимися зубьями из обломков стен и крыш, брошенных на остатки ворот направленными взрывами. Цветной поток рейдеров замер, выбросив в воздух еще несколько ракет. Легкие кары один за другим пересекали развороченную стоянку рядом с бегущими, высаживая людей ближе к стенам.

— Их это не остановит. — Словно не веря своим глазам сказал шериф.

— Им же хуже. — Ответил Арго.

За спиной Мириам раздался новый звук — короткий вой, переходящий в свист. Удар теплого ветра, пахнущего порохом, поднял пыль по всей площадке. Торренс, присев возле минометного расчета, поднял бинокль.

— На два деления вправо!

Белый дым смешался с черным. Мины, невидимые в полете, взрывались на пути у рейдеров, пересекающих остатки ворот, слишком далеко впереди. Блестящие кары у стен разъезжались, меняясь местами, словно зубья огромной машины, выбрасывая все новых людей в затянутые пылью горловины улиц Хокса, вскрытого взрывами.

Башня беспрерывно содрогалась. Ракеты, стартующие теперь беспорядочно, одна за другой, с артиллерийских каров на восточном въезде, падали на холм напротив, не долетая до площади и Магистрата — град огненных шаров с белыми хвостами, лопающихся среди черных обломков стен и осколков цветного кирпича. На глазах у Мириам взорвался еще один ракетный кар, заставив разбежаться рейдеров с ближайших машин. После чего несколько

соседних пришли в движение, опуская длинные стволы.

— Кейн, тебя обнаружили. — Сказала Би. — Шевелись, быстрее!

— Еще один. — Ответил Кейн.

Ракеты взлетели одновременно, сразу три, прямым белым трезубцем хлестнув через стену, над крышами, в направлении пары решетчатых башен. Мириам скорее угадала, чем увидела, движение маленькой фигурки, перепрыгивающей с одной из них на ближайшую крышу — за мгновение до того, как ракета ударилась в бетонное основание под стальными трубами. Лишенная одной из опор, башня покачнулась, словно пружиня на белом дымном облаке, и рухнула следом за фигуркой, исчезнувшей где-то на крыше.

— Кейн? — Би повысила голос. — Кейн?

— Здесь. — Выдохнул монах спустя мгновение. — Еще девять тяжелых зарядов, меняю позицию.

— Подожди, прикроешь меня. — Ответила Би. — Мой выход.

III.

Есть вещи, которые бесполезно считать — песчинки, волосы, звезды. Глядя сверху на рейдеров, входящих в Хокс через западные и восточные ворота, Мириам поняла, что видит перед собой еще одну, подобную, картину. Движение, совсем не страшное издалека — суета темных точек в дыму, редкие вспышки порохового оружия на улице — приближалось с каждой секундой, обретая совершенно иной, конкретный и угрожающий облик. Цвета, которые она теперь могла видеть даже с закрытыми глазами, разливались рекой у подножия холма, окружая его надежнее любого рва. Искры страха, злости, желания, боли — обычные человеческие чувства, даже слишком. Будто зеркальное отражение тех, что горели сейчас вокруг нее, в гвардейцах, ополченцах и девушках Аниты. Страх и ярость разливались по городу, прокладывая светящиеся пути, одна волна снизу, вторая — сверху, от укрепленных вершин.

Мириам знала, что стоит ей вглядеться в огоньки у ворот внимательнее — и она сможет стать одним из рейдеров, бегущих по обломкам и трупам, услышать взрывы мин не вдалеке, а рядом. Думать об этом было страшно. Она подняла прицел, и направила его чуть выше, на край стены, перед которым, как она запомнила, скрывалась Би.

Минометы за спиной завывали с короткими интервалами, отвечая на редеющие ракетные залпы машин рейдеров. Большинство Волков собиралось к разбитым воротам, и людей у артиллерийских машин стало меньше.

Она не заметила, как Би пересекла стену. Скорее всего, та просто пробежала через одну из плохо заделанных брешей, и спрыгнула вниз. Следы от ракет расплывались над стеной в пухлые вытянутые облачка, скрывая ее. Мириам оставалось только полагаться на память о метках из недавнего видения — стена, край рва, горящий сад…

— Кейн, я на позиции. — В голосе Би прозвучала какая-то новая интонация, похожая на радость.

— Начинаю. — Отозвался Кейн, и ракетный броневик, крайний справа в неровной тройной шеренге, пересекающей хайвей, взорвался — вспух дымным шаром, без малейшей искры огня, разбрасывая дымящиеся металлические обломки. Рейдеры вокруг остальных машин засуетились, и только тогда Мириам увидела Би — угадала в стремительной тени, с нечеловеческой скоростью бегущей через горящий яблоневый сад.

Тени деревьев и дождь из падающих искр…

Би обошла шеренгу ракетных каров слева, запрыгнула на крайнюю машину — и двух

рейдеров, стоявших на броне, смело, будто взрывом, вместе с частью трубы ракетомета, расшвыряв на соседние кары фонтаном крови и металлических ошметков. Тонкий черный ствол повернулся к соседней машине — и она вздрогнула, когда невидимый кулак обрушился на кабину, ломая крепления ракетной установки.

— Ну и отдача. — Выдохнула Би.

И прыгнула через разбитый кар. Видимо, стреляя в воздухе — потому что стоящая рядом машина перевернулась, а несколько бегущих слева человеческих фигурок расшвыряло невидимым вихрем, мгновенно окрасившимся в красный. Стоявшие в третьей шеренге кары пришли в движение, но один из них тут же взорвался, закрыв подбегающих с востока Волков валом черного дыма. Би спрыгнула с кара, выдернула что-то из развороченной кабины, и швырнула в воздух, будто большой камень, указав ему вслед стволом игольника. Брошенный снаряд вспух огнем над строем бронированных машин, сбивая расчеты на землю. Образуя круглое прозрачное окно в дыму, сквозь которое, как через линзу увеличителя, проступили не менее десятка приближающихся от въезда боевых каров, опережающих пеших рейдеров. Еще одна машина вздрогнула под выстрелом длинноствольного игольника Би, приподнялась и перевернулась, тяжело ударившись капотом о крышу стоящего рядом кара. Позволив воительнице взбежать по ней, и прыгнуть навстречу приближающимся боевым карам — выше самых высоких яблонь.

И замереть на короткое мгновение в прозрачном окне раскаленного воздуха, перед следующим выстрелом…

— Би! — Закричала Мириам.

Струя огня, ударив с головного кара, упруго хлестнула по воздуху и алой фигурке, сметая ее на мгновенно вспыхнувшую землю. Огонь изогнулся дугой, упал на ракетные кары, поджигая их один за другим. А Мириам, вскочив, шарила прицелом по огненной полосе, прочерченной вдоль хайвея, рядом с которой скользили и разворачивались боевые кары рейдеров.

— Огнемет. — Сказал Кейн. — Откуда…

— Би! — Снова закричала Мириам. И только тогда увидела, как сминается под невидимым ударом легкий кар на краю огненного пятна. Переворачивается от толчка, образуя укрытие.

И объятый пламенем силуэт за ним — черная тень в огне.

— Здесь нет больше Би. — Произнес знакомый голос. — Только Вероника.

И смех, через секунду долетевший отзвуком механического эха, вклинивающегося в минометные залпы.

Жидкий огонь плеснул на перевернутый кар, но пылающий силуэт стремительно откатился в сторону, прямо под орудийные порты машины слева, опоздавшие раскрыться на доли секунды. Достаточно для того, чтобы горящая фигурка, оказавшись на открытом движке, разрядила в кабину свой страшный игольник, заполнив ее мешаниной из крови и искореженной обшивки. А затем прыгнула дальше, через несколько машин, уходя от двигающегося следом потока огня. Еще один выстрел игольника сбросил с ближайшего боевого кара сразу трех рейдеров. Струя огнемета поднялась, пытаясь опередить следующий прыжок. Но Би — или Вероника — стремительно скатилась вниз, обходя огнеметный кар справа, по сужающейся дуге.

Кабина кара плеснула кровью, опустошенная выстрелом в упор. Огнеметчик все еще старался развернуть свое орудие, когда дымящийся силуэт, перелетев через кабину, врезался

в него, отшвырнув далеко от машины.

Пламя, описав длинную дугу, упало на ближайшие боевые кары, и хлынуло навстречу рейдерам, бегущим с восточного въезда, отсекая их от ракетных машин.

— "Как в одном человеке может быть столько пламени?" — Всплыли в памяти слова Сломанной Маски.

Теперь эта фраза обрела смысл.

Огонь упал на толпу рейдеров, превращая их в беспорядочное скопление мечущихся факелов, рядом со стремительно вспыхивающими металлическими каркасами боевых каров — грязный, черно-серый костер между ровными рядами из остовов сгоревших яблонь, исходящих мелкими искрами. Один за другим озеро пламени выбрасывало яркие рваные языки — рвался боезапас в машинах. А струя огнемета двигалась слева направо, находя людей, скрывающихся между деревьями и среди дальних машин. Пока не уперлась в край хайвея, поливая соседние артиллерийские кары, точно толстая стрелка древних часов, указывающая время дневного сна.

Белая полоса ракеты пересекла огненную могилу Волков со стороны въезда, ударив в огнеметный кар, подбросив его вертикально вверх в вихре жидкого пламени, вертящегося вокруг, словно хвост ярмарочной шутихи. И следом за ним начали рваться артиллерийские кары, один за другим, образуя невидимую звуковую лестницу, в которой каждый следующий звук был громче предыдущего.

Мириам непроизвольно вжала голову в плечи.

Хайвей поднимался в воздух в облаках черных разрывов. Больше не было въезда, яблонь, и квадрата артиллерийских машин — только жуткая мешанина из земли, пыли, деревьев, и металлических частей, затмевающая восходящее солнце. Чудовищный бесформенный фонтан, выбросивший черные щупальца с железными чешуйками на огромную высоту, почти две трети от высоты Хокса.

Еще один холм, выросший рядом с городом.

— Вероника?! — Крикнула Мириам в переговорник, стараясь перекричать нарастающий грохот. — Би?!

Порыв теплого ветра, несущего мелкую обжигающую пыль, ударил по городу, ломая ветряные генераторы и круша остатки стекол. Черный холм приподнялся еще выше, рождая в своих клубящихся недрах новые взрывы — темные вздутия, хлещущие длинными дымными щупальцами во все стороны и вверх, через долину и над крышами домов.

Мириам показалось, что даже рейдеры, бегущие по улицам от восточных ворот, замерли на несколько секунд, наблюдая за взрывом артиллерии. А затем, вслед за ударной волной, на город обрушился дождь из обломков.

Куски металла и дерева, дымящиеся стволы и камни — оставляя в воздухе бледные дымящиеся следы, они падали из пыльного облака, нависающего над холмами, беспорядочно и страшно, ударяясь о крыши на южном холме бесформенным градом. На глазах у Мириам двигатель кара врезался в стену дома над Обзорной площадью, пробив в ней новое окно. А прямо на баррикады рухнуло дымящееся дерево — яблоня, лишенная веток и листьев. Из облака сыпался шуршащий песок, попадая в глаза и за шиворот. Что-то металлическое, прошелестев в высоте, ударилось в камень башни где-то за спиной, покатилось, отскакивая со звоном.

Затем, после долгой паузы, снова взвыл миномет.

— Вероника? — Снова шепотом спросила Мириам.

— Кто такая Вероника? — Хрипло отозвалась Би. — Тут чертовски жарко. Кейн?

— Не вижу тебя.

— Это хорошо, дым. Возвращаюсь в город, слева. Прикрой меня.

Мириам вздохнула с облегчением.

— У них взрывчатки хватало. — Сказал Ланье. — Хорошо, что это все не упало нам на голову.

— И бегут они помедленнее. — Зло рассмеялся Арго. — Наверное, обгадились, если не все, то половина точно. Эй, на баррикадах, головы вниз!

— По местам! — Крикнул Торренс. — Без команды не стрелять!

Мириам снова присела, упираясь плечом в край бойницы. Улицы за баррикадами все еще были полны людей, бегущих к воротам. Но сейчас их стало меньше — редкие группы по три-четыре человека, нагруженные вещами, которых Молоты, стоящие у баррикад, пропускали вглубь укреплений.

— Закрываем ворота. — Произнес в переговорнике голос Никки, охрипший, но все еще узнаваемый. — Праздничная площадь захвачена, готовьтесь.

— Без команды не стрелять! — Громко повторил Торренс. И, будто услышав его, к взрывам мин, раздающихся на улицах к западу, добавились звуки выстрелов — редкие хлопки порохового оружия.

— Видать, народу было на Праздничной… — Тихо сказал сержант.

Выстрелы прекратились быстро. Еще несколько ракет, сорвавшихся из-за края оседающего черного вихря на восточном въезде, заставили Мириам посмотреть в ту сторону. Ракеты упали, не долетев до Магистрата сотни метров, полыхнув на улицах — и в этот момент кто-то дотронулся до ее плеча, заставив подпрыгнуть на месте.

— Прости. — Сказала Анита. — Ты радио слушаешь… скажи, он живой еще?

— Кейн? Да, живой. Взорвал много машин… они с Би.

— И то хорошо. — Анита отошла на пару шагов, и присела у соседней бойницы. — Ты мне скажи, если что не так будет, ладно?

— Да, не волнуйся…

— А что мне волноваться? Хорошо сидим, считай, как у себя дома. Еще пару рюмашек, и можно танцевать идти. — Анита не отрываясь смотрела вниз, на площадь, где, за нагромождениями баррикад в устьях улиц, уже мелькали белые облачка выстрелов.

— Вот и начинается. — Продолжила Анита немного рассеянно. — Бегут. Слушай, ты, если что, передай Кею…

— Что передать?

— А… что он рожа разрисованная. Ничего не надо… ничего умного в голову не лезет.

Ее цвета мерцали, изменяясь с каждой секундой, не давая сосредоточиться. Мириам перевела взгляд вниз — туда, где передовые отряды рейдеров уже завязали перестрелку с Молотами, прикрывающими бегущих горожан.

— Почему не все успели убежать? — Спросила она, ни к кому конкретно не обращаясь. — Ведь людей на площади начали собирать еще ночью?

— А все всегда идет не так. — Мрачно ответил шериф. — Мы, что смогли — сделали. А что не все успеют… знали ведь, что так будет. Да и не помещаются на площади все. Вон, у нас в церковь одну народу человек триста набилось…

— Триста? — Мириам с сомнением посмотрела на металлический конус, вспоминая, насколько велика церковь внутри. А затем выстрелы заглушили слова в переговорнике,

заставив ее инстинктивно пригнуться. На улицы перед Обзорной площадью, раздвигая испуганные огни жителей города, вливались хорошо знакомые цвета рейдеров, ставшие еще ярче за последние пятнадцать минут. Несколько пуль с визгом ударили в стену под бойницей, у баррикады с грохотом взорвалась граната. А потом над площадью, хриплым эхом отдавшись в переговорнике, раздался жуткий рев — звериный, полный тоски и ярости, заставивший ряды рейдеров, наступающих на баррикады, сбиться с шага.

Мириам не сразу поняла, что это кричит Арго. Его огромная фигура в доспехах поднялась над центральной баррикадой, и длинный меч взлетел высоко в воздух, заставив Молотов взреветь в ответ.

Нестройный залп из ружей и игольников затянул улицы дымом. Цветная волна рейдеров, заглушив выстрелы криками и визгом, хлынула на укрепления.

IV.

Прицел разделялся на четыре части черными линиями, не шире волоса, сходящимися к кругу в центре. Назначения тонких насечек, покрывающих линии сверху и слева, отмеченных зелеными цифрами, Мириам не понимала — хотя наверняка более опытный стрелок мог судить по ним о чем-то важном. Ей достаточно было красной точки, появляющейся на цели — вроде той, что она запомнила по перестрелке в "Индюке".

Би назвала это "лазерным целеуказателем". Красная точка должна оказаться в центре круга, и сразу станет видно, куда ударит игла — все просто.

Нужно только нажать на спуск.

Мириам дотронулась до шарика, регулирующего прицел, и толпа рейдеров, бегущих на центральную баррикаду, приблизилась. Превратившись из скопления размытых пятен в людей, освещенных сразу двумя источниками света: утренним солнцем, пробивающимся сквозь пыльные облака, и призрачным свечением "Белой грани". В тусклом розоватом солнечном сиянии терялись оттенки, но все равно было заметно, как сильно отличаются нападающие с запада рейдеры от Волков, прорывающихся на другой холм с востока. Их черные бронежилеты военного типа соседствовали с желтыми песчаными плащами, и яркими лоскутами материи, нашитыми на грубую кожаную броню. Лица танцевали в прицеле, совсем близко, и Мириам с некоторым удивлением поняла, что многие из них — женщины, тоже вооруженные ножами и игольниками.

И «Белая грань» освещала их гораздо ярче солнца.

В прицеле двигались огни, полные судорожной дрожи ожидания и кипящей злобы. Мириам не могла понять, какие из цветов реальнее — те, что у них внутри, или снаружи? Цвет лазерного указателя, скользящего по лицам, броне и загорелой коже — или злость, смешанная со страхом, пожирающая девушек с лицами, разрисованными желтым и зеленым?

Эта мысль мелькнула и ушла, заняв время, достаточное для нескольких ударов сердца. В ушах еще звенел боевой клич Арго, когда вой миномета снова разорвал воздух над башней. В глубине улиц, ведущих вниз, на Праздничную площадь, подпрыгнули черные фонтаны взрывов, разбрасывая рейдеров изломанными цветными куклами.

— Огонь! — Закричал Торренс, и палец Мириам лег на спуск. Огни заполняли прицел, яркие до тошноты, до дрожи в коленях. Хотелось отвернуться, сесть, прислонившись спиной к шершавому камню, и закрыть глаза. Зажмуриться, чтобы не видеть, что будет дальше, не стоять на пути у этих людей. Как тем, далеким утром, у нее во дворе, онемение поползло по пальцам, охватило плечи… И замерло — потому что навстречу ему рванулась злость, многократно усиленная "Белой гранью".

— Это не страх. — Прошептала Мириам, словно заклинание. Ее слова утонули в хлопках игольников. — Не умею бояться. Не умею…

Красное пятнышко прицела легло на грудь девушки — очень загорелой, в броне, покрытой желтыми матерчатыми полосками. И Мириам внезапно ощутила, что сама бежит на баррикаду, на вспышки ружей, сжимая короткое копье. И чувствует взгляд сверху, с белых зубцов на стене, закрывающей половину неба, едва различая алую нить лазерного луча, пробившуюся сквозь пыль, поднятую взрывами.

— Не страшно. — Прошептала Мириам, и нажала на спуск.

Это было не больно — пламя мигнуло недоумением, и померкло, будто свеча под дуновением ветра. Мириам успела ощутить, как подкашиваются ноги, несется навстречу мостовая, из белой становящаяся черной — и перевела прицел.

Оставалось еще сорок восемь зарядов — и намного больше огней.

Иглы ударили по бегущим, высекая искры из стен, пробивая сразу по несколько человек. Ракета, вылетевшая из-за спин атакующих, врезалась в левую баррикаду, разметав укрывающихся за ней Молотов. И сразу рядом взорвалась граната, видимо, не долетев до площади, и накрыв самих рейдеров градом осколков. О зубцы стены со свистом ударялись иглы — немногие рейдеры, вооруженные игольниками, видимо, стреляли на ходу. Не очень точно, но гвардеец, справа от Мириам внезапно осел в бойнице, не успев даже вскрикнуть. Его оттащили — кто-то, оставшийся за спиной Мириам, мир которой сузился до прозрачного окошка прицела.

Рейдеры, добежавшие до центральной баррикады, с криками карабкались вверх, по трупам своих товарищей. Иглы Мириам ударили одного из них под воротник бронежилета, заставив споткнуться, опрокинули карабкающуюся следом Змею. Следующего рейдера встретил тычком длинного копья кто-то из Молотов, прячущихся за баррикадой. Еще несколько копий, мгновенно окрасившихся красным, вытянулись снизу, образуя заслон, но через укрепление, крича, продолжали лезть люди. Хлопали игольники на стене, иглы били в толпу. Тела скатывались с баррикады на площадь, образуя еще один барьер, поверх которого, почти в упор, стреляли пороховые ружья наемников, затягивая площадь белым дымом.

Кровавый барьер у центральной баррикады двигался назад. Наемники с ружьями отходили влево, к разрушенной баррикаде, перед улицей, заваленной разноцветными пятнами трупов — в ту сторону стреляли ополченцы и большинство девушек Аниты. Что-то вскипело в дыму по центру, а затем взорвалось — справа, среди Молотов с копьями. Рейдеры отозвались на взрыв дружным ревом. По центральной улице словно прокатилась волна, подталкивая людей вперед. В центр площади, буквально опрокидывая стоящих там Молотов, хлынули коричневые плащи Волков, и Змеи в броне с алыми полосами.

Навстречу им, из-за дымных завитков, прикрывающих второй ряд баррикад, рванулась огромная тень.

Это было похоже на удар грузовым каром. Трех ближайших рейдеров отшвырнуло назад, под ноги атакующим, образовав небольшой затор, через который пронеслось длинное лезвие — не встретив сопротивления, будто сквозь глиняный ком, рассекая людей на части. Не замедляясь, оно отлетело влево, позволяя Арго с невозможной для его комплекции скоростью развернуться, используя тяжелую рукоять как ось, и снова бросить клинок вперед. К реву рейдеров прибавились крики Молотов, ощетинившихся копьями и ружьями в облаке дыма, перед вторым рядом баррикад. Их столкновение с рейдерами прозвучало как удар сырого мяса о дерево, глухой и влажный. Ряды смешались в рукопашной, и Мириам перевела

прицел чуть выше — туда, где под первую баррикаду пробивался Арго. Она хорошо различала его меч — темно-красную полосу, врезающуюся в тела, перерубающую древки копий и ложа игольников, пронизывающую броню, как воздух. Арго отталкивал тех, кто оказывался перед ним, и рубил широкими взмахами, задевающими сразу несколько человек. Очередной толчок отбросил рейдеров к краю центральной баррикады. Лезвие прошло над ней, отсекая головы и руки, так что толпа, собравшаяся дальше по улице, отшатнулась, теряя секунды. А гладиатор, обернувшись и разогнав меч широким круговым движением, врубился в спины тех, кто дрался с Молотами.

— Ястреб! — Прогремело над баррикадами, и копья Молотов ударили навстречу Арго, толкая к нему рейдеров, оказавшихся в ловушке. Красный клинок описал два широких круга и замер, указывая на баррикаду. Арго, упав на колени, развернул его плашмя, прикрывая голову в забрызганном кровью шлеме. Круг изрубленных тел вокруг него, окруженный Молотами, проступил как рана на теле площади, сделанная чем-то тупым.

По рядам штурмующих пробежал ропот. Коричневые плащи снова хлынули через баррикаду, обходя круг, очерченный страшным мечом, падая под выстрелами со стен, и прикрывая, кого-то в глубине, словно щитом. Мириам заметила, как отходят к стенам домов Змеи и рейдеры в черном, пропуская Волков вперед.

Кто-то огромный спрыгнул с баррикады, и двинулся к Арго — черные шкуры, и лицо, скрытое бородой и длинными спутанными волосами. Ропот в рядах Волков сменился криками, тонущими в свисте минометного залпа. Беспорядочные разрывы накрыли ближайшую часть улицы и подходы к баррикаде.

— Брухо! — Взрывы заглушили все остальные звуки. Из-под черных шкур медленно поднялось полукруглое лезвие. Огромный рейдер указал топором вперед, и Волки ринулись вслед за ним — через кровавый круг, навстречу Арго и копьям Молотов.

Рядом громко выругалась Анита — рейдеры, вооруженные игольниками и пропустившие Волков вперед, заняли позиции у стен и стреляли вверх. Тонкий свист заставил Мириам упасть, опираясь на локти, разыскивая цели не в кровавой путанице внизу, на площади, а дальше — на улице, среди черных бронежилетов и лиц девушек, разрисованных красным и желтым. Игольник едва ощутимо вздрагивал, но Мириам давно уже перестала считать, сколько игл ушло, и огней, замерцав, потухло в прицеле. Пока зеленая цифра индикатора зарядов не сменилась красным нулем, вынудив ее упасть боком на теплый камень, снимая с пояса новый картридж. И посмотреть вниз…

…Туда, где, словно окруженные невидимым барьером, отделяющим от беспорядочной рукопашной схватки вокруг, двигались двое — Арго, поднявший меч над головой, и его огромный оппонент, с полукруглым топором, тяжело ступающий по трупам. На глазах у Мириам топор качнулся вверх, меч описал предостерегающую дугу, два оружия столкнулись плашмя, коротко проскрежетав, и разошлись. Топор поднимался еще несколько раз, но Арго больше не реагировал, отведя меч влево. И тогда, еще раз качнув топором, его противник кинулся вперед, ухватив свое страшное оружие у самого основания лезвия, и ударив снизу вверх. Гладиатор отступил. Полукруглое лезвие вылетело вперед, прямо ему в грудь, на всю длину рукояти — и, выбросив сноп искр, скользнуло по плоскости клинка Арго, рванувшегося навстречу.

Они столкнулись — два гиганта, как две горы. Топор отлетел в сторону. Арго, обойдя свой меч, словно партнершу в танце, ударил огромного рейдера головой в лицо, а затем, ухватив за бороду с вплетенными в нее монетками — рукоятью меча снизу в челюсть.

Тонкий крик, почти писк, вырвался из груди рейдера, выронившего топор, и ухватившего Арго за плечи. Длинная рукоять снова качнулась, когда гладиатор оттолкнул противника на шаг. Его меч, взлетев вверх, полоснул Волка по протянутым рукам — и упал обратно, слева направо, тяжелым и страшным движением, рассекая его от плеча до бедра.

Визг прекратился, утонув в ропоте битвы. Ряды Волков дрогнули, и Арго, выдернув меч из поверженного противника, шагнул вперед. Взлетели вверх отрубленные головы, гладиатор упал на одно колено, разворачиваясь на месте — и стремительно откатился назад, под вторую баррикаду, когда над площадью разнесся высокий, женский крик.

Мириам моргнула от неожиданности, снова вскидывая к плечу игольник. Крик повторился, а затем из красно-желтых рядов Змей, прижимающихся к стенам на центральной улице, вылетели несколько гранат — едва различимых на фоне трупов, покрывающих мостовую и баррикады.

И упали прямо среди Волков, сцепившихся с Молотами.

Красная точка прицела пробежала по раскрашенным лицам, указав на кричавшую — высокую чернокожую девушку, сидящую на плечах у здоровенного рейдера прямо за остатками центральной баррикады. Прицел лег на ее лицо, расчерченное желтым — но дрогнул, когда внизу, на площади, взорвались гранаты, расшвыривая каменные обломки и куски человеческих тел. Иглы ушли в сторону, ударив в грудь другую девушку, в красной раскраске. Рейдер стремительно сбросил свою ношу вниз, прикрывая собой — и третий крик, прозвучавший чуть глуше, заставил прийти в движение людей на всех трех улицах, словно смерть большого Волка была сигналом к действию, которого они ждали.

Две ракеты, вылетев с боковых улиц, перечеркнули залитую кровью площадь неровным белым крестом. Одна, на мгновение раньше, ударила в ворота Верхнего города, расположенные за последним рядом укреплений. Вторая — врезалась в стену справа от Мириам, шагах в десяти, кроша облицовку, и расшвыривая гвардейцев, укрывающихся между зубцами. Взрыв бросил ее плечом о край стены, вперед, ближе к площади, заставив упереться в камень локтями, и игольником. Шлем перекосило от удара. Она тряхнула головой, услышала, как рядом грязно ругается Анита, которую тоже сбило с ног, и посмотрела вниз.

Площадь стремительно заполнялась Змеями. Женщины в броне с цветными лоскутами хлынули через остатки баррикад, сопровождаемые рейдерами в черных бронежилетах — видимо, Тиграми. Беспорядочно хлопали игольники, на второй баррикаде взорвалась еще одна граната, разбросав Молотов в стороны. Затем откуда-то справа появился Арго, перерубив длинным мечом сразу трех разрисованных девушек, первыми забравшихся на баррикаду. Брошенная в него граната ударилась о подставленный плашмя клинок, и отлетела назад, в штурмующих.

Ее взрыв, почему-то совсем тихий, оставил в мостовой еще одну окровавленную воронку, опрокинув рейдеров и отбросив Арго назад, за баррикаду. Мириам увидела как он перекатился, и встал, покачиваясь, а потом снова упал на колено. В переговорнике кричали, надрываясь, про площадь у магистрата, и, кажется, смеялся Ланье. Мириам подняла игольник, упираясь в камень разбитыми локтями, и вдруг почувствовала, как кто-то смотрит на нее снизу, через прицел — блеск черных глаз, принадлежащих Пауку, его радость, острую, как только что заточенное лезвие. Ощущение было мимолетным, и прошло за долю секунды — а потом что-то ударило ее в плечо, заставив выпустить рукоять и упасть на бок, глядя на северный холм. Боли она не ощутила. Лежать было удобно, только что-то теплое

текло по груди, и шее, слегка щекоча под броней. Она лежала так, и смотрела на огни рейдеров, заполняющие улицы у магистрата, бегущие навстречу ярким полосам огнеметов Ланье и вспышкам орудий. Кто-то кричал за спиной, изо всех сил — пока знакомые белые полосы не перечертили магистрат несколько раз, и металлический конус церкви не вспыхнул, ярко, будто освещенный изнутри фейерверком. А затем надломился и медленно обрушился вовнутрь, превращаясь в уродливо торчащий серый обрубок, истекающий дымом. Голос в переговорнике, всхлипнул, совсем по детски, и затих.

Мириам, перевернувшись на спину, продолжала смотреть в небо. Туда, где среди редких рассветных облаков, двигалось что-то невидимое и страшное, сворачиваясь как пружина размером в долину Хокса, прямо у нее над головой.

Интермедия V.

Кейн длинным прыжком преодолел последние несколько метров подвесного мостика. Разбитое колено не выдержало, и подвернулось, заставив его развернуться на здоровой ноге, вскидывая винтовку к плечу. Несколько игл просвистели мимо, хлестнув по сухому винограду, устилавшему крышу. Ответные выстрелы Кейна ударили в подвесные кронштейны, удерживающие мост, разорвав тонкие стальные тросы. Пауки, бегущие следом, рухнули вниз, на улицу, заполненную их собратьями — вместе с сотнями килограмм дерева и металла. Мост, вытянувшись под собственной тяжестью, кнутом хлестнул по стене противоположного дома, оставив широкую прореху в толпе внизу.

Кейн с трудом вскочил, и, хромая, побежал дальше. Верхний город приближался, так что можно было слышать ропот людей на центральной площади, свист минометных залпов впереди и справа. С крыши позади выстрелили еще несколько раз, но монах уже нырнул вниз, по скату, к следующему мостику, на ходу поправляя гарнитуру, ненадежно закрепленную на шее.

— Держать церковь! — Шериф повторял это уже третий или четвертый раз, но никто не отвечал ему. Радио доносило хлопки выстрелов, звуки взрывов и крики. Где-то, словно на огромном расстоянии, ругался Ланье — беззлобно, тихо, будто занимаясь какой-то нудной и тяжелой работой.

— Прорываюсь к госпиталю. — Голос Би звучал отчетливо и ровно, видимо, электроника экзоскелета отсекала шумы. — Здесь тоже бутылочное горлышко, о котором мы забыли. Кейн?

— Иду в Верхний город, там ближайшая высокая точка.

— Ты близко к госпиталю?

— Нет, только что с той стороны. Все занято Пауками, пришлось обрушить мост.

— Ланье?

— Жарко здесь. Держим пару улиц огнеметами, но у этих доходяг гранаты, причем оборонительные… Какой кретин продал им столько! Пользоваться ими не умеют, положили больше своих, чем наших. Но все равно расклад в их пользу — их то больше. Пару раз подтягивали трубы, но мы их вовремя валили. Ракету то в морду получить совсем не хочется…

— Много болтаешь.

— Что поделать, я общительный… ах ты же шлюха-мама…! — Голос Ланье захлебнулся в гуле, похожем на гудение пламени. Кейн, подбежав к краю крыши рядом с башней Верхнего города, увидел, как на противоположном холме под ударами ракет обрушивается церковь — легко, будто игрушечный детский домик из тонких дощечек, растоптанный

тяжелым ботинком.

— Сказал же, держать…

— Да откуда они… мать! Всем отходить на центр, мобильная группа, все на центр. Отводите огнеметы!

— Я рядом с постом на башне. — Сказал Кейн, и выпрямился во весь рост, чтобы его смогли увидеть гвардейцы на укреплениях. — Площадь еще держится? Пропустите меня, мне нужно туда успеть.

Площадка на башне, которую он оставил не более полутора часов назад, была окончательно разгромлена. Среди зубцов, возвышавшихся по краям башни, зияли проемы, явно не предусмотренные строителями. Стрелков, лежащих за импровизированными щитами в бойницах, стало явно меньше. Рядом с минометными трубами, то и дело выбрасывающими огненные брызги в сторону Обзорной площади, протянулся ряд неподвижных тел — мертвые и раненые, сложенные в несколько рядов. Кейн прошел мимо, бросив на них быстрый взгляд — серые куртки ополченцев, несколько гвардейцев в черном, и цветные плащи, не меньше десятка.

Торренс был прав — чем ярче цель, тем легче в нее попасть.

Анита лежала в бойнице, ближе к северу. Ее плечи вздрагивали при каждом выстреле — у длинного игольника наверняка была сильная отдача. Кейн прошел мимо, и присел рядом, рассматривая Мириам, привалившуюся к соседнему зубцу. Ее плечо бинтовала смутно знакомая девушка с совершенно разбитым лицом — одна из тех, двух, которых они вытащили из логова Шипов. Мириам казалась спящей, руки девушки двигались неловко и неправильно, запихивая куски марли под наплечник. Кейн, понаблюдав секунд двадцать, оттолкнул ее, приподнял Мириам за здоровое плечо, и начал накладывать повязку заново.

Анита продолжала стрелять, ругаясь при каждом попадании или промахе, изощренно и громко. Кейн рванул бинт, разделяя его на две полосы, и кивнул девушке с разбитым лицом — имени ее он так и не вспомнил.

— Свяжи их, лучше двойным узлом. Это был бронебойный, прошел навылет. Рана чистая, кость не задета. Она могла ее не почувствовать, в таком состоянии, и истечь кровью…

Пальцы Мириам сжались на его руке, сминая бинт. Он поймал ее взгляд. Зрачки, расширившись, поглотили радужную оболочку глаз, делая его совершенно нечеловеческим.

Словно линзы боевого костюма прайма, оказавшиеся на человеческом лице.

— Умирать не страшно. — Сказала Мириам очень тихо. — Это… как хлопок крыльев бабочки. Ты знал?

— Да.

— Ты тоже видишь… это, в небе?

— Облака?

— Нет. Он готовится. Я не знаю, что он сделает, но это страшно… Нужно еще продержаться. Хотя бы несколько минут…

— Продержимся.

— Да. Ей не нужно было давать мне «Грань». Она действует на меня иначе, чем на нее. Я становлюсь как радио — все слышу, и выключаюсь… включаюсь, и так много раз. И сейчас… это не опасная рана. Нужно продолжать стрелять, чтобы никто не прошел на площадь.

— Не шевелись.

— Мне не больно. Лучше иди к Аните, она о тебе спрашивала.

Монах кивнул, и отпустил полоски бинтов, передавая их девушке, протянувшей руки из-за его плеча. Черные глаза смотрели в небо, куда-то мимо него, обозревая площадь, или весь город.

За спиной Мириам, внизу, бурлило месиво из пыли и порохового дыма. Над которым, словно камни посреди весеннего потока, поднимались груды обломков, оставшиеся от баррикад. Бой продолжался — кипящей полосой, отблескивающей металлом и кровью, отделяя цветные пятна рейдеров от совсем небольшой группы наемников и гвардейцев, оттесненных за последнее укрепление: ряд неровных дуг из бетона рядом с руинами ворот. У крайней из дуг тяжело и ритмично двигалось длинное лезвие, грязное, коричнево-алое — такого же цвета, как и окружающие Арго обломки камня. Перед ним в мостовой зияли две воронки, сейчас ставшие неглубокими ямами для трупов. Как если бы гладиатора забрасывали гранатами издалека, и без особого успеха.

Сбросив винтовку с плеча, Кейн опустился на колено позади Аниты — так, чтобы видеть край ворот, выбитых взрывом. Рейдеры стремились туда, десятками падая под перекрестным огнем. Но каждый труп ложился все ближе ко входу в Верхний город.

Электронный прицел разложился и лег на глаза монаха. Ствол легко двинулся влево, ловя бегущую цель, и еще один Тигр рухнул в коричневую пыль, цепляясь за свой игольник.

Слов для него не было. Счет мертвых Кейна за этот день уже превысил пять десятков.

— Скоро это закончится. — Сказал он тихо, и Анита, оборвав очередное ругательство, замолчала. — Но мне больше не о чем будет сожалеть.

Рейдер на первой баррикаде, сосредоточенно целившийся во что-то на стене, опрокинулся назад и замер.

— Я не должен сомневаться. — Продолжал Кейн. — Но никак не мог перестать думать о том, что стало с тобой. Даже когда у меня не осталось больше мыслей — эта все равно жила где-то. Так что мне пришлось встать и идти за ней.

Девушка в красно-черной броне и с трубой ракетомета на плече, выбежав из-за угла на улице слева, повернулась на месте и неловко осела. Кинувшийся ей вслед рейдер упал на нее сверху, и тоже больше не двигался.

— И теперь все заканчивается. Я нашел тебя. Мне нечего больше искать, и не в чем сомневаться. Если я сожалею — то только о том, что ушел тогда, оставил тебя одну… Но сожаления ничего не исправят. Я здесь, и пусть даже у нас осталась всего пара минут — я нашел тебя, и больше мне ничего не нужно. Эй, ты меня слышишь?

Он дотронулся до ее плеча, провел рукой по волосам, и взглянул на свои пальцы, окрасившиеся красным. Осторожно отложил винтовку, пригнулся и перевернул ее на спину.

Отверстие от бронебойной иглы было маленьким и аккуратным, прямо над левой бровью. Глаз сощурен, словно она продолжала целиться, даже сейчас.

Он закрыл ей глаза, и снова дотронулся до волос — ставших еще ярче, чем прежде.

— Вот, ты опять ушла… И где же мне искать тебя теперь?

Внизу, у ворот, взорвалась еще одна граната, разбрасывая деревянные обломки, один из которых ударил Арго в грудь, отбросив его за баррикаду. Облако белой пыли накрыло остатки укреплений, и через него ринулись рейдеры — минуя оставшихся защитников, прямо в ворота верхнего города, навстречу редким выстрелам укрепившихся там гвардейцев.

Кейн грустно улыбнулся, снова поднял винтовку, и сел в бойнице, уже не прячась.

Он успел выстрелить еще одиннадцать раз, прежде чем что-то легко толкнуло его в

правую сторону груди, заставив потерять равновесие и осесть вперед, упираясь лбом в остатки зубца. Зрение поплыло, но он еще успел увидеть, как рядом медленно встает Мириам, и поднимает игольник, направляя его вниз.

— Две минуты осталось. — Донесся до него шепот. — Глупо не дождаться.

Глава VII

Интермедия VI.

Доктор Брисс сдвинул фиксатор зубами, извлек из инъектора пустой пластиковый цилиндр, и отбросил в сторону. В сумке на его поясе перекатывались еще три таких же. Утром их было десять.

Раненые занимали весь второй этаж госпиталя, и часть третьего, все палаты и коридоры. Свободных коек давно уже не было, и людей располагали как попало — на полу, вдоль стен, на лестницах. Почти не оставляя проходов для защитников госпиталя, понемногу присоединяющихся к ним, или оказывающихся в грудах неподвижных тел. Времени их вытаскивать не было, и возле окон живые лежали рядом с мертвыми.

Доктор установил новый цилиндр, неловко орудуя одной рукой, и протянул инъектор девушке в белом балахоне с красными пятнами, сжавшейся у стены. Ее руки были плотно прижаты к ушам.

— «Морфин-13». — Сказал он. — Всем, кто кричит, по одной дозе, на большее времени нет. Обойди всех, кого сможешь.

Девушка смотрела на него, широко открыв глаза, будто не слыша. Доктор нахмурился, и слегка ударил ее по лицу тыльной стороной ладони.

— Всем, кто кричит. — Сказал он уже громче. — Понятно?!

Девушка кивнула. Полковник вложил ей в руку инъектор, отвернулся, и пошел дальше по коридору, осторожно ступая между ранеными. Очередной залп минометной батареи на крыше отозвался ударом в потолок, наполняя воздух мелкой кирпичной пылью. Стационарный «Единорог», установленный в окне впереди, медленно поворачивался, то и дело вздрагивая, когда управляющий им гвардеец давил на спуск. Доктор обошел орудие, и присел рядом с парой гвардейцев у соседнего окна — живым, прислонившимся к стене справа, и мертвым, лежащим грудью на подоконнике.

Треугольный двор госпиталя напомнил ему старое кладбище в Атланте, вскрытое бульдозерами — груды песка и белого камня, перемешанные с человеческими останками, бесформенными и неузнаваемыми. Но древние мертвецы не шевелились, и не истекали кровью. Полоса черных минометных разрывов пересекла двор, и пару выходящих на него улиц, накрывая прячущихся там рейдеров — и добавляя их тела в общую могилу, вырытую перед госпиталем. Дома с другой стороны двора огрызнулись огнем. Доктор услышал, как крошат раму выпущенные оттуда иглы, и отскакивает от стены коридора случайная пуля. Потеряв не меньше двух сотен человек при первой попытке штурма, рейдеры больше не кидались толпой на укрепленное здание, а засели в домах. И осторожно продвигались вперед небольшими группами, отстреливая защитников по одному. Пока их сдерживали «Единороги» и минометы. Но доктор отлично знал, как мало минометных зарядов осталось на крыше, и что может сделать со старым зданием пара ракет, выпущенных по окнам.

— Площадь еще держится? Пропустите меня, мне нужно туда успеть. — Продолжил прерванную фразу голос в переговорнике, и доктор Брисс поправил гарнитуру — она сломалась после взрыва ракеты на крыше, в самом начале штурма, и постоянно спадала.

— Что там случилось, у магистрата? — Спросил он, укрывшись за трупом гвардейца и

снова выглядывая во двор. — Отсюда ничего не видно.

— Церковь взорвали. — Хрипло ответила прайм. — Я иду к вам по крышам, не стреляйте.

— Церковь? Но зачем? — Доктор отодвинулся от окна и встал, под прикрытием стены. — Там разве была огневая точка? Укрепления?

— Может, как раз потому, что их там не было?

— А где вы?

— В паре кварталов к северу, пришлось сделать большой крюк. Ваш статус?

— Мобилизовали всех, кого могли. Но я потерял половину личного состава. Осталось два взвода, почти все ранены. Три «Единорога», минометная батарея. Мы держим двор, но всех, кто там был…

— Ясно. Подхожу.

— На улицах слишком много рейдеров…

— Я зайду через крышу.

Потолок снова вздрогнул. Доктор отошел от окна, и в этот момент что-то взорвалось во дворе, метрах в двадцати перед госпиталем, сыпанув в окна пылью и мелкой кирпичной крошкой.

— Ракетомет на четырнадцать часов, второй этаж. — Выкрикнули дальше по коридору, и длинный ствол «Единорога» повернулся, отыскивая цель.

— Не дай им разобрать больницу, док. — Голос шерифа едва пробивался сквозь помехи и низкий звук, напоминающий гул пламени в промышленной печи. — Что за город без больницы?

— Смотрите, чтобы вам магистрат не разобрали. — Огрызнулся доктор, пригибаясь у последнего окна на этаже, перед лестницей. — А я уж здесь как-нибудь сам…

Он не заметил, как она прыгнула.

Видел только приземление — черно-красная фигурка влетела через разлом крыши, перекатилась, разбросав осколки старинной плитки, покрывавшей пол, и легко вскочила на ноги.

Минометный расчет, трое гвардейцев, оставшихся из целого взвода, смотрели на нее во все глаза.

— Спокойно. — Сказал голос, искаженный усилителем. — Рейдеры так не смогут. Полковник?

— Здесь. — Ответил доктор.

— Сколько еще вы сможете продержаться?

Последняя фраза прозвучала только в переговорнике — прайм отключила внешний усилитель.

Ее настоящий голос был полон усталости и боли.

— До следующего штурма. — Тихо сказал доктор Брисс.

Прайм прошла мимо него, к разлому стены, когда-то поддерживавшей часть крыши. Сняла со спины игольник, и уложила на изломанный каменный край.

— Акселератор сломался. — Сказала она непонятно кому, и доктор едва разобрал слова в какофонии голосов и криков в переговорнике. — Всего тридцать выстрелов, и все. Кажется, Обзорная площадь захвачена.

— Это значит…

— Как только они войдут в Верхний город, и взберутся на эти стены, вам конец — без

всякого штурма.

— Но вы пришли…

— Да. Вы помните, что я собираюсь сделать.

Доктор подошел ближе. Прайм стояла очень прямо, глядя вниз, во двор, на рейдеров, перебегающих от укрытия к укрытию, и белые султаны от выстрелов "Единорогов". Алые пластины ее наплечников были покрыты копотью, трубки экзоскелета оплавлены. Узкие прорези почерневшего шлема взглянули в сторону доктора, и только тогда он почувствовал ее запах — химическое топливо, гарь и сгоревшие волосы.

— Да. — Ответил он. — Помню.

На крыше за его спиной снова взвыл миномет. Би наклонила голову, прислушиваясь к происходящему в переговорнике.

— Ланье. — Позвала она. — Ланье, ты слышишь?

— Еще слышу! — Крик наемника на секунду заглушил остальные. — Мы отходим к магистрату, за последнее заграждение. Огнеметы потухли, еще немного — будем их ножами резать!

— Видишь мой кар?

— Да, он еще здесь стоит, у входа, за ним мои парни прячутся. Что, думаешь, время?

— Верхний город потерян, сколько вы продержитесь — не знаю, а госпиталь…

— Ладно. — Тихий ответ Ланье утонул в новом взрыве криков и команд. — Говори, что делать.

— Я передам пакет команд на перегрузку реактора, и открою колпак кабины. Тебе нужно будет подтвердить приказ вручную.

— Ах ты…. — Ланье вздохнул, а затем рассмеялся. — Все надеялся, что до этого не дойдет. Ладно, ползу туда. Буду рядом — крикну.

— Давай.

Прайм снова взглянула во двор, и подняла рукоять игольника, направляя ствол вниз.

— Все-таки решились. — Медленно сказал доктор. — Не думал, что вы сможете.

— Есть варианты? — Тихо спросила прайм, и ее игольник хлопнул — раз, второй, третий.

— Вы убьете сорок тысяч человек.

— Пятьдесят — рейдеры тоже умрут.

— Это все — только чтобы убить их?

— Убить Руку. Если долина сгорит, они больше не войдут ни в один город, не подойдут даже близко к стенам. — Би расстреливала рейдеров, бегущих к госпиталю, не целясь, просто глядя вниз поверх игольника.

— И сорок тысяч смертей… этого стоят?

Алый шлем снова повернулся в сторону доктора.

— Это не обмен. Думаете, мы можем торговаться, доктор?

— Я думаю, что вы ничем не отличаетесь от Саймона.

— Да, он считал так же… и, наверное, был прав. Я никого не смогу спасти, полковник… Но я пыталась.

— И вы предпочтете…

— Да. Вы видели поселения, захваченные рейдерами?

— Я… — Доктор медленно обвел взглядом крыши соседних домов, и стену Верхнего города, над которой поднимались столбы жирного черного дыма. — Я наверное слишком

стар, и напуган. Наверняка вы правы, и вам… нечего терять. Лучше умереть быстро…

— Все, кого я могла потерять — там, на площади. — Би кивнула в сторону стены. — Ворота рухнули, и если на обзорной площадке кто-то еще жив, то они молчат. Ланье?

— Я почти на месте… давай!

— Передаю кодовый пакет на общей частоте.

К звукам выстрелов и отрывистым командам в переговорнике прибавился тонкий механический скрип, словно где-то далеко пыталась запеть птица с металлическим горлом. А затем сквозь него пробился еще один голос, смутно знакомый доктору:

— Вероника? Би?

— Здесь. — Быстро ответила прайм. — Мириам, вы еще держитесь?

— Еще минута. — Ответил голос, слабея. — Пусть он сделает это… пока все не умерли.

— Минута?

— Даже меньше.

Алый шлем медленно кивнул.

— Ланье, ты слышал. Триста секунд.

— Здесь их чертова прорва, можем не успеть.

— Ты веришь в чудеса, Ланье?

Наемник хрипло рассмеялся. Громкий удар, отдавшись в наушниках, заглушил его смех — видимо, что-то взорвалось совсем рядом с передатчиком.

— А вы, доктор… вы верите?

Полковник сбросил игольник с плеча, и подошел к краю стены, становясь на колено под прикрытием излома, чуть ниже того места, с которого стреляла прайм. Треугольник двора внизу, укрытый дымом от разрывов мин, кипел — рейдеры снова пошли на штурм. Справа, у входных дверей, выбитых прямым попаданием ракеты, уже завязалась рукопашная схватка.

— Хотел бы, но не могу.

— И я… не могу. — Прайм выстрелила вниз еще несколько раз, и забросила игольник за спину. — Иду вниз, там узкие коридоры… Отличное место.

— Вы ввяжетесь в рукопашную?

— Да.

— Чтобы задержать их у входа?

— Да.

— Несмотря на то, что уже отдали приказ на уничтожение города?

— Еще пять минут, доктор. Как и Саймон, я предпочту пойти до конца. Но если есть малейший шанс… — Прайм сняла алый шлем, повернула забралом к себе, рассматривая, а затем отшвырнула в сторону. — То я буду держаться за него зубами, потому что не умею иначе!

Она стремительно обошла дыру в полу, и спрыгнула вниз, на лестничную площадку. Мелькнули растрепанные обрывки тонких косичек, явно обрезанные чем-то острым.

— Вот и он… не умел. — Тихо сказал доктор, глядя ей вслед.

I.

— Глупо будет не дождаться. — Сказала Мириам, поднимая игольник. Он казался легче, чем раньше — словно за те несколько минут, пока она смотрела на собирающийся в небе невидимый ураган, кто-то подменил оружие точной копией из пластика.

Справа, под ключицей, медленно нарастала боль — чужая, далекая, ненастоящая. Мириам чувствовала давление повязки, наложенной Кейном, шершавую поверхность

рукояти у себя в руке — но "Белая грань" отдаляла эти ощущения, превращая тело Мириам в подобие бинокля. Заставляла чувствовать издалека, быть наблюдателем — равнодушным, бесстрастным… не истекающим кровью.

Кейн не ответил. Похоже, он даже не слышал ее, стоя на коленях, и неловко упираясь головой в остатки каменного зубца. Его пламя едва трепетало. Мириам, три раза выстрелив в толпу рейдеров внизу, обернулась к Тине, перевязывающей гвардейца в паре шагов позади.

— Забери его, он ранен.

Другая девушка, в грязном, коричнево-желтом плаще перехватила край бинта. Тина подползла, на четвереньках, пригибая голову как можно ниже. Выпущенные снизу иглы щелкали о камни зубцов, разлетаясь длинными искрами рядом с Мириам.

— А… она? — Спросила Тина немного шепеляво, дотронувшись до ноги Аниты, лежащей в соседней бойнице.

— Ее уже не нужно. — Ответила Мириам. И сама удивилась спокойствию в своих словах, прозвучавших издалека, со дна колодца, в который медленно погружались ее чувства. Би, отозвавшись в переговорнике один раз, больше ничего не говорила. Не смеялся Ланье, и затих Арго, оставшийся внизу, за последней баррикадой. Перекликались гвардейцы из четырнадцатого взвода. Среди их голосов Мириам смогла различить голос Никки, приказывающий отступить и занять оборону у верхней площади.

Она сидела у бойницы, под градом игл, бьющихся о камень, среди трупов, в осажденном городе — и могла думать только о том, что вот-вот снова останется совсем одна. И от этой мысли было больнее, чем от иглы, прошедшей сквозь плечо. Что-то тянуло ее вверх, в небесный колодец, заставляя смотреть на себя со стороны. Она сосредоточилась, обводя взглядом площадку и ее защитников, цепляясь за каждую деталь как за камень в потоке — чтобы не последовать за этим зовом, бросив свое тело, дрожащее от страха. Не желающее оставаться в одиночестве.

От взвода, размещавшегося справа, остались всего трое. Чернокожий гвардеец, возглавлявший его, отвел своих людей от стены. Теперь они устраивались у притихших минометных труб, готовясь отразить атаку со стороны мостиков, ведущих на улицы Верхнего города. К ним понемногу сползались девушки Аниты, не более десятка, и ополченцы, мужчины и женщины. Их явно стало больше — видимо, Мириам пропустила момент, когда горожане присоединились к защитникам.

Мостики были пусты, но за ними различалось движение — рейдеры прорывались к площади через редкие огневые точки гвардейцев. В голосе Никки, раздающемся на общей частоте, звучала паника. Залитая кровью площадка у минометов заполнялась людьми, прячущимися за импровизированными укрытиями из камня и телами своих товарищей. Мириам внезапно вспомнила слова Аниты, долетевшие до нее меньше часа назад:

— «Страшно умирать одной».

Но здесь, в этом клубке из живых и мертвых тел, никто уже не был одинок. Мириам взглянула в глаза сержанта Торренса, сидящего у ящиков из-под мин, отрешенные, принадлежащие человеку, лишившемуся всего.

А затем сила, вращающаяся в небе над городом, завершила свой последний оборот.

Это было совсем не так, как в начале штурма. Она не смотрела чужими глазами — нет, она была сверху, и одновременно нигде. Рядом с черноволосой девушкой в бронежилете на наблюдательной площадке — и очень далеко от нее.

Маховик силы, накопленной в небе над городом, не желал останавливаться. И

Сломанная Маска сдерживал его — самим собой, невероятным усилием, словно тяжелый меч, зажатый в окровавленных ладонях. Направляя туда, куда он так не хотел падать…

Вниз, на улицы Хокса, полные движения и смерти.

Мириам чувствовала, как меняет направление невидимый ураган. Застывает в воздухе, сгущаясь настолько, что даже рейдеры, прячущиеся за заграждениями перед магистратом, поднимают головы и смотрят в небо, отыскивая его. Будто невидимое черное солнце внезапно взошло в зените, между редких облаков. И каждый ощутил его притяжение, где-то в центре лба, и в животе, давящее томление, нависающее, словно духота перед страшной грозой.

И там, внутри солнца, парил Сломанная Маска, пронзенный струной, проходящей через сердце урагана — и через его тело. Нанизанный на собственную силу, точно бумажная бабочка, пробитая боевой иглой. Девушка ощущала его взгляд над городом и долиной, везде и нигде одновременно. И все это длилось вечность — или такую короткую долю секунды, что не хватило бы даже на один удар сердца.

Меч, размером в небо, между ладонями одного человека…

Падающий вниз, разрезая плоть…

Не совсем понимая, что делает, Мириам подалась вперед, чтобы поддержать Сломанную Маску — и дотронулась до плеча…

Ощутила ткань серого плаща, стремительно пропитывающуюся кровью.

Почти в километре от нее решетчатая башня чуть заметно вздрогнула.

— Я этого… не хотел. — Отчетливо проговорил Сломанная Маска. Мириам не поняла — слышит ли она его потому, что вдруг оказалась рядом, или его голос разносится теперь над долиной, заглушая грохот взрывов.

Сила упала вниз, разделяясь на тысячи потоков, выстреливших с вершины решетчатой башни в разные стороны, хлестнувших металлическими канатами, невидимыми, но всевидящими. И у Мириам, стоящей на пронизанной ветром стальной пластине рядом со Сломанной Маской, уже не было выбора — оставалось только смотреть.

Мозаика города под ногами — разноцветные огни, сливающиеся в потоки, и разлетающиеся цветными искрами. Где каждый огонь — человек.

Такие разные, такие похожие.

И невидимые нити силы, в каждой из которых — приказ, словно яд, поражающий прямо в сердце. Знающие свою цель в лицо.

Тысячи лиц одновременно.

Рейдеры прорвали последний заслон на центральной площади Верхнего города. И хлынули на нее, сталкиваясь с горожанами, взявшимися за оружие, смешиваясь с ними, заливая кровью белую мостовую. Маленький человек, с мечом в правой руке, и игольником в левой, бегущий по крышам вместе с отрядом из Пауков и Тигров, едва успел обернуться, когда Тигры открыли огонь, расстреливая своих союзников в спину. Пауку не оставалось ничего другого, кроме как прыгнуть вниз, в гущу схватки на краю площади, в которой рейдеры дрались уже не только с горожанами, но и друг с другом.

Темнокожая предводительница Змей широко размахнулась, но граната, предназначавшаяся гвардейцам в переулке, вылетела из руки слишком рано — прикрывавший ее Тигр ударил в спину длинным ножом. Лезвие вошло неглубоко, увязнув в кожаной броне. Но толчок сбил девушку с ног, а граната, отскочив от ближайшей стены, взорвалась рядом, среди Змей.

Уже знакомый Мириам седовласый рейдер взбежал на крыльцо госпиталя, разрушенное взрывом, заваленное трупами. Жуткий механический смех, раздавшийся из развороченного чрева госпиталя, заставил замереть его свиту.

— Иди сюда! — Сказал механический голос, и вылетевшая из темноты игла ударила между глаз рейдера, шедшего впереди. Рейдеры рассыпались по крыльцу. Предводитель Тигров кивнул, и в паре шагов у него за спиной поднялись, заглянув в коридор, широкие трубы ракетометов. И тут Волки, смешавшиеся с Тиграми во время штурма, неожиданно взвыли и бросились на него и его маленький отряд.

Ланье тяжело откатился из-за кара Би, проскрежетав наплечником и бронепластинами на спине по мостовой. И встал, изумленно глядя на площадь перед магистратом, туда, где только что взорвалась ракета, запущенная с боковой улицы. Ревущая масса рейдеров, несколько секунд назад рвущихся на баррикады, теперь кружилась в кровавом водовороте над воронкой, пожирая сама себя.

Никки, погребенный под трупами гвардейцев и рейдеров, с трудом приподнял игольник. Но по переулку, в который их оттеснили, уже никто не бежал, и визг Змей на улице становился все тише.

Доктор смотрел вниз, во двор госпиталя, не зная, верить ли своим глазам. Рейдеры, больше не скрываясь в дыму, убивали друг друга. Все новые отряды вливались в схватку с соседних улиц, а прайм, в оплавленной броне, вертелась среди них. И все, кого касалось черное от крови лезвие, падали и больше не двигались.

И были еще лица, незнакомые, и знакомые смутно, одно за другим: рейдеры, высаживающиеся из машин, чтобы расстрелять своих бывших союзников, бегущих навстречу, Марта, прижимающая к себе Тони при виде ревущей волны рейдеров, разрывающей площадь, Пиона, обнимающая кого-то за плечи в душном переулке. И десятки, сотни других, обнаженных и беззащитных перед силой, хлещущей через Сломанную Маску — а теперь и сквозь Мириам.

Она смутно помнила про свое тело, задыхающееся и кричащее от боли у минометных труб, среди трупов. Чувствовала, как от страшного давления намокает кровью повязка на плече, выступает кровь на коже. Но сила шла по ней, как идет караван из тяжелых каров по проторенному пути, прочерченному кислотой на железной пластине купеческой карты. Стальные жгуты приказов, бьющие точно в цель, десятки лиц, тысячи смертей — она переживала их одну за другой, или все одновременно.

Слов для этого больше не было.

А потом сила ушла.

Мириам смотрела снизу вверх в глаза сержанта Торренса — пустые и одновременно наполненные каким-то безумным удивлением. Ее голова лежала у него на коленях, а кто-то из девушек держал ее за руки.

— Все. — Сказала она хрипло, чувствуя, как с трудом ворочается пересохший язык. — Они убивают друг друга. Еще немного, и побегут.

Руки на ее запястьях разжались.

— Ну ты и орала. — Прошептал кто-то рядом. Кто — она не поняла.

Мириам перевернулась, встала на колени, и подняла свой игольник, лежавший рядом.

— Готовьтесь. — Сказала она громко. — Эти, с площади… сейчас они будут здесь.

Интермедия VII.

Предсказатель шел по центральному коридору боевого сектора Атланты А. Десятки

информационных щупов, свисающих вдоль его спины, беспомощно волочились следом — гравитация в этой части станции была близка к земной.

Перед ним расступались военные, десантники, офицеры связи и пилоты — в штабах кипела жизнь. Клод, погруженный в вычисления, автоматически регистрировал встречных, распознавая имена, звания и назначения. Его белый костюм выглядел здесь чужеродно — предсказатели редко появлялись на нижней орбите. И еще реже ходили по коридорам в коммуникационных комбинезонах.

Он вышел на перекресток — пересечение четырех основных коридоров сектора. И некоторое время смотрел на точечные лампы на потолке, рассеянно моргая. Он никогда здесь не был, и чтобы переключиться на электронную карту станции, понадобилась почти секунда.

Затем он улыбнулся девушке-связисту, жмущейся к стене, чтобы не наступить на один из его щупов. И кивнул паре десантников, стоящих в символическом карауле у подъемника, выделяющегося зеленым квадратом на белом полу. Подъемник пришел в движение мгновенно — допуск Клода позволял ему появляться в командном центре наземных операций. Скорее устаревшая привилегия, чем действительная необходимость.

Центр располагался двумя уровнями ниже — большой зал с широким возвышением по центру, мерцающий переливами голографических экранов. Восемь боевых операторов замерли на оперативной платформе, перед объемными проекциями одной и той же картины — долины Хокса, увеличенной, отображенной схематически, смоделированной тактическими и вероятностными анализаторами.

Предсказатель тихо зашел за крайнюю консоль. И, не обратив внимания на напряженную тишину, установившуюся в зале при его появлении, положил ладонь на контактную поверхность, включаясь в информационный обмен.

Человек, сидящий в широком кресле в центре платформы, поднял руку в вялом приветствии.

— Решил зайти? — Спросил генерал Чикони. — Посмотреть, чего стоят твои маркеры в настоящем деле?

Его голос отдавал металлическими нотками. Разрушительный процесс в горле возобновился, и генералу приходилось пользоваться речевым синтезатором.

— Что, увидел такую угрозу программе, что даже переодеться не успел?

Клод рассмеялся, и тихий звук его смеха заставил замереть обслуживающий персонал платформы.

Генерал развернул свое кресло к предсказателю.

— Хочешь что-то сказать?

— Да… вы правы, как это ни странно.

Генерал смерил предсказателя взглядом, потом развернул кресло обратно, к двум экранам слева, на которые начали поступать данные Клода.

— Предсказание имеет ценность только в том случае, если его используют. — Трехмерная карта на экранах развернулась, с разных ракурсов демонстрируя центр долины, усыпанный тысячами цветных маркеров. — Вы же не хотите слышать. Операция провалена, генерал, но вы не видите даже этого. Программа в регионе потерпит крах, а Хокс устоит… Он уже устоял.

Карта Клода совместилась с картой на соседнем экране. Общие контуры совпали, и на мельтешение огоньков в тепловом диапазоне наложились тактические обозначения.

— Смотрите, генерал. Бой проигран, но что гораздо хуже — вы даже не дали мне возможности выяснить, почему…

— Кто-нибудь понимает, о чем он вообще говорит? — Спросил генерал.

— Эти данные, сэр. — Отозвался один из операторов. — Их тайминг сдвинут на полчаса вперед.

— Что?

— Это еще не случилось, сэр.

— Они хоть как-то похожи на правду?

— У нас пока недостаточно…

— Тогда выведите его отсюда к чертовой матери! — Генерал привстал на кресле. — Убирайся из моего штаба!

— Не сейчас, генерал. — Цветная карта заняла еще один экран, потом еще. — Есть одно предсказание, которое не касается операции на Земле. Не волнуйтесь, осталось всего несколько секунд.

— Какого…?

Экраны мигнули одновременно и погасли. Затем из их темных глубин всплыл сложный иероглиф — алый, точно раскрытая рана.

— Что это за хрень?

— Это внешний локдаун, сэр, кто-то блокирует зал…

— Кто?

— У него высший приоритет доступа, сэр.

— Приветствую, генерал Чикони. — Синтезированный голос, прозвучавший в зале, не выражал никаких эмоций. Просто набор звуков, записанных и собранных вместе. — Конклав считает необходимым отстранить вас от руководства операцией в связи с состоянием вашего здоровья. Я, как полномочный представитель Конклава, передаю коды контроля операции старшему предсказателю Клоду Ренуа, находящемуся на посту в своем…

— Я уже в центре, командор Рихтер. — Мягко сказал Клод. — Отсюда лучше видно.

Красный иероглиф мигнул.

— Отлично, Ренуа. Принимайте полномочия.

Генерал привстал в своем кресле.

— Отдаете операцию ему? Но он даже не военный!

— Распоряжением Конклава старший предсказатель Клод Ренуа временно производится в чин полковника ВКС. Вы хотите оспорить это решение, генерал?

— Я хочу, чтобы со мной говорил человек, а не электронная тварь!

— Все знают, что вы не любите предсказателей, Пабло. — Иероглиф снова мигнул. — Но не заходите слишком далеко. Оскорблять представителя Конклава — это похоже на бунт.

— Что?

— Покиньте командный центр, генерал… пока вы не сказали лишнего.

Генерал встал, и с трудом выпрямился — насколько позволял черный медицинский экзоскелет, надетый поверх комбинезона.

— Будьте уверены, мой рапорт окажется у командования ВКС раньше, чем вы…

— Через сорок минут приблизительно. — Прервал его Клод. — Вам еще нужно дойти до каюты. Можете не торопиться — к этому времени факт вашего провала будет очевиден, и рассмотрение рапорта затянется…

— Да, будь уверен… там будет масса интересного, и не только обо мне!

— Вам это уже не поможет, генерал. — Клод моргнул, и алый иероглиф исчез с тактических экранов, переместившись в область голографического отображения данных, невидимых ни для кого, кроме него. — А теперь покиньте мой штаб.

— Умеете заводить врагов. — Иероглиф не говорил, и слышать его никто не мог. Обмен пакетами данных между предсказателями занял около десяти секунд, которых генералу едва хватило, чтобы покачиваясь на опорах экзоскелета, дойти до подъемника.

— Генерал Чикони не простит этого ни мне, ни вам. Но я глава Конклава, и он может захотеть на вас отыграться.

— Согласно данным его медицинской карты, он проживет еще месяца три, не более, его случай очень тяжел. Он будет думать о другом.

Внутреннее пространство Клода расширялось. Контрольные коды, переданные в центр управления, открыли каналы для передачи данных, позволяя увидеть и почувствовать намного больше того, что показывали экраны. Теперь он был в пятнадцати местах одновременно, внутри тактической симуляции — и над настоящим Хоксом, глядя на картину, реконструированную по данным со спутников: движение людей, разрушенные дома, пыль, обломки и кровь, черная в световом и белая в инфракрасном диапазонах.

Иероглиф парил где-то рядом, не отставая — командор Рихтер не зря считался величайшим из живущих предсказателей.

— Медицинской карты? У вас есть доступ к внутренним базам данных?

— Да, уже восемь дней.

— Кто его санкционировал?

— Он сам. Я объяснил ему, что мне требуются данные о населении для сравнительного анализа эффективности евгенической программы.

Белые пятна взрывов вспыхнули и ушли с реконструкции — Клод стер их, как помехи. За ними исчезли светлые брызги крови на улицах, и засветка от выстрелов — они тоже были не важны, и мешали наблюдать.

— Изобретательно. Это на них базируется расчет нашего решения о передаче вам командования операцией?

— Нет, командор. Это предсказание.

— Судя по контрольным записям, вы пришли в зал ровно за две минуты до локдауна?

— Да, сэр.

— Такая точность… впечатляет. Ваши рекомендации по сложившейся ситуации?

— Насколько велики мои полномочия?

— Опять хотите запросить термоядерный удар? Для этого их хватит.

Реконструкция сошлась с данными, переданными Клодом. На огромной карте, простирающейся внизу, проступили цветные линии — перемещения маркеров, произошедшие и вероятные, объединенные золотыми нитями взаимодействий.

— Нет, сэр, за последнее время я существенно увеличил точность расчетов… и предсказаний. Мне нужен штурмовой взвод на объекте четыре в ареале Атланта, через двенадцать часов. И доступ к закрытым историческим базам.

— Эти запросы не противоречат друг-другу?

— Нет. Я собираюсь выявить характер угрозы, и, возможно, устранить некоторые из катализаторов ситуации внизу.

— Это позволит нам продолжить программу?

— Намного больше.

— Поясните?

— Это может ликвидировать саму необходимость в программе. Еще мне понадобятся данные с астрофизических лабораторий — по ионосфере Земли, о перепадах магнитного поля, и еще ряд параметров…

— На объекте четыре уже есть три «Серафа» — отряд сопровождения.

— Их может не хватить, сэр.

Клоду показалось, что командор хмыкнул — но иероглиф не выразил никаких эмоций, и синтезированный голос оставался все таким же ровным.

— Я читал твой доклад. Ты полагаешь, что возможна конфронтация с кем-то или чем-то…

— Нет, командор, эти меры — исключительно против известной угрозы.

На схеме проступила и объемно выступила алая линия, петляющая по городу. Большинство пересекающихся с ней путей гасли, оставляя черные обозначения со сложными цифровыми индексами.

— Но эта угроза указывает путь. Не знаю, что куда он ведет, но вижу — не пройдет и суток, и мы сможем пройти вслед за ней.

— И что дальше?

— Дальше, командор?

— Любой дурак может пройти по дороге. Но что будет дальше?

— Доступ к новой информации… я полагаю. — Клод озадаченно запнулся.

— Я повторю вопрос, а ты подумай еще раз… — Иероглиф замерцал, увеличиваясь, и предсказатель внезапно осознал, что у беседующего с ним существа действительно давным-давно нет настоящего человеческого лица. — То, что действительно происходит внизу… готовы ли окружающие нас люди это узнать?

II.

Мостик под ногами качнулся, и Мириам ухватилась за провисший металлический трос, удерживая равновесие.

Этот мост оказался прочнее, чем соседние — или, возможно, ему просто досталось меньше осколков. Граната, взорвавшаяся в руках Тигра, подстреленного Мириам на другой стороне, оборвала большую часть креплений, но тонкие металлические балки выдержали. Мост справа сразу рухнул вниз, на улицу, и лежал теперь поперек нее ржавой раздавленной змеей. Мост слева висел на паре канатов, боком, перекрутившись, словно ленточка для волос. Мириам искоса глянула туда, и крепче вцепилась в трос. Двое гвардейцев, шедших впереди, один за другим перепрыгнули через секцию моста с отсутствующими досками, заставив его покачнуться еще сильнее, так что кто-то из девушек, шедших следом за Мириам, вскрикнул. Она вдохнула поглубже, и прыгнула следующей, стараясь не смотреть вниз — неловко, запнувшись при приземлении, и упав на локоть.

Залитый кровью кирпич под рукой оказался отвратительно мягким, теплым, словно живое существо. Она вскочила, и вскинула игольник. Гвардейцы уже разошлись, заняв позиции по обе стороны моста, среди бесформенных ошметков рейдеров. Она последовала их примеру, отойдя влево, и присев, рядом с человеческим телом в коричневом бронежилете, лишенном головы и рук.

Это мог быть тот рейдер, в которого она выстрелила… или нет, понять это было невозможно. Последние двадцать минут она помнила обрывками — четкими и необычайно ясными, благодаря "Белой грани". Но не все они складывались вместе, как кусочки

головоломки, о которой говорила Би:

…она собирает картриджи с трупов гвардейцев. Их много, они выложены в ряд на площадке перед минометами, а рядом, отдельно, лежат мертвые девушки. От мостиков стреляют, но Тина, переползая между ними, закрывает им глаза, складывает руки на груди, не обращая никакого внимания на пули и иглы.

…чернокожий гвардеец, чьего имени она так и не спросила, разрезает завязки бронежилета Кейна, лежащего под прикрытием каменного завала, рядом с другими ранеными. Мышцы монаха, плотные и жесткие, словно веревки, шевелятся, когда он дышит. Его грудь покрыта застарелыми кровоподтеками, по правому боку бежит татуировка в виде дерева — цветущая яблоня, нарисованная очень красиво. В одном из цветов узкая дыра от иглы, пульсирующая кровавыми пузырями. Гвардеец прикладывает к ране свернутый бинт, и Мириам прижимает его, давит сверху что есть сил, запечатывая рану.

…перед глазами танцует красная точка, даже если не смотреть в прицел. Если смотреть — то видно, как за мостиками, на улице, дерутся рейдеры. Снизу, с площади, тоже доносится шум боя, но выстрелов почти не слышно — видимо, у всех закончились патроны. В уголке прицела красным мигает цифра три, и Мириам пододвигает к себе найденные картриджи. В них наверняка немного игл, но на тех, кто бегут сейчас к мостикам, хватит — их тоже немного.

…до мостиков добегают три девушки, в ярких доспехах Змей. Мириам смотрит на них сквозь прицел, но не стреляет, потому что они разворачиваются у края крыши, и сталкиваются с Тиграми, бегущими следом. Все происходит мгновенно — одна девушка сразу срывается вниз, ухватив с собой пару нападавших, две других кидаются в самую гущу врагов. Мириам видит, как наконечник копья выходит из спины одной из них. Кто-то из Тигров падает, бесформенный ком катится по земле, мелькают желтые лоскуты на броне, взлетают и опускаются лезвия длинных ножей. Змея и Тигр остаются лежать, тела растаскивают. Один из Тигров оборачивается, глядит на площадку, за мостики, прямо в прицел. Потом достает что-то из подсумка, и разбегается, широко размахиваясь. Мириам рефлекторно жмет на спуск, красная точка подпрыгивает у него на груди, но игла попадает в горло, заставляя его споткнуться. И граната падает назад, под ноги другим Тиграм — а затем белое облако взрыва, смешанное с красными лоскутами, скрывает всех.

Кто-то дотронулся до ее плеча. Прикосновение было отчетливым, как и воспоминания. Долю секунды Мириам не могла понять, что реальнее. А затем отошла, освобождая дорогу ополченцам, тянущим раненых на волокушах из плащей и мешков. С ее маленьким отрядом, перешедшим через мостики, пошли далеко не все. Большинство раненых гвардейцев осталось позади, на площадке, охраняя тех, кого нельзя было унести.

Бой все еще продолжался где-то внизу. В Верхнем городе стреляли, но голос Никки, снова зазвучавший в переговорнике пять минут назад, уже докладывал о том, что площадь освобождена, и рейдеры бегут. Ему отвечала ругань Ланье — бесконечный поток ругательств, большую часть которых Мириам не понимала. И возгласы гвардейцев, с обоих холмов, заглушаемые близкими выстрелами.

Они прошли мимо трупов, разбросанных у неглубокой воронки. Некоторые Тигры еще шевелились, и Мириам отвела взгляд — ей не хотелось думать, что с ними станет. Никто не собирался брать пленных. Дальше, на улице, два раза хлопнул игольник, и гвардейцы впереди снова остановились. Переулок, начинающийся от мостиков, в этом месте сужался, выходя на основную улицу, ведущую снизу, от ворот, к центральной площади. Мостовая в

этом месте оказалась крышей домов, расположенных ниже. При мысли об этом, Мириам запоздало испугалась — один из взрывов мог разрушить крышу или перекрытие, как это случилось в госпитале, и тогда все, кто оставался на обзорной площадке, оказались бы в ловушке. Туда и так уже вел всего один мостик. Мириам оглянулась, проверяя, на месте ли он, не оборвался ли — и потому пропустила момент, когда шедшие впереди гвардейцы тоже начали стрелять.

Услышав первый хлопок, прозвучавший совсем рядом, она упала на колено и подняла игольник — эти движения уже стали привычными, и она не успела даже задуматься. Шедший рядом гвардеец тоже выстрелил, два раза, но ответных выстрелов не было. Люди, перебегающие по другой стороне улицы, от переулка к переулку, не остановились. Один из них споткнулся и остался лежать, а остальные брызнули в стороны, прячась в боковых улочках.

Гвардейцы прекратили стрелять. Сверху, от площади, бежали еще рейдеры, все больше и больше, не останавливаясь. Окровавленные, изможденные, они жались к стенам, стараясь держаться от гвардейцев подальше. Их были десятки, может быть, сотни — разрозненные и совсем не похожие на тех людей, которые шли на штурм полчаса назад.

В их цветах больше не было жадности или ярости — остался только страх.

Бой на верхней площади, видимо, заканчивался, рейдеров на улице становилось все меньше. Мириам встала, глядя вниз, на ворота, которые защищал Арго. Оттуда, вверх по улице, навстречу бегущим, поднималась группа людей, ощетинившаяся копьями. Построившись квадратом, они перекрывали улицу едва ли на треть, копья жалили пробегающих мимо рейдеров, старающихся обойти эту живую преграду, но удары были неточными, и большинство из них миновало цель.

Квадрат медленно двигался вверх по улице. Только взглянув на него в прицел, Мириам увидела остатки белых нашивок на окровавленных бронежилетах, и высокую фигуру в моторизованной броне, устало бредущую в строю.

Молоты возвращались в Верхний город.

Они встретились посреди улицы — Мириам, Арго и Флай. Ополченцы потащили раненых дальше. Копья Молотов и игольники девушек, следующих за Мириам, смотрели во все стороны, точно щетина на собачьем загривке.

— Получается, мы правильно выбрали, миз. — Сипло сказал Флай после долгой паузы. Его голову и часть лица под гвардейским шлемом скрывала окровавленная повязка, так что виден оставался только один глаз — то ли веселый, то ли безумный.

- Это еще не все. — Арго оперся на меч, рукоять которого, оплетенная грубым черным шнуром, оказалась выше головы Мириам. — Они сами из города не уйдут.

— Уйдут. — Ответила Мириам. — У тебя кровь из уха течет.

— Ага, ничего им не слышу. Это все их гранаты. И радио мне сломали.

— Да? Я уже испугалась, что ты молчишь.

— Молчит? — Флай рассмеялся. — Молчал он, как же… От его ругани больше рейдеров легло, чем от меча.

— Поговори мне…

— Что теперь, миз? Добиваем этих, или на площадь?

— Раненым нужно наверх, но мне… — Мириам подняла голову, разыскивая силуэт решетчатой башни, едва видимый в дыму и пыли, поднятой взрывами. — Мне нужно туда.

— Сейчас? — Удивился Арго. — Это… он сделал? Поэтому они все передрались?

— Да, и теперь ему очень больно. Я даже не знаю, как он спустится.

— Тогда так. Флай, ты иди на площадь. Доведете раненых и девочек — они достаточно повоевали. А мне нужно человек пять, посмелее — погулять еще.

— Вниз сходите? Так они же все туда бегут…

— Именно что бегут. Ну что, кто с нами?

Мириам огляделась. Темнокожий гвардеец, чьего имени она так и не запомнила, нерешительно кивнул. Вперед выступила пара гвардейцев из его отряда, и четверо Молотов — окровавленных, в запыленной кожаной броне, словно побывавших в песчаной буре.

— Вот и хорошо. — Сказал Флай. — Тут еще кишмя кишит, так что мы осторожно пойдем… Хочется и до вечера дожить.

— Всем хочется. — Ответил Арго, внимательно следя за тенями, мелькающими в соседних переулках. — Мы тоже осторожно… пройдемся.

Они не прощались, просто разошлись в разные стороны. Мириам еще несколько раз оглянулась вслед девушкам и Молотам, идущим за ополченцами и волокушами. Ей не хватало чьего-то присутствия рядом — видимо, Тины, которая осталась на наблюдательной площадке, вместе с группой, охранявшей Кейна и других раненых, которых никто не решился тащить.

III.

Они шли вниз, к воротам, как по территории врага — медленно, обходя трупы на мостовой, и раненых, прячущихся в узкие тени у стен домов. В соседних переулках мелькали рейдеры. Некоторые бежали прямо по улице, мимо, не задерживаясь. Арго, идущий впереди, то и дело останавливал группу, чтобы пропустить их — обычных людей, окровавленных, испуганных, и совсем не страшных теперь.

Мириам смотрела на Обзорную площадь с самого утра, но вблизи все выглядело совсем иначе.

Осколки ворот, разбитых прямым попаданием ракеты — длинные щепки и балки, перемешанные с человеческими телами, лежали в черной пыли, пропитавшейся кровью. За ними громоздились завалы из человеческих трупов. Валы, возвышающиеся над баррикадами и головой Мириам, сотни или даже тысячи тел, которые она никогда бы не смогла сосчитать, неподвижные и еще шевелящиеся. Маленький отряд во главе с Арго медленно двигался, отыскивая путь между укреплениями. Под ногами чавкала вязкая грязь — словно после дождя, которого не было, испуская теплый пар, пахнущий мокрым железом и выгребной ямой.

Поле боя продолжало жить — какой-то своей, отвратительной жизнью. Кто-то бежал по нему, полз, копошился, стонал вдалеке, говорил десятками голосов, и дышал. Медленно приближающееся к зениту солнце начинало пригревать, пробиваясь сквозь дымное одеяло, укутавшее город. Кое-где, над телами, уже гудели жирные черные мухи.

Цвета жизни вокруг переплетались с цветами смерти — меркнущие огни, разбросанные по камням, перемешанные с тусклыми светлячкам, остающимися от мертвых. Цвета боли, страха и отчаяния, десятков и сотен людей, еще не умерших, но уже близких к этому. И яркие оттенки страха, жадности, сомнения — какие-то люди, обыскивающие еще не остывшие тела, прячущиеся при малейшем признаке опасности, словно падальщики, разбегающиеся при виде приближающегося кара.

Северный холм, отлично видимый с площади, выглядел страшно — как гора из дыма с плоской шапкой магистрата, торчащей между черными туманными столбами,

изгибающимися на запад. Там горели дома, много, по всему восточному склону, отмечая места падения ракет, и путь рейдеров к площади на вершине.

Несколько раз впереди или сбоку со звоном сталкивалось железо, слышались крики — рейдеры продолжали драться между собой, даже убегая, или сцеплялись с людьми, обирающими трупы. Арго обходил такие места, осторожно, но особо не прячась. Завидев его фигуру, бредущую с огромным мечом на плече, большинство встречных предпочитало укрыться за ближайшим завалом, или просто убежать, растворившись в пыльной завесе над площадью. Мириам провожала их дулом игольника, но стрелять не было никакого смысла. И они шли дальше — между воронок от взрывов гранат и ракет, по следу из разрубленных тел, оставленному Арго. К первой баррикаде, остатки которой все еще поднимались у центральной улицы, почти погребенные под телами рейдеров, которые так и не сумели ее преодолеть.

Мириам совсем не помнила эту улицу — кажется, они с Би поднимались в Верхний город иначе, по улочке слева, перегороженной завалом в самом начале штурма. Баррикаду пришлось обойти через разлом в стене дома, нависающего над ней черным, будто опаленным, углом. Сквозь комнату с парой низких кроватей, зияющую черным дверным проемом в глубь здания. Кровати и пол покрывали мелкие брызги крови, у выхода из разлома громоздились тела — рейдерам этот обходной путь достался очень дорого. Дальше, за ним, начиналась мостовая, сплошь усеянная телами — именно сюда стреляли Мириам, Анита, и расположившиеся рядом с ними гвардейцы.

Трупы лежали на улице плотно, словно листья под осенними яблонями. Арго шел вдоль правой стены — там было посвободнее. Широкие балки, выступающие оттуда не менее, чем на метр, служили укрытием для стрелков рейдеров. Некоторые из них, попавшие в прицел Мириам, там и остались — рядом с телами горожан, не добежавших до баррикад в самом начале штурма. Их легко было опознать по светлой одежде — грязно серые пятна среди черных и коричневых плащей, мужчины, женщины, дети, узлы и тюки с вещами, лежащие рядом, в пыли. Чем ниже спускалась улица, тем больше их становилось. А узкую горловину, глядящую на Праздничную площадь, перегораживала целая гора тел — словно небольшое отражение баррикад, сложенных наверху. Видимо, здесь был затор, толпа бегущих толкалась в узком пространстве, а рейдеры напирали сзади, стреляя из игольников и ружей. Кровь, почти незаметная на черном, была слишком хорошо видна на светлой ткани — на серо-коричневых кучах, бесформенных, точно белье, выложенное для стирки. Чье-то бледное лицо, присыпанное пылью, пальцы, сжимающие лямку рюкзака, черный клинышек бородки, глаз, зеленоватый и мутный — все новые и новые детали впивались в память, не позволяя отвернуться. Мириам слышала, как матерится позади кто-то из Молотов, тяжело дышат гвардейцы, идущие рядом, эхо далеких шагов на соседних улицах, крики позади, треск статики в переговорнике, почти не пропускающий слов.

Но на площади, среди тел и прилавков, опрокинутых бегущей толпой, было тихо.

Арго, идущий впереди, взглянул в ее сторону. Она увидела гримасу, искажающую его лицо — то ли отвращение, то ли злость.

— Думал, смогу гордиться. — Сказал он тихо. — Хоть что-то сделаю. А ты посмотри на это… И тошно уже рубить ублюдков, потому что они убегают.

— Ты сделал. — Ответила Мириам. — Я видела, как ты дрался.

— Лучше бы не видела. — Арго наклонил голову, и ускорил шаг, так что Мириам пришлось почти бежать вслед за ним.

Перед зданиями, над крышами которых поднималась решетчатая башня, было удивительно чисто — ни тел, ни обломков прилавков. Словно этот уголок площади миновали и рейдеры, и те, кто от них спасался. Вывеска над «Горькой ягодкой» висела нетронутой, и Арго, взглянув вверх, на металлическую конструкцию, обернулся к гвардейцам.

— Как к ней пройти?

Темнокожий гвардеец кивнул, и пошел вперед — к двери, едва заметной на красной кирпичной стене, у входа в хорошо знакомый Мириам переулок.

Дверь была не заперта.

Чувствуя боль, разливающуюся в воздухе, словно горький дым от костра, Мириам обогнала Арго и побежала вперед — по коридору, ведущему к деревянной лестнице, круто поднимающейся наверх, изгибающейся под острым углом.

— Держать вход. — Сказал Арго позади. А она кинулась вверх, перескакивая через две ступеньки, по лестнице, через пустые комнаты, заполненные металлическими шкафами. И снова по лестнице, в комнату, где у двери, выводящей в колодец с железными скобами, вбитыми в стену одна над другой, лежал Сломанная Маска.

И кто-то придерживал его голову, пытаясь влить в рот воду из металлической фляжки.

Жуткая маска повернулась, блеснули и снова погасли асимметричные линзы.

— Пей! — Сказала Би своим обычным голосом. — Пей, чтоб тебя…

Сломанная Маска улыбнулся. Пластины на его лице пришли в движение, так, что скопившаяся между ними кровь заструилась вниз, тоненькими ручейками, по шее и подбородку, собирая одинокие алые капли, выступившие на коже.

— Почему ты не сказала? — Не очень внятно спросил он. Кровь текла у него из носа, рта и уголков глаз, рукава серого плаща намокали красным.

— Что? — Би отняла фляжку от его губ, все еще стоя рядом на коленях, и придерживая за плечи.

— Как это… мерзко. — Он поднял перед собой окровавленную ладонь, рассматривая ее. — Все они… Чувствовать их, быть ими, убивать… как они. Ты же была там…

— Я уже давно не знаю, что мерзко, а что нет. — Она приподняла его голову, и Мириам увидела кровь на ее доспехах. Не красные пластины барона, которых больше не было, а блестящие влажные разводы, лишь слегка отсвечивающие алым в ярком солнечном луче, падающем из колодца.

— Неправда, я же вижу. — Сломанная Маска больше не улыбался. — Я видел и тебя.

— Заткнись.

— Я не хотел… правда. Просто не получилось отвернуться. Как у тебя, тоже не получается… отворачиваться.

— Еще как получается. — Би наклонила голову. Маска лопнула, раскрываясь, и Мириам шагнула вперед, разглядывая ее бледное лицо, и спутанные волосы, ставшие в несколько раз короче.

— Твои… косички? — Прошептала Мириам.

— Сгорели. — Ответила Би. — Вместе с кордом. Пришлось отрезать.

— Как жаль. — Сказал Сломанная Маска, и его голос неуловимо изменился, став выше и словно моложе. — Я люблю их блеск, они как ночное небо перед грозой, в котором так трудно найти звезды. Они как шелк, и я не знаю, какой должна быть вещь, достойная скреплять их… Может быть такой, как эта заколка?

Фляжка скрипнула в руке Би, сминаясь.

— Зачем ты опять это делаешь? — Спросила она тихо.

— Потому что хочу понять. Он знал тебя… тот, о ком ты боишься вспомнить? Он видел тебя такой, как сейчас… какой ты была там, за воротами? Он понимал?

Би прислонилась спиной к стене, так что его голова легла на ее плечо. Их объятие, источающее кровь, вдруг показалось Мириам болезненно интимным. Чем-то таким, что совсем не следовало видеть посторонним.

— Нет. — Сказала она наконец. — Не видел. Но это совсем не важно…

— А что тогда… важно?

— Уже ничего.

— Неправда… опять. Для тебя нет… неважных вещей. Иначе ты никогда бы не стала… не позволила сделать это с собой. Не спасла бы Мириам, не встала бы на защиту этого города.

— И что это значит?

— И я хотел бы знать, что это значит. Почему это столько значит… для меня.

Арго медленно поднялся по лестнице и остановился за спиной Мириам, будто не решаясь войти.

— Что это с ним? — Прогудел он.

— Он… надорвался. — Ответила Мириам, с трудом подобрав правильное слово.

— А ты спасла меня. — Прошептал Сломанная Маска в ответ. — Ты разделила со мной эту… ношу. Знаю, я чувствовал тебя там, наверху, рядом… И остался бы там, если бы не ты.

— Это случайно. — Ответила Мириам. — Из-за таблетки…

— Случайностей не бывает. То, что я сделал с тобой, то, что ты сделала со мной, и она… — Его голос слабел, и последние слова потерялись в слабом хрипе. Би приподняла его голову.

— Ты же не собираешься умирать? — Спросила она жестко. — Лучше мы дотащим тебя в госпиталь живым.

— В госпиталь не нужно. — Тихо ответил Сломанная Маска. — У меня слишком мало сил, но я выжил, и не умру… сейчас. Наверное я засну, и буду спать очень долго.

— И все?

— Мне этого хватит. Несколько дней… Пообещай мне, что не пойдешь на запад, в мой дом…

— Куда?

— Не пойдешь туда без меня. Дождешься, пока я вернусь… на запад, вслед за ними… — Его дыхание снова прервалось. — Пообещай.

Би осторожно дотронулась до его шеи, проверяя пульс, потом отстранилась, осторожно уложила его на пол, и встала.

— Не собираюсь на запад. — Ответила она. — Мне и здесь есть, о ком беспокоиться. Нужно будет дотащить его до госпиталя, или хотя бы до площади.

Ее взгляд остановился на Мириам.

— Но есть еще один вопрос. — Продолжила Би. — Который почему-то не дает мне покоя…

— Какой?

— Кто такая Вероника?

Интермедия VII.

Головной кар затормозил, разворачиваясь боком, оставляя глубокие колеи в песке, устилающем заброшенную дорогу. Рывок чуть не сбросил Шото, сидящего сверху, на кабине, и вглядывающегося в очертания машин, перегородивших дорогу — легких, с броневыми пластинами, раскрашенными в красный и желтый цвета. Девушка в кожаной броне, сидящая на сиденье, прикрученном к крыше передней машины, помахала ему рукой. В ответ Паук дважды ударил по ветровому щитку своего кара, приказывая приглушить двигатель.

Позади на дороге останавливались остальные машины, и грузовики потяжелее. Пауки, соскакивая на песок, укрывались за ними, занимая боевые позиции. Но сам Шото не торопился. Наоборот, он медленно расстегнул пряжку плаща, не торопясь положил на крышу машины игольник, затем спрыгнул вниз, и пошел вперед, держа руки на поясе.

Труба ракетомета, выглядывающая из-за передней машины Змей, продолжала смотреть на его кар.

Он шел вперед, чувствуя, как следят за ним глаза стрелков, укрывающихся за карами, и в низкой растительности по обеим сторонам дороги. Не меньше двух десятков Змей провожали его взглядами, когда он подошел к кару с сиденьем на крыше и встал перед ним, глядя на их предводительницу без всякого выражения.

— Ты Паук, что ли? — Спросила Феникс, наклонившись вперед. — Кар у тебя как у Тигра…

— Забрали у них кар. — Ответил Шото, тщательно обдумывая каждое слово. — Они нас предали, и мы их убили.

— Предали? — Феникс спрыгнула вниз и наклонилась к Шото, но тот продолжал спокойно смотреть на нее снизу вверх. — Ихан предал нас, но с чего ему драться и с вами?

— Хайд погиб. — Ответил Шото. — Может, он решил, что мы стали слабыми?

— За нас всех решил? Не врешь мне, малыш? — Она слегка горбилась, словно что-то мешало ей стоять прямо. Шото разглядел следы крови на левом кожаном налокотнике — черное на желтом.

— Мне с тобой делить нечего. Я Змей не убивал.

— Мы дрались со всеми, вы все словно спятили. Не понимаю Ихана — барахла бы всем хватило.

Шото продолжал смотреть на нее, и она ухмыльнулась.

— А что у тебя в кузовах, малыш?

— Что взял — то мое. — Ответил Шото.

— А если я гляну?

— Побереги глаза.

Феникс снова ухмыльнулась.

— Решил что-то по тихому урвать? Только почему у тебя кары сплошь закрытые, если барахло там? Может потому, что там живой кто? Пищит и сбежать норовит?

— Может и так. Только Змеям такая добыча не интересна, верно?

— Да, мои девочки детьми не торгуют, мы этот вопрос уже проясняли. Резать глотки одно, а вот детей нелюдям отдавать — совсем гадость выходит.

— А ракеты вы купили, значит? — Кивнул Шото в сторону передней машины.

— Купили, у Тигров… на железку в брюхе выменяли. — Феникс продолжала улыбаться, но в ее глазах зажглись опасные огоньки. — Только ты в сторону не виляй, паучок. Нам с девочками сейчас машины очень пригодятся. А детишек мы бы выпустили — на кой они вам? Еще продашь их, наберешь барахла, собьешь банду, и вырастет из тебя большой-

пребольшой паучище. И думай потом, что с тобой делать. Мирно тебе предлагаю — поделись с нами, и поедем себе дальше, в разные стороны, пустыня то большая.

— Ладно. — Ответил Шото, поворачивая руку на поясе ладонью наружу. — Поделюсь. Есть у меня одна штука, специально для тебя. Посмотри-ка сюда…

Феникс стрельнула глазами вниз, и ее улыбка стала еще шире.

— Граната?

— Да. Из настоящих, не хлопушка с черным порохом. Ты их и сама бросала, я видел. Она хорошо взорвется, разожму пальцы — и ни тебя не будет, ни Змей твоих в этих машинах. А мои ребята остальных дорежут. Как тебе такой подарок?

Феникс хихикнула.

— А из тебя и правда большой паук вырасти может. И толстый.

— Скажи, пусть отведут машины.

— Уговорил. Поплясать с тобой не выйдет, а для других забав ты маловат будешь. Скучный паучок, езжай. — Она свистнула, и раскрашенные кары пришли в движение, разъезжаясь в стороны. — Потом увидимся, поболтаем. Может и подружиться выйдет.

— Может. — Шото не двигался с места. Его машина медленно подъехала, и остановилась перед каром Феникс, пропуская вперед маленький караван Пауков. Он смотрел перед собой, избегая взгляда Феникс, полного каким-то совершенно непонятным ему весельем. Только когда последняя машина проползла мимо, оставляя низкий пылевой хвост, он запрыгнул на броню своего кара.

— Пока. — Феникс медленно помахала ему левой рукой, и отвернулась, говоря что-то паре Змей, вооруженных ракетометами. Шото два раза ударил по кабине кара, и тот сорвался с места. Смотреть назад ему не хотелось.

Феникс провожала его взглядом, пока конвой не исчез вдалеке, превратившись в пыльный завиток между холмами.

— Поставила, Коди? — Спросила она еще одну Змею, в желтой пятнистой броне, выбравшуюся из кустов между машинами, перекрывшими дорогу. Те, что стояли у обочины, двинулись, выстраиваясь для похода. И обнажая проплешину с торчащим посреди нее квадратным контейнером — лопнувшим, неестественно белым, и прикрытым серыми покрывалами парашютов.

— Да. — Выдохнула Змея. — Под кузов зацепила.

— Сколько проработает?

— Дней двадцать, если не отвалится.

— Умница. Дней через десять он и думать о нас забудет. Поделят добычу, домой соберутся. А там и мы подоспеем, тихо да ночью. По машинам! За скалами есть пара мест хороших, девочек дождаться… — Она осторожно поднесла к уху гарнитуру — блестящую, маленькую, и какую-то идеально-красивую, словно украшение. — Ну что ты там мне говорил, а?

— Стоило с ним договориться. — Произнес в ее ухе голос со странным выговором. — Тебе может пригодиться каждый человек.

— С этим? Да вы его сами скоро близко увидите, не сомневайся.

— Я не покупаю детей. Выполни то, о чем я попрошу — и я дам тебе намного больше того, что он сможет получить. И того, что было в контейнере.

— Посмотрим, что ты попросишь… — Она сжала гарнитуру в кулаке, рассматривая ее, затем оглянулась на холмы Хокса, дымящиеся, точно недавно погасший костер. — А то у нас

и здесь дел полно осталось. Сами себя сожрали, да и девчонок моих под нож пустили. Ничего, мы про вас не забудем, мои хорошие. Мы про вас всех кому надо напомним, да так, что до конца жизни вспоминать будут!

Кары завелись, один за другим, и ее слова утонули в свисте моторов. Машины срывались с места одна за другой, а она все стояла, сжимая гарнитуру в руке, и не могла оторвать глаз от горящего Хокса.

В глазах на расчерченном желтыми полосами лице стояли слезы.

IV.

Главная площадь Верхнего города походила на ком сыра — мягкий и ноздреватый круг, от которого откусили огромный кусок, превратив в мятый полумесяц. Масса людей, отхлынув от улиц, ведущих к воротам, расположилась полукругом, освободив часть площади, заваленную трупами. По рыжей грязи, чавкающей под ногами, ходили гвардейцы и ополченцы, растаскивая тела — рейдеров направо, горожан налево. Над толпой висел плач, сквозь который то и дело пробивались женские крики. Черно-серый дым закрывал солнце, подползающее к зениту, погружая площадь в полумрак. Несколько домов, выходящих на нее, до сих пор горели. Возле них суетились горожане с ведрами и лопатами, но еще больше черных столбов поднималось на соседних улицах и ближе к стенам.

В мелькании человеческих голов впереди почудилось нечто знакомое, и, всмотревшись, Мириам узнала едва трепещущий огонек Кейна. Монаха тащили на волокуше три девушки, прямо по трупам, с трудом находя дорогу, пробиваясь к закопченному фасаду "Сладкой белочки", веселая вывеска которой смотрелась совершенно дико над полем недавнего боя.

Мириам дотронулась до плеча Би, шедшей впереди, и кивком указала в ту сторону. Шум на площади не позволял говорить тихо, а переговорник с недавнего времени только шипел.

Би задумчиво кивнула в ответ. Сбивчивый рассказ Мириам о Веронике, казалось, не удивил ее, а, скорее, подтвердил какие-то выводы, которые она уже успела сделать сама.

— В «Белочку» его! — Крикнула Би гвардейцам и Молотам, тянувшим носилки со Сломанной Маской. — До госпиталя далеко, пусть пока там полежит.

Шедший следом Арго остановился рядом, обозревая толпу с высоты своего роста.

— Ты малых тут оставила, да?

— С Мартой. — Мириам оглянулась, чувствуя, как нарастает в ней паника. — Вот здесь, где… я совсем не подумала, что будет такое…

Часть площади, где она в последний раз видела Марту с детьми, располагалась правее "Сладкой белочки", и была теперь полностью завалена трупами, которые стаскивали туда ополченцы.

— Никто не думал. — Сказала Би. — Никто. Я пойду поищу там, а вы идите дальше, они могут быть где-то среди…

— Наверняка сбежали. — Ответил Арго. — Пошли, найдем их…

Мириам зажмурилась, стараясь не заплакать. Почему-то отсутствие детей и Марты очень испугало ее, больше, чем вид толпы рейдеров, бегущих на штурм.

— Эй. — Сказала она, и дотронулась до локтя Арго. — Может, я их увижу.

— Как? — С сомнением протянул тот, обозревая толпу, суетящуюся на площади, узлы и мешки, громоздящиеся друг на друга, разделяющие людей, будто улицы маленького города, прячущегося в большом. — Лучше подойдем.

— Сейчас. — Ответила Мириам, зажмуриваясь сильнее. Пламя Би отдалилось, уйдя вправо, и впереди, среди россыпи огней, внезапно мелькнуло что-то знакомое.

— Направо. — Сказала Мириам. — Между тех мешков, где лежат гвардейцы, видишь?

— Ладно. — Арго пожал плечами, и поднял меч за середину лезвия, осторожно, чтобы не зацепить никого в толчее. — Держись прямо за мной.

Идти за ним оказалось еще проще, чем за Би. Перед гладиатором расступались, но не со страхом, а, скорее, с уважением — видимо, многие видели бой на Обзорной площади, или слышали о нем. Место, которое увидела Мириам, располагалось прямо под круглой сценой посреди площади. Здесь во много рядов лежали раненые — на пустых мешках, плащах, и просто на земле. Идя за знакомым цветом, Мириам не заметила, как Арго остановился, и слегка толкнула его головой в спину.

— Эй. — Сказал он.

Перед ними, на сложенном сером плаще, лежал черноволосый гвардеец. Его голова покоилась на коленях девушки в белой одежде горожанки. Рядом, держа ее за рукав, сидел ребенок — совсем маленький, с лямками, как у рюкзака, пришитыми прямо к одежке.

— Что такое… — Гвардеец поднял глаза на Мириам. Его пламя мигнуло сомнением — он не сразу узнал ее, в бронежилете и шлеме, залитыми чужой кровью.

— Привет, Ник. — Просто сказала Мириам. Никки кивнул, пряча глаза, знакомый цвет заполнил его, и только потеря крови не позволила ему покраснеть от стыда. Глядя на это, Мириам вдруг почувствовала желание рассмеяться — настолько мелкими показались ее обида и его стыд после того, что пришлось пережить в этот день.

Но смеяться она не могла, даже сил на улыбку больше не было. Она присела в ногах у Никки, глядя на него.

— Это… Кора, моя жена. — Сказал Никки, рассматривая повязку у себя на груди. — А это — мой сын. А это Мириам, она…

— …друг. — Сказала Мириам. — Что с тобой случилось?

— Мы удерживали ворота, потом отошли. Мой отряд оттеснили в переулок, а затем они начали драться между собой. Мы ударили им в спину, и пробились на площадь, а тут… — Он сморщился от боли. — Был бой, они дрались друг с другом, но некоторые… Несколько прорвались вдоль домов, и зачем-то напали на людей… безоружных. Мы им помешали…

— А ты?

— Это… уже под конец, когда они отходили. Они захватили детей, не меньше десятка, а мы кинулись следом. Пару отбили, а меня ткнули мечом. — Он опять уперся взглядом в свою повязку, а Мириам почувствовала, как по спине побежали мурашки.

— Они забирали детей?

— Да, забрали… мы не всех смогли спасти.

— А раненые оттуда… где они?

— В той части площади. — Он указал рукой назад, в сторону вывески "Гелиотропа", все еще висящей над головами людей. — А я… это я виноват. Мы должны были удержать ворота, но я испугался… за них, двоих. И приказал отойти, перекрыть переулки. Мы могли продержаться дольше.

— Не слушай его. — Сказала Мириам черноволосой девушке, держащей на коленях его голову, и встала. — Твой муж — герой, он сделал все, как надо.

— Я верю. — Ответила та сквозь слезы.

Мириам отошла от них на несколько шагов, и снова зажмурилась. Но в той части площади, на которую указал Никки, все цвета были похожи — боль, надежда, беспамятство, похожее на мутную дымку, сплетенную с цветными язычками.

— Пойдем. — Сказала она Арго. — Нужно посмотреть поближе, так я ничего не понимаю.

Гладиатор, молча глядевший на Никки, и его семью сверху вниз, кивнул, и осторожно развернулся.

Они обошли круглую сцену, погребенную под завалом из тюков. Раненых здесь было больше. Видимо, их оттаскивали прямо с поля боя, оставшегося позади, и складывали на плащи, тряпки, прямо на мостовую, как можно ближе друг к другу, так что Мириам приходилось переступать через тела. Люди вокруг встревоженно перешептывались, глядя на нее и гладиатора, и она вдруг поняла, что никто из них не знает — а возможно и не узнает никогда о том, что на самом деле случилось в этот день. Треск в переговорнике стал еще громче. За городом что-то продолжало греметь, эхо отражалось от домов, окружавших площадь. Мириам ловила взгляды, полные страха — как будто люди ожидали, что рейдеры вот-вот вернутся и бой продолжится.

— Это из-за него ты плакала тогда? — Неожиданно спросил гладиатор. Мириам не сразу поняла, о чем речь — целая вечность отдаляла ее от того дня в прошлом, когда они гуляли по улице вместе с детьми. От мятных леденцов и слез, сохнущих на щеках.

— Да. — ответила она просто. — А ты запомнил?

— Ты сама рассказала. Я смотрел на его жену — она тебя узнала.

— Я никогда ее не видела, но… она меня знает, и я тоже это поняла. Так заведено у женщин. Но я никогда больше к ним не подойду. — Мириам повернулась к Арго, и что-то сильно толкнуло ее в бок. Знакомый цвет, неожиданно вспыхнув рядом, заставил ее улыбнуться.

— Мириам! — Закричала Таня, обхватывая ее за пояс.

Девочка расплакалась. Мириам осторожно обняла ее за плечи, пытаясь отстранить от себя, чтобы не перепачкать в крови, покрывающей повязку и бронежилет.

— Я тебя не увидела. — Сказала она. — Ты с Пионой, да?

— Да, да… мы прятались, а потом пошли вас искать. Пришли к гостинице, но там уже никого не было, только мертвые, и ни вас, ни тети Марты. Тогда мы пошли сюда, а тут было столько людей, и мы стояли в стороне, видели барона. А потом начали стрелять, и было очень страшно, столько убитых. И мы пошли искать вас, а нашли тетю Марту…

— Марту? — Переспросила Мириам. — Вы нашли ее? Где?

— Она ранена, ее сильно ударили по голове. Пиона говорит, что она выздоровеет, но я не знаю, Пиона же не доктор…

— Веди нас к ней.

— Так вот же… — Таня потянула Мириам за руку, перепрыгивая через раненых. — Она так лежит уже долго, Пиона дала ей что-то…

Мириам почти побежала следом, глядя под ноги, чтобы ни на кого не наступить. Вывеска «Гелиотропа» оказалась слева, потом снова позади — и девушка чуть не споткнулась о тело, завернутое в серый плащ, с головой, обмотанной белым. Повязка не скрывала лицо, но Марта, казалось, спала.

Пиона, сидевшая рядом, без плаща, в простой серой блузе и джинсах, встала навстречу Мириам.

— Привет. — Сказала она. — А я уже надеяться перестала, что придешь.

— Она без сознания? Что с ней случилось?

— Я ей таблетку дала, а то она все встать порывалась, и бежать за ними…

— За кем… за ними?

Пиона подняла глаза на гладиатора, подошедшего и вставшего за спиной Мириам, ее лицо внезапно стало жестче.

— Да за теми, кто ее прикладом по голове ударил.

— Где дети? — Почти выкрикнула Мириам. И вдруг поняла, что уже знает ответ — по тому, как мигнул огонь Пионы, как напряглись мышцы ее челюстей.

— Забрали их. Бой был, прямо на площади. А гады эти, с недавнего времени, говорят, за малыми охотятся. Забрали их, прямо отсюда. Ты прости, сестричка, что такие новости — то гада этого привела к тебе, то теперь такое… Что ворона, несчастье на хвосте приношу.

— Куда они пошли? — Наклонившись вперед, прогудел Арго, низко и страшно, так что его голос отдался дрожью в животе у Мириам.

— Так если бы я видела. — Испуганно ответила Пиона. Таня, стоявшая рядом, обняла ее и снова заплакала. — Марта только и говорила, что их забрали, а куда, и кто, она понять не успела. Ее сильно стукнули, хотя голова и не пробита, я проверила. Если полежит немного, то может и подняться сможет.

Арго громко скрипнул зубами, а затем скрип и шелест, звучавшие последние полчаса в переговорнике Мириам, вдруг прервались громким щелчком.

— Поднимаем ретранслятор. — Сказал голос Ланье. — Зачищаем восток. Основные силы отходят к стоянке и покидают долину. Кто слышит, повторяю, покидают долину!

— Тебя слышу. — Отозвался шериф. — По западу похоже на драку, прямо на стоянке, а кто успел — уезжают.

— Открываем сезон охоты, шериф.

— Всем, кто меня слышит. — Шериф хрипло засмеялся. — Они бегут! Эй, кто еще живой, кого не закопали — мы победили! Слышали, мы победили!

Он говорил еще что-то, и какие-то голоса отвечали ему — но вокруг, эхом отдаваясь по всех площади, уже зазвучали крики. Через несколько секунд люди вокруг Мириам плакали, вопили, обнимали друг друга, раненых, Арго, возвышавшегося над всеобщим ликованием со спокойствием статуи. Мириам прижала переговорник к уху, но это не помогало. Рядом кто-то танцевал, какие-то люди обнимали Пиону, а затем и ее. Огромный гвардеец сдавил ее в объятиях, и приподнял над толпой, а она все вслушивалась в голоса, звучавшие в переговорнике, и радость вокруг казалась фальшивой, ненастоящей, пустой.

— Би!? — Выкрикнула она, стараясь перекричать шум вокруг.

— Их нет здесь, среди мертвых. — Сказала Би устало. — Мириам, ты слышишь?

— Я знаю. Их забрали.

— Забрали? Рейдеры?

— Да.

— Кто? Какая банда? Они все сейчас бегут отсюда, дьявол!

— Я не знаю, но я думаю…

— Если этого не узнать, то мы их не найдем!

— Я дала Року твой переговорник.

Би на секунду замолчала.

— Тот, который я оставила…

— Да.

— У меня нет корда, и мне нужен передатчик в моем каре, чтобы отследить сигнал, если он еще есть. Я иду на площадь, а потом… нужна будет еще одна машина, если мы

собираемся отбить всех, кого они забрали.

— Хорошо.

— Эй, Ланье, не хочешь прокатиться?

— Ты сошла с ума? — Рассмеялся наемник в ответ. — Мы победили, ты не слышала? Это такая победа, про которую будут вспоминать еще сотни лет. Но в городе до сих пор опасно, нужно чистить долину, собирать барахло — на месяц работы. Да и вокруг города сейчас многовато рейдеров. Так что я сам не поеду, людей своих не пущу, да и тебе не советую.

— Я так и думала.

— Считаешь, я опять трушу? Как хочешь, но срываться сейчас отсюда в пустыню — это сущее безумие, и я никогда…

Он продолжал говорить, но Мириам уже не слушала. Большой гвардеец отпустил ее, и она повернулась к Арго, стоявшему совсем рядом.

— А ты не хочешь прокатиться? — Спросила она.

V.

Пустыня бежала навстречу, сияя белым светом.

Глаза должны были заболеть от этого сияния давным-давно, но боль не пришла, и Мириам затемнила кабину только для Арго, заснувшего позади, в салоне. Тяжелый броневик наемников шел ровно и быстро, не отставая от кара Би, большое сиденье было удобным, но спать не хотелось. Мириам смотрела вперед, на свои руки, лежащие на штурвале, и на пустыню, пульсирующую белым в ритме ее сердца. Каждая пульсация несла в себе новые цвета. Просто глядя вперед, Мириам видела, как покидают долину выжившие рейдеры, разбегаются их огни в стороны от Атланты, и хайвея, на котором Би уже расстреляла с десяток машин — небрежно, походя, освобождая дорогу. Среди цветов были и знакомые — Мириам узнала предводительницу Змей, ожидающую темноты в холмах вместе с тремя десятками своих подруг. И седовласого Тигра, едущего на открытом каре куда-то в пустыню, к месту встречи, известному только его людям. Она видела их, но не чувствовала ненависти — огни были такими же, как и остальные.

Человеческими.

Арго проспал много часов. Остались позади поля вокруг Хокса, сожженные остовы ферм и пустые каналы. Солнце медленно описало полукруг, падая впереди, перед хайвеем. Мириам всматривалась в цвета, огни, все одновременно, и вспоминала о том, что еще осталось позади — Хокс, горящий, и полный радости пополам с болью. «Индюк», разгромленный мародерами, одного из которых Арго без лишних разговоров приложил о стену. Деньги, большую часть которых она отдала Пионе, приказав заботиться о Тане и Марте. И слова Тани: «Пожалуйста, найдите их, я буду за вас молиться. А если вы не вернетесь, пойду вас искать».

От прошедших событий осталось немногое — игольник, бронежилет, повязка на плече, заново наложенная Би, планшет Джино в рюкзаке. И самые главные вещи, хранящиеся только в памяти.

Солнце ползло вниз. В переговорнике звучали голоса — Ланье, шерифа, и даже доктора, имя которого она снова забыла. В Хоксе продолжали стрелять, вооруженные жители и гвардейцы прочесывали улицы, выкуривая оставшихся рейдеров, наемники разбирали машины, оставшиеся на стоянках. Время от времени Би отвечала кому-то из них, переругивалась с Ланье или советовала что-то шерифу. Но Мириам знала, что она тоже не

видит сейчас ничего, кроме пустыни впереди, и призрачного маяка — сигнала переговорника, работающего вхолостую, с выключенной передачей.

Ночь упала на хайвей, но Мириам не стала включать фары — белое сияние все еще пульсировало в глазах, заставляя песок светиться в ответ. На сером небе проступили белые пятнышки звезд, и переговоры затихли. Остался только свист ветра в узких окошках броневика, и серебристый хайвей, бегущий навстречу. На котором, вдали, вдруг проступили новые огни — группа рейдеров человек в двадцать, и детские огоньки, мерцающие от страха даже во сне, все ближе и ближе.

На серое небо всплыла луна, а Мириам все всматривалась вперед, пытаясь различить среди этих огней знакомые. Но они были слишком близко друг к другу, или просто слишком далеко от нее. Ночь тянулась бесконечно, и небо в зеркалах заднего обзора начало розоветь, когда кар Би притормозил, съезжая на обочину.

Только остановившись рядом, и спрыгнув с высокой подножки, Мириам увидела причину остановки — другой бронированный кар, и человеческую фигуру, сидящую на нем. Би выбралась из машины, подошла к кару, и человек шагнул ей навстречу. Позади, задев наплечником створку заднего люка, вышел из броневика Арго, но Мириам, узнав знакомые цвета, уже опускала игольник.

— Не иди за ними, Ребекка Ли. — Сказал инфильтратор.

— Снова даешь мне советы? — Спросила Би.

— Ты не сможешь ничего сделать.

— Я уже слышала нечто похожее, про мои шансы.

— Ты не понимаешь — я уже был там, куда они идут. Ребекка Ли, это дело королей. Оно может изменить весь мир, который мы знаем.

— Значит, придется мне решить его.

— Ты погибнешь зря.

— Не зря, вовсе не зря…

Воин в чешуйчатой броне покачал головой, а затем его маска лопнула пополам.

— Я, Меч Атланты, Джордан, прайм, прошу тебя — не иди!

Би молча смотрела на него. Лицо, обрамленное густыми непослушными волосами, показалось Мириам очень молодым, едва ли на несколько лет старше ее самой.

— У тебя нет права просить. — Ответила Би наконец. — Вы бросили Хокс на произвол судьбы. Все, что случилось — по твоей вине.

— Мы не могли вмешаться…

— Прайм не может стоять в стороне, забыл? Нас создают потому, что есть вещи, которые только мы можем сделать! Мы действуем! Хочешь, чтобы я не пошла туда — останови меня!

— Ребекка…

— А если нет — то не стой у меня на пути! Что там такого, что ты не хочешь меня туда пускать?

— Это дело королей…

— Ты и этого мне не скажешь, верно? Ты ничего не сделаешь, как и раньше, да, Джордан, прайм? Да?!

Несколько секунд они стояли, глядя друг на друга. Затем маска снова охватила его лицо. Инфильтратор отвернулся и пошел к своей машине.

— Сговорились вы, что ли? — Тихо спросила Би ему вслед.

— Интересные у королей дела. — Сказал Арго, и с хрустом потянулся. — Но я вроде отдохнул, так что в самый раз. Эй, только не стартуйте сразу, а то мне еще отлить нужно…

Древний город поднялся из песка впереди вместе с ранней зарей. Нежно-розовые сумерки сменили серую ночь. Померкли звезды, и вместе с ними начал угасать белый пульс, освещавший дорогу Мириам. «Белая грань» заканчивала действовать, под повязкой на плече проснулась боль. Но огни детей впереди становились все ближе, и Мириам, вцепившись в штурвал, не сводила с них глаз.

Город ушел вправо — Би свернула с хайвея на древнюю объездную дорогу, почти полностью погребенную под песком. Затем они остановилась еще раз, чтобы рассмотреть следы стоянки — колеи тяжелых каров и три больших костра между остатками древних стен.

Рассветный воздух показался Мириам обжигающе холодным. Би пинками расшвыряла один из костров, затем подняла что-то, присыпанное песком.

— Переговорник. — Сказала она. — Здесь и замолчал. Дьявол, я надеялась, что это помехи…

— Не страшно. — Сказала Мириам, чувствуя, как несмотря на холод, по ее лицу струится пот. — Я уже вижу их, тут недалеко.

— Видишь?

— Или чувствую. Поехали, пока я еще могу вести машину.

Спустя полчаса дорога окончательно скрылась под песком. Эстакады, отходившие от нее когда-то, поднимались и дальше, каждые несколько километров — обломки огромных мостов, указывающих на разрушенный город. Би свернула направо, и въехала на одну из них, осторожно объезжая трещины. Ее кар добрался почти до середины обломка эстакады, и вплотную приблизился к западному краю.

Подождав несколько минут, Мириам не выдержала и выбралась из кабины. Колпак кара Би был отброшен, но воительница не двигалась, неподвижно глядя перед собой.

— Бетонное поле. — Проговорила она наконец. — Дети там, да?

— Кажется…. — Мириам подняла игольник, и взглянула в прицел туда, куда указывал нос кара Би, выглядывающий сквозь разломанный барьер эстакады.

Поле, о котором говорила Би, оказалось очень далеко — в двух километрах, не ближе. Огромные бетонные плиты прорастали травой и кривыми деревцами, массивные квадратные столбы отмечали места, где когда-то стояли здания. А на самом краю поля, у ряда низких развалин, возвышалось нечто странное — зыбкий стреловидный силуэт, похожий на джет, только огромный. Мириам трудно было представить его размеры, но совсем недалеко от него, между столбами, копошились человеческие фигурки, маленькие, мерцающие в тусклом свете зари.

Она приблизила изображение, и фигурки перестали быть человеческими — Мириам различила узкие птичьи головы и обрубки сложенных крыльев за спинами. Существа в странной броне делали что-то рядом с вертикальными ящиками, похожими на матово-белые коконы, в которых…

— Да, они там. — Сказала Мириам, и опустила игольник, тяжело дыша. Сердце билось слишком быстро, и жар, бегущий по коже, сменялся холодом. — В этих… ящиках. И еще в этом огромном джете…

— Это шаттл. — Тихо пояснила Би.

— Небесные. — Бесшумно подошедший Арго присел у самого края эстакады с биноклем. — Никогда такого не видел…

— Не только ты. — Ответила Би. — Они никогда не спускались в крепости. Мы видели только шаттлы, не более. А эта броня… Джордан не лгал, это дело королей. Когда выяснится, что Небесные похищают детей, и платят за это рейдерам…

— Это просто… люди. — Глотая слова, выдохнула Мириам. — Я вижу, даже в броне…

— Они нас ждут? Электромагнитный след заметен на очень большом расстоянии — возможно, они могут видеть нас.

— Они напряжены, волнуются. Их больше, чем кажется. Есть еще в джете, и, кажется, в развалинах.

— А рейдеры?

— Рядом нет… наверное, они уже уехали.

— Значит, они получили то, что хотели. Придется атаковать очень быстро.

— Это безумие. — Сказал Арго и рассмеялся. — Напасть на Небесных, возле их корабля…

— Предлагаешь развернуться и уехать?

— Нет, прайм, пути назад нет. Да я и не побегу. Что будешь делать?

— Возьму на себя этих двоих. А вам придется разобраться с контейнерами… они должны открываться. Главное — быстро.

— Ясно. — Арго убрал бинокль, и посмотрел на Мириам. — Что-то ты неважно выглядишь. Я за руль, ты рядом, хорошо?

— Хорошо. — С облегчением согласилась Мириам, и забросила игольник за спину.

— В пятидесяти метрах за мной. Если будут стрелять — вас не должны задеть. — Сказала Би, и колпак кабины закрылся.

— Пойдем. — Сказал Арго. — Это будет почище той драки на площади.

— Ага. — Ответила Мириам, и попыталась улыбнуться. — Прощаться будем?

Кар Би вылетел на поле. Но еще до того, как стартовавшие с него ракеты ударили в основания бетонных столбов, рядом со светящимися белыми фигурами, Мириам уже знала — что-то не так. Огни в корабле и в развалинах сжались, сосредотачиваясь, но ни удивления, ни страха в них не было.

Взрыв ракет поднял густое пыльное облако. Кар Би, ворвавшись в него, ударил ближайшего Небесного по ногам, опрокинув на землю — тот оказался почти четырехметрового роста. Поле вздрогнуло — линия черных разрывов прошла по нему от самого корабля, и неожиданно прервалась у кара, видимо, невидимый стрелок опасался задеть своих. Би выпрыгнула из кабины, взбежала по плечу Небесного, поднимающегося на колени, и прыгнула на второго, раскрывающего крылья — конструкции, усаженные длинными подвижными жалами вместо перьев. Воздух над полем замерцал, столб за Небесными разлетелся синими металлическими брызгами и осколками камня. Кар подбросило, Арго изо всех сил вывернул штурвал, но бетон перед ящиками уже лопался, проседая. Мириам еще успела увидеть, как Би, упираясь ногами в плечо Небесного, ухватила его огромную голову за клюв, и вывернула вверх, так, что из блестящих шлангов у него на горле брызнула белая жидкость. А затем целый ряд бетонных плит, по которому боком скользил их броневик, обрушился вниз, в черную пустоту.

Кабина кренилась все сильнее, Мириам ухватилась за приборную панель, падая на Арго, и тот, выпустив штурвал, обхватил ее за плечи, упираясь второй рукой в низкий потолок. Что-то с грохотом ударилось в броневик, и застучало по крыше, лопнуло переднее окно. Кабина наполнилась едкой пылью, а машина все скользила вниз, пока не остановилась,

ударившись бронированным кузовом. Заскрипел металл, в окне справа мелькнуло небо, и броневик замер, лежа на боку. Несколько секунд мелкие камни продолжали барабанить по обшивке, затем перестали.

— Где мы? — Мириам потянулась вверх, Арго выпустил ее, и подтолкнул снизу. Поднял одной рукой, упираясь в бедро, так, что дверь броневика оказалась прямо у нее над головой, и оставалось только толкнуть посильнее. Где-то в стороне снова громыхнуло, и вокруг почему-то отозвалось эхо. Дверь со скрипом поддалась, Мириам выбралась наверх, зацепившись за край, и скорчилась там, на боку у перевернутого броневика, задыхаясь.

Во все стороны простиралась темнота. Вокруг броневика были разбросаны обломки бетонных плит, по которым он ехал всего несколько секунд назад. Целый ряд их, держась на синих жилах арматуры толщиной в человеческую руку, все еще висел позади изломанным пандусом, ведущим обратно, на поле, оставшееся в тридцати метрах наверху. Гигантские столбы, поддерживающие его, выступали из темноты, светясь странным, синеватым светом. Присмотревшись, Мириам разглядела расходящийся от них узор — тонкие мерцающие линии и кольца, бегущие по полу, уходящие во все стороны, в глубины неожиданно открывшегося циклопического зала.

Что-то шевельнулось метрах в двадцати, среди плоских бетонных обломков. Там встал Небесный, видимо, тоже рухнувший сверху — его голова болталась вправо и влево, как у сломанной куклы. Второй Небесный поднимался на колени чуть дальше, у опорного столба — когда из-за его спины вышла Би, в сером от пыли комбинезоне, волоча за собой огромный кусок арматуры с обломком бетона. Небесный оперся на руку — и воительница, развернувшись вокруг своей оси, раскрутила обломок вокруг себя…

Звук, сухой, как от столкновения камней, эхом разнесся по залу. Рука Небесного отлетела в сторону, он потерял равновесие, качнувшись вперед, и следующий удар обрушился на его левое крыло. Би деловито обошла его, и осколки бетона брызнули в стороны, крошась о белую броню. Голова Небесного мотнулась и ударилась в пол, об узел узора, отозвавшийся синей вспышкой в голове Мириам — внезапно сделавшей видимыми другие цвета, которые она потеряла из виду в падающем броневике.

Закричать она не успела.

Узкие лучи света, брызнув сверху, с изломанных краев бетонного поля, сошлись на Би, ломающей механического ангела точными расчетливыми ударами — и воздух вздрогнул от низкого свиста. Невидимые металлические плети выстрелов хлестнули вниз, выбросив алые искры из арматуры опорного столба, и окончательно смяв ангела. Ударили по запыленной фигурке, метнувшейся назад, в темноту, перекрестив ее стремительными алыми росчерками.

Би отлетела к столбу, пятная его черной кровью, и больше не двигалась.

Мириам услышала, как скрипит дверь броневика. Арго выбрался наружу, проклиная все подряд, а затем луч света упал и на нее. Что-то стремительно простучало по броне, словно выбивая дробь, и гладиатор прыгнул вперед, пытаясь закрыть ее собой. Но было поздно — жаркая боль вспыхнула в груди, расцвела маленькими злыми цветами, и серия толчков опрокинула ее назад, за броневик. Арго упал следом, все еще пытаясь прикрыть девушку.

Свет резал глаза. Она чувствовала, что он рядом, но не знала, сколько секунд им осталось. Низкое гудение разрывало воздух — механические ангелы спускались вниз.

— Альмейде. — Раздался голос в сверкающей высоте. — Все ликвидированы?

— Есть признаки жизни.

— Зачищайте и будем уходить.

Имя показалось знакомым, но Мириам уже не помнила, откуда — гудение становилось все сильнее. А затем удар, похожий на столкновение молота с наковальней, прервал его, зазвенев высокой нотой у нее в ушах.

И дальше был только свет.

Эпилог.

Ребекка смотрела на свою руку.

Пальцы все еще сжимали металлический прут — но разжать их она уже не могла. Сенсоры костюма сообщали о разорванных мышцах, о жгутах, перекрывших артерии в плече. Но ей казалось, что она все еще может чувствовать их, что стоит приложить усилие — и пальцы разожмутся.

Напрасно.

Она уже не могла шевелиться. Безжалостные и точные цифры заполняли ее разум — падающее давление, и медленно останавливающееся сердце. Бронированные сервотрубки на груди и спине, прошитые попаданиями сверхскоростных игл, словно бумажные. Боли не было — прайм-линк блокировал ненужную нервную деятельность, давая ей возможность мыслить ясно, даже в самый последний раз.

Почему-то она думала, что этот момент принесет ей облегчение — но его не было. Она думала о Мириам, детях, об Арго, пошедшем за ней без рассуждений — и ей хотелось кричать. Мышцы не подчинялись, и она пыталась оттолкнуться спиной от столба и встать, снова и снова. Но усилия превращались в бесполезные конвульсии, содрогания безнадежно сломанного механизма. Пока она не замерла, просто глядя перед собой — на свет, бьющий из разлома наверху, и растущую лужу собственной крови, словно дымящуюся при соприкосновении с мерцающим синим узором на полу.

Потом была темнота.

В темноте умирали остатки индикаторов — сначала остановился индикатор дыхания, сложив синие крылышки, за ним замер алый значок сердца. А затем проступили новые символы.

Ребекка парила в темноте, уже не чувствуя своего тела, и перед ней рождались из темноты синие светящиеся буквы, одна за другой, соединяясь в мерцающий поток информации:

…МОСТ КРОВИ УСТАНОВЛЕН.

…ИНТЕРФЕЙС КРОВИ ЗАВЕРШЕН.

…АКТИВАЦИЯ ДОСПЕХА НАЧАТА.

…СТРАЖ МЕРТВЫХ АКТИВИРОВАН.

…ПЕЧАТИ СНЯТЫ.

…ОГРАНИЧЕНИЯ ОТОЗВАНЫ.

…ЗАГРУЖАЮ КОММУНИКАТИВНОЕ ЯДРО.

…ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ИШТАР.

Она стояла на синей полупрозрачной платформе. Вокруг, насколько хватало глаз, до самого горизонта, простиралась невероятная циклопическая конструкция — сложное, живое переплетение синих металлических струн и узлов, пульсирующих светом, соединяющихся в мерцающие ядра, и расходящихся в сети, превышающие по размерам горы. Подобие огромного дерева, сплетенного из вибрирующих и движущихся частей, вздымалось впереди, нависая над платформой и уходя куда-то вверх, в черное беззвездное небо.

Ребекка подняла руку, рассматривая свои пальцы в перчатке — белый рукав, парадный

мундир прайма.

— Красивый, правда?

Рядом, всего в паре шагов стояла девушка — огненно-рыжие волосы до пояса, и мундир, такой же, как у Ребекки, только почему-то черный.

Ребекка готова была поклясться, что секунду назад ее тут не было. Девушка подняла руку, копируя ее жест.

— Я решила, что мне так будет лучше.

Несколько секунд Ребекка смотрела в ее лицо — отражение своего собственного.

— Кто ты?

— Я — Вероника. Ты меня не помнишь?

— Мириам… рассказала мне. Но почему… где мы?

Вероника обернулась, глядя на огромное живое нечто, вздымающееся над ними.

— Я не знаю, есть ли для этого слова в человеческом языке… ты же тоже это видишь?

— Да.

— Она говорила со мной. А сейчас будет говорить с нами обоими.

— Она?

— Да. — Вероника подняла голову. — Она… богиня.

Конец второй книги.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Данная книга является частью цикла «Стальная бабочка», в который входят следующие книги:

1. «Стальная бабочка, острые крылья».
2. «Ястреб в огне».
3. «Дорога мертвых».
4. «Крепость лжецов».
5. «Разбитые звезды».

###